

Руслан
Передельский

Чугунные облака

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Романович Передельский

Чугунные облака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42713144

SelfPub; 2019

Аннотация

Говорят, тихие омуты всегда скрывают жуткие тёмные тайны. Об этом написаны десятки книг и сняты сотни фильмов. Интрига на тайне. Тайна на интриге. Что скрывают жители нового для Влада города? Может, причину гибели отличницы Адрианы, чьё тело было найдено у шоссе за городом? Может, цикличность убийств подростков, происходящих тут из года в год? А может, личность загадочной мстительницы в белой маске, желающей отомстить «сливкам» общества и гордо назвавшей себя «Леди V»? Содержит нецензурную брань.

Её ужасу не было предела. **Она** задыхалась, но всё равно бежала, бежала истекая кровью всё глубже и глубже в лес, потому что понимала – другого выхода нет. **Она** не хотела умирать. Только сейчас **она** поняла, что произошло. Не оглядываясь назад и зажав тонкой ладонью глубокий порез **она** отчаянно боролась за свою жизнь. Другая ладонь старательно сдерживала резко накотивший крик ужаса. Колени стёрты в кровь, на джинсах образовались многочисленные дыры, а белая футболка изменила свой цвет до неузнаваемости. **Она** ещё чересчур мало прожила, чтоб уйти. «Чего они хотят от меня?» – не переставая бубнила **она** себе под нос.

Девчонка зацепилась за сучок, упав на живот и тихо за сопев. По щекам стекали холодные слёзы, резко обрываясь вниз на холодную сырую землю. Пот, даже в условиях теплоты ночного июльского воздуха, стал неприятно холодить кожу.

«Как моя жизнь могла превратиться в кошмар лишь за одну ночь?» – вопрос крутился в голове со скоростью флюгера в ветреное утро.

Обернувшись назад, среди деревьев **она** продолжала видеть огни: десятки факелов следовали за ней, мерцая в чередё тёмных деревьев как далёкие звёзды. Они хотели от неё только одного – её молодой крови.

Каждый раз, стоит мне только задуматься о характере своего страха в голове всплывает лишь тёмный мрачный силуэт. Я не вижу его глаз, очертаний лица или волос. Они появляются дальше, с каждым новым прожитым днём становясь всё детальнее.

Мрачный сутулый мужчина, без дела стоящий посреди тёмного переулка и поджидающий меня. Мистическая женщина, тело которой словно синяя паутина покрывает длинная сеть из вен. Бездумные тёмные глаза, очертания которых я вижу во мраке.

Жидкий симбиоз, меняющийся вместе со мной.

В моей голове всегда живёт этот силуэт, скрывая свою настоящую сущность. С самого детства я мирно уживаюсь с ним. Я не один, он ходит со мной по пятам не отпуская ни на секунду.

Мой страх – постоянно меняющееся создание, растущее с каждым днём ввысь всё больше и больше, забывая о том что моя черепная коробка вовсе не резиновая. Она не может принять всю тьму в себя.

Это место запомнится мне на всю жизнь, как место где я встретил таинственный симбиоз лицом к лицу. Я чувствовал его дыхание, ритм его быстро бьющегося сердца. Он был рядом со мной каждый день, наблюдал из отдалённых тёмных углов комнат, всматривался в мои волосы, длинные тёмные ресницы и рукой прикасался к гладкой щеке. Он рядом.

Он всегда был рядом, есть рядом и будет рядом. Мой страх живёт своей жизнью, а разве можно подчинить себе чужую жизнь?

– 20 минут до пункта назначения – безжизненным машинным голосом заявила заботливая леди-навигатор, нависшая над лицами моих родителей в чёрной крепкой подставке.

– Хвала богам! – проронила моя мама, скучающе смотря в окно на леса, тянувшиеся бесконечной чередой за ним. Дорога виляла и путалась в самых неожиданных формах как длинный питон, медленно пробираясь через густую чащу, прерываемую безвкусными массивными яркими биллбордами. Жирными буквами они сообщали о выходе нового вкуса безалкогольного пива. «Базилик, малина и ментол – взрывоопасное сочетание!» – точнее не подметишь.

Разувшись и уютно закинув ноги на кресло я повышал налоги в «SimCity», ловя недовольные отзывы местных жителей. Периодически, это отвлекало от осознания того, что твоя старая повседневность навсегда исчезает. Она продолжает с надеждой цепляться за мчащую со скоростью восемьдесят семь километров в час машину, проясняясь грустными видениями сквозь звенящие на ветру листья.

Даже сквозь наушники, в которых играл последний альбом Джастина Тимберлейка я мог слышать суетливые реплики родителей: казалось бы, такой опыт переезда, а при-

выкнуть всё никак не могут.

Дорога была изнуряющей. На захудалой заправке пригорода одного из невзрачных захолуствий моя мать потеряла телефон, обвинив в краже ни в чём неповинного тихого байкера. Было неловко.

А ещё было неловко когда мой отец поцарапал чужой «Nissan» вишнёвого цвета, ловко скрывшись с места конфуза.

В наушниках заиграл «One direction». Подскочив на месте, я испуганно переключил трек, будто их песни были запрещены законом.

В машине продолжало омерзительно пахнуть мягким «Бри». Родители не удержались, увидев сногшибательную акцию «три головки по цене одной». Сейчас же, глаза от трёх головок слезились как от целой сырной контрабанды, сгружённой в наш тесный багажник.

А ещё, аромат плесени, схожий на запах потняков всех игроков нашей футбольной сборной (хоть я и понятия не имею, как они пахнут), смешался с благовонием висевшей на зеркале заднего вида ёлочки.

А ещё, леди-навигатор не вздумала заткнуться ни на секунду.

А ещё, мне захотелось в туалет.

А ещё, вы вообще знаете куда мы держим путь?

Для таких «а ещё» и созданы экспозиции и специальные многозначительные прологи. Они должны безвкусной

невнятной кашей вылить поток информации на неподготовленную голову читателя. А читатель, в свою очередь, должен определиться, читать ли ему произведение или нет.

Так что экспозиция это ответственно.

Очень ответственно.

Мы были почти у цели: новая жизнь. Новый город, складывающий противоречивые впечатления и о себе, и о живущих в нём.

Люди живущие в этом городе ощущали себя как-будто в вакууме, и хотя город с 40-тысячным населением особо провинциальным назвать нельзя было, они жили в городе, которому, по словам его жителей, неподвластно время. Главной городской достопримечательностью города были руины старого стадиона, а главным развлечением жителей – собирание сплетен друг о друге. О да, в этом городе у любого жителя можно узнать все подробности об интимной жизни своего соседа. Каждый тут друг друга знал, и заселение новой семьи здесь вызывало фурор и всеобщий ажиотаж. Вот примерно такой же ажиотаж и вызвало моё появление.

Сейчас, по правилам экспозиций и прологов я должен торопливо рассказать о себе. Изложить коротенькое описание своей жизни в нескольких предложениях. Как в наигранных телешоу, когда во время интервью с героями появляется короткая информация об их персонах, вроде «Генрих. Продавец фалафеля» или «Сюзанна. Маникюрщица бульдогов».

Меня зовут Влад, и через два месяца мне стукнет шестнадцать. Зачем обычного школьника угораздило излагать свои мысли на бумаге? Ну, мне нужно было их изложить. Ведь история, которая заставила меня задуматься о смерти, и о том, что этот мир совсем неоднозначен стоит того. Её можно или выгрузить, пытаясь избавиться от тяжёлой ноши, или дать полностью оккупировать свой мозг со скоростью невиданного ранее опасного африканского вируса.

Хм, «неоднозначность». Похоже, это слово на сто процентов описывает те события, которые приключились со мной прямо таки во время подросткового созревания. Не самое подходящее время для сильнейшего шока, согласитесь?

Любая книга начинается с небольшого предложения написанного на белом экране МАКа, и автора, укутанного в тёплый уютный шарф, сидящего на пуфике и пьющего горячий латте. Так начинаются все истории. Так начну свою и я.

Просиживая тут, в приторно пахнущих испорченной карамелью «Пауках Сумрака» и печатая на своём старом МАКе 2013-го года эту историю, подавляя свои нервы, бьющие ключом из-за того что ноутбук периодически адски зависает, я просто не верю в то, что это пережил. История начавшаяся с обыденной длительной семейной поездки и монотонного голоса навигатора.

История, которая с первого взгляда показалась бы мне полнейшим бредом, в которую я бы в жизни не поверил, перевернула с ног на голову мою жизнь. Звучит ужасно баналь-

но, но мой путь после очередного, казалось бы, совершенно обычного для такого скитальца как я переезда, разделился на «до» и «после».

Этот город. О да, ознакомив меня во всей красе с понятием «ужас», «страх», «волнение» и «сумасшествие» он ясно дал понять что дело тут вовсе не в странных, своеобразных и порой чересчур «не-в-себе» местных жителях. Дело в самом захолустном городишке, даже на первый вид кажущемся чертовски неоднозначным.

Моя история схожа на большой тёмный клубок, на который милая улыбчивая старуха с каждой минутой наматывает всё больше и больше нитей. В моей голове образуется каша, ведь события происходят одно за другим, образуя длинный лабиринт вопросов. Из него я, пока что, не нашёл выхода.

Это лишь часть той самой истории. Жуткое и многообещающее начало, можно сказать короткий отрезок, мимолётный вопрос без ответа.

За неточность изложения событий прошу прощения. За точность изложения повествования от третьих лиц я уверен, ведь за него отвечали они сами.

Все реплики в точности переданы (как утверждают те, с чьих уст они сошли).

Голова разрывается от количества непоняток и несостыковок. Но я это сделаю. Передам историю, от которой мурашки идут по телу на белом экране «Pages».

Раньше я жил в приморском городе. Он был не шибко большой. Золотая середина, способная угодить и любителям наслаждаться шумом моря, и любителям пьянствовать в шумной компании.

Лица тут менялись часто, туристы летом наплывали тысячами, всегда дул легкий морской бриз, доносящий до моего чувствительного носа запах сырой рыбы. Мерзость. Этот зловонный аромат – одно из самых устойчивых воспоминаний об этом месте.

Жители тут полностью зависели от моря: если море заблаговолило этим летом быть тёплым, для жителей это значит большую прибыль в лице туристов. За счёт оставленных туристами денег тут и жили весь год. И знаете, всем этого вполне хватало. В не сезон основной контингент тут составляли пьяные рыбаки. Они громко матерились, шатались по улицам и сидели до рассвета в кабаках.

Тут я и провёл все это лето. Я любил приходить на местный пирс, садиться на холодный бетон и встречать там закат. Один. Звучит хреново, как для шестнадцатилетнего подростка. Но похоже (ох, как не хочется самому себе признаться) я интроверт. Самому с собой мне абсолютно интересно. Наедине со своей неутомной головой, мысли в которой несутся со скоростью быстрого водоворота.

Я садился и просто думал, пока солнце не заходило. Несмотря на весь этот утопический морской пейзаж, не всё тут было сильно гладко. Мой отец тут был что-то вро-

де управляющего в местной рыболовной лавке. Достаточно неприятное тесное прогнившее место. В нем жирная продавщица лет пятидесяти укрывала трёхэтажным матом всех, кто входил в узкие двери. Мой отец, который на тот момент переживал тяжёлую стадию кризиса среднего возраста, связанную с появлением первого седого волоса на идеально выбритой хипстерской щетине, всегда отвечал за агрессивную даму. И хотя получал он за эту работу достаточно, его она не устраивала. А кого это устроит? Средний возраст, исходя из моего поверхностного молодежного взгляда та ещё зловонная пучина, когда наслаждаться жизнью и проживать, осознавая что ты чем-то доволен – просто не вариант. Новость, что его пригласил работать в свою шахту начальником в город на другом конце страны родной брат, не смогла его не обрадовать, и мы тут же начали собирать вещи и выезжать на поиски лучшей жизни. Машинально собирать вещи в зелёный блестящий чемодан, треснувший сбоку – моя устойчивая способность, с каждым годом развивавшаяся всё сильнее. Искать «лучшую» жизнь постоянная привычка моих родителей, ведь они никогда не могли смириться с антуражем вокруг.

Но сейчас предложение казалось и вправду заманчивым.

Да-да, у дяди Арсения, брата папы, в распоряжении не одна шахта и не один завод. Он самый настоящий миллионер в привычном понимании этого слова. Всё настолько круто, что он даже попал в что-то вроде топа Форбс, расположившись

на почётном сорок втором месте. Страницы из того святого июльского выпуска до сих пор лежат на каждом столике, каждой тумбочке и каждом диванчике кукольного домика бабушки. Видели бы вы медленно раздувающееся в разные стороны краснеющее лицо отца, как только он видит ту клятую страницу. Пропахнувшему сырой рыбой администратору старомодной лавки весьма нелегко смотреть на самодовольное лицо своего брата, которым он, подперев рукой с одетыми на неё дорожными часами «Ролекс», улыбнувшись показав виниры сделанные в Тель-Авиве, прямо-таки передаёт через гляцевую страницу фразу «Полюбуйся чего я достиг, несчастное говно».

Одна его жена, Надин, казалось, тратит на себя миллионы долларов в день. Популярная инста-мамочка, каждую неделю постящая стори со спортивного зала и очередной рецепт протеинового смузи с ежевикой и шпинатом.

Но как не удивительно, жили они в том захолустье, показавшимся мне на первый вид вакуумом. Их пышное поместье было самым видным в городе, нависая словно мрачная туча над мирным городишкой.

О нём тут слагали легенды. Для каждого попасть туда было чем-то сродни попасть на Оскар и сесть рядом с Леонардо Ди Каприо.

Вообще, в этом городе ходило много городских баек и легенд, которые слагали менее обеспеченные люди про жизнь своих богатеньких соседей. Тут было много очень обеспе-

ченных людей, поверьте мне. После того как недалеко от города нашли месторождение угля, миллионеров тут выросло как грибов после дождя. «Голливуд» – подумаете вы, прочитав описание. «И вовсе нет» – скажу я вам, ведь едущие между тесными маленькими невысокими домами красные «Ламборгини» и чёрные «Роллс-Ройсы», видные фигурки на капоте которых инкрустированы кубинским арахисом, и проходящие рядом с горбатыми трясущимися от старости бабулями-попрошайками расколотые инъекциями силиконовые дамы казались будто не из этих мест. Словно в обычный скромный городок пририсовали элементы богатой жизни с помощью хорошего фотошопа.

Громкий звук мотора уставшего от изматывающей жизни пикапа и слипавшиеся глаза уставшего от дороги мальчика не дали занырнуть с головой в атмосферу «не типичной» провинции. Вымотанные, как и я, родители уже не так буйно обсуждали предстоящую важную должность отца. Они будто плавно засыпали, не отрывая глаз смотря вперёд. Достаточно живописные пейзажи за окном, густые зелёные заросли которых быстро мелькали перед глазами не смогли зацепить их уставшие взгляды.

Убаюкивающий мотор и ранние сумерки, плавно скрывшие за собой густой лес, казалось, вот-вот и усыпят меня.

Мы въехали, как я понял, через северную часть города: его зелёную часть.

Единственный дельный факт, что смогла рассказать мне

Википедия: захоlustье находится на самой границе двух климатических зон – степной и лесной, меняя ландшафты будто перчатки, плавно переходя из влажного высокого хвойного леса в удушливые степи, которые словно вены на теле человека пробивали узкие лесополосы.

Районы города казались блеклой чередой невысоких домов, чьи окна плятятся друг на друга не смыкая глаз. Одна одинокая чёрная кошка, сидевшая на белом деревянном заборе, напоминала о местных. Все будто бы заперлись за скрипящими дверями в уютных и тихих гостиных, смотря «Американского Идола» или обсуждая новый сезон «Холостяка». А какой ещё может быть досуг у жителя столь мелкого городка?

– Сто метров до пункта назначения – ознаменовал бездушный навигатор, чем всерьёз порадовал родителей.

– Чёрт, наконец-то! – крикнул отец заворачивая на скромный паркинг.

«Однообразие» – этим словом я мог бы охарактеризовать скучный спальный район, который тем не менее показался мне весьма благополучным, и каким-то даже милым.

Мой дядя выделил для нашей семьи приятный и новый двухэтажный частный дом, построенный специально для работников шахты. То, что он был построен для кого-то «специально» чувствовалось буквально во всём: начиная от халтурно повешенной входной двери, которая омерзительно скрипя приглашала зайти во внутрь, и заканчивая бездуш-

ной стандартной для подобных частных домов планировкой.

Он достаточно уютный и новенький, с двумя этажами и тихим задним двориком с мангалом. Та самая мечта отца, который теперь сможет виртуозно готовить мясо на костре (терпеть его не могу из-за жесткости), оголив торс.

Среди неопрятного заросшего газона виднелись нелепые броские садовые фигурки. Зелёная жаба стреляла безумным взглядом, выглядывая из-за тонких стеблей сорняков. Побитый и потрёпанный жизнью гном портил ощущение уюта одним лишь своим выражением лица. Его нос злобно вздымался так, будто под ним кто-то пукнул.

Прозрачная дверь. «Плюс» – мне это напомнило старые фильмы ужасов.

Ох, если бы я знал тогда... Никогда не записал эту ассоциацию в «плюсы».

Просторный мягкий диван цвета не доспевшего персика – «плюс» – рядом с которым располагался низкий журнальный столик с искусственными цветами в пластиковом горшке – «минус» – не долго думая, мама выкинула их в мусорку. Послышался звонкий треск.

В коридоре тишину дома прерывали старинные часы в форме ночной совы. «Тик-так-тик-так» – её глаза ходили из стороны в сторону. Безумный взгляд, имеющий сходство с жабой из сада.

За часами к потолку вздымалась тонкая трещина в стене – «минус».

Уютный коридор переходил в скромную кухню с большим обеденным столом. Там, в первую очередь меня привлекла посудомойка. «Плюсплюсплюсплюс» – от средств для мытья посуды цвета болотной тины меня тянет рыгнуть. На свете существует много вещей, от которых меня тянет рыгнуть.

Не осматриваясь по сторонам я побежал вверх по скрипящей лестнице, ведущей на второй этаж.

Интрига дня. «Детская со своей ванной на втором этаже» – с придыханием вспомнил я обещание своего дяди, расплывшись в глупой улыбке.

Мысль о комнате с личной ванной тешила меня всю дорогу сюда. Даже когда жители в «SimCity» бранили меня за малое количество пожарных в городе. Даже когда байкер, выслушав обвинения от моей матери чуть не полез драться с отцом. Даже когда мать сказала ему, что из его рта несёт «мудаческим бродячим нутром».

Кошелёк оказался в бардачке авто.

Половину второго этажа заняла комната, окна которой выходили на густой лес с внутренним двориком. Там стоял столик с маленькими стульчиками.

Ещё один факт подаренный одной из самых коротких страниц «Вики», что только довелось мне увидеть за всю жизнь. В две тысячи десятом город был удостоен специальной премии «Промышленный и зелёный». Награду вручил Женевский институт экологии. Видимо название номинации

перевели в «Гугл».

Местечко соответствовало награде, что не говори. Повсюду парки и густые, непроглядные леса. Воздух тоже подобающий: на первый вздох чистый и свежий, иногда улавливались нотки тёмных клубов дыма, вылетающих из высоких серых труб заводов дяди.

Специфический запах: после приятной свежести в ноздри залетает душок гари, точно рядом жарят бекон на гриле.

Мне досталась роскошная комната: с широкой и мягкой кроватью, большим письменным столом и высокими чистыми окнами. Перед нашим приездом их явно специально мыли: на стекле просматривались разводы от тряпки.

Я довольно посмотрел на отражение в зеркале, висевшем на двери, и подмигнул сам себе. Получилось нелепо. В кино выглядит круче. В зеркале сверкнул светящийся жёлтым полумесяц, схожий на отрезанный ноготь.

Трещин на гладких сероватых стенах не виднелось. Я не фанат уродливых постеров, но обстоятельства иногда вынуждают распаковывать старую коробку с плакатами изображающими Ники Минаж. Да-да, как у Билли Айлиш – «My strange addiction»: от читки Ники я тащился в классе-так шестом.

Нет, я натурал.

Обычно я прикрывал плакатами потрескавшуюся штукатурку. В том случае, когда ремонт оказывается старше моего прадеда.

В «рыбном» городе именно так и случилось. С потолка на второй день начали стекать редкие холодные капли.

Развернув светло-розовый постер с фото рэп-королевы во весь рабочий стол, плотно усеянный густым слоем белой воздушной пыли, я пробежал взглядом по гламурному фону, не понимая как столь ванильная вещь висела надо мной, в то время как я делал уроки во втором городе.

Тогда Ники нравилась мне всерьёз и надолго. Случилось это после того как до моих ушей долетел её куплет в треке «Monster» Канье Веста. Один понтовитый хам, одевавший чёрные «Vans» до того как это стало мейнстримом, включал его на своей допотопной «Motorola», качая головой возле мужского туалета.

– Кто это поёт? – заинтересовавшись спросил я пальцем указав на мыльницу.

– Не поёт а читает, придурок – хам нахмурил брови, взглянув на меня как на больного проказой, после чего скрылся с глаз долой в оживлённой толпе.

Конечно же, научившись набирать маленькими тощими пальчиками текст на клавиатуре, я нашёл застрявшую в голове исполнительницу.

Заядлый фанатизм продлился долго. С разных уголков мира через «Ebay» ко мне долетали десятки постеров. Один раз, проезжая по пустым улицам ночного города в душном такси, я услышал альбомный трек «Roman Holiday» по радио, обрадовавшись этому словно победе в лотерее.

Одними лишь губами я начал начитывать, схлопотав ироничный взгляд таксиста.

Ах да, в своих руках я прочно сжимал ходящую в разные стороны клетку с обеспокоенным котом (не спрашивайте, что случилось).

И ах да, таксистом была женщина. Она мило рассмеялась удивляясь насколько точно я знаю слова.

Сейчас же, указательным пальцем я смахнул назойливую пыль с розового парика одной из первых девушек, что полюбил чистой любовью.

Ох уж эта «влюблённость средней школы».

Скатав тонкую ткань в аккуратный рулет, я принялся за-талкивать её на верхнюю полку шкафа.

– А новый альбом у неё вышел обалденный – прошептал я – Кто бы что не говорил.

Струсив с ладоней приставучие пылинки я медленно подошёл к окну.

На улице царил непроглядная ночь, быстро сменившая собой бледные сумерки. Отрезанный ноготь ярким светом возвышался над тёмной стеной. Показалось, будто в кустах сорняков блеснули два металлических глаза.

В зарослях завалилось что-то металлическое.

Зевая я прикрыл рот ладонью. Глаза слипались, будто кто-то упорно тянул веки вниз. В ушах до сих пор стоял шум старого мотора. Тело до сих пор помнит те ощущения: авто, гонящее на скорости 120 километров в час, забытая Богом

объездная и чёртова кочка, возникшая из ниоткуда. «Буц!» «Бам!» – ты взлетаешь, а голова при этом будто пытается проломить собой крышу. Над ней нимбом начинают летать птички как в «Том и Джерри».

Родители копошились внизу. Слышался смех матери. Доносилось размеренное шарканье тапок по кафелю и отчётливый звук кипящего чайника.

На часах девять вечера. «Ранние пташки» не та каста, к числу которых я себя приписывал. Скорее «ночная сова». Почти все мои ночи проходят как у этого пернатого.

Но сегодня не тот день.

Животом я плюхнулся на мягкую уютную кровать, носом уткнувшись в прохладное белое одеяло. «Первое сентября» – вот чёрт, ужасающая цифра. От одного лишь звучания становится жутко.

Мой последний день лета прошёл совсем не романтично, ни капли не напоминая ванильные песни. «Мы будем тусить до рассвета, пока не осушим все бутылки пива» – ничего подобного. И кто же так пел? Не могу вспомнить.

Как итог: осушил я лишь флакон средства от тошноты. По вкусу – еще омерзительней чем миндальное молоко.

Новая школа. Новые люди. Хах, мне не привыкать. Я даже и не буду к ним привязываться, ведь рано или поздно вновь соберу зелёный чемоданчик, сяду в пикап и на полной скорости поеду на встречу «лучшей жизни». Она всегда так близко, но при этом так неподдельно далеко.

«Старшая школа». Первый день в старшей школе, представляющейся в фантазиях двенадцатилетнего Влада настоящим праздником. Он должен быть особенным. Настоящий уверенный широкий шаг во взрослую жизнь. Но перевернувшись на спину и зажмурив глаза я по-настоящему наплевал на все детские ожидания. Они иссякли, сошли на ноль. Всю инициативу об удачном построении новой жизни из меня выжали как сок из лимона.

Тело ватное. Мозги до сих пор как будто нервно подскакивают на кочках. Я весь трясусь как от слабой судороги.

Тот момент, который я всегда ждал с трепетом, сейчас стал обычным рядовым воскресным вечером. Завтра предстоит раскладывать вещи из пыльных тяжёлых коробок, держа в руках очередной хлам испытать, возможно, приятную ностальгию, а также пережить первый учебный день.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ.

«Пережить» – не подходящее слово, как для человека любившего школу и умевшего вливаться в компанию со скоростью света. Навык – и всё тут.

Увидеть двоюродного брата, которого я уже, казалось, не видел лет сто. А к нему я ощущал какую-никакую привязанность. Что-то нас связывало с самых ранних детских лет. Не хочу чтоб эта ниточка оборвалась. Эх, Андрей. Одно из тех самых приятных воспоминаний из детства. Любопытный, переодически наглый черноволосый парень, знавший цену своему несусветному богатству. Интересно, как изме-

нил его подростковый период.

Познакомиться с новыми людьми. Сделать первые выводы. Рассмотреть новый город. Казалось бы, такая знакомая и до боли родная схема – прописная и очевидная.

За чистыми прозрачными окнами звонко пели ночные сверчки, звук которых призвал сон ко мне в четыре раза быстрее. Заснул я тут моментально, во многом благодаря чудесной мягкой кровати.

Ладони парня ужасно влажные от липкого пота. Кристина вздрогнула.

Её светлые волосы золотыми волнами полностью укрывали спину. Их она не мыла, должно быть, уже два дня. В том противном старом здании день со днём не сыщешь воды. Вместо неё там водка. Реки водки.

Они шли в неизвестном направлении, всё дальше и дальше в ночной лес. Светлый дымок витал над сырой землёй. Густую листву пробивал разноцветный свет стробоскопов. Вдалеке играла надоедливая песня Maroon 5. Из-за посторонних звуков, не естественных для дикой природы, ночные совы (постоянные жители этих краёв) ещё давно умолкли.

Парень, как бы сказать помягче – хилый вариант на одну ночь. Из подмышек несло как из канализационной ямы. Грязные зубы, между которыми прослеживались крошки чипсов с паприкой виднелись даже в сумерках. В белом свете луны кожа казалась ещё бледнее чем там – в сквоте. Как

сгущённое молоко. Как кусок белоснежного мела.

Стало холодно – чем дальше в лес, тем холоднее. Мимо пролетела загадочная тень, осев на ветке соседней сосны.

Кристина испугалась: это мог быть и филин, и летучая мышь.

Обстановка становилась тухлее и тухлее с каждым его новым анекдотом. И кто их ему рассказал? Бабушка, играя партию в шахматы?

В тёмных глазах парня искрилась надежда, и это было забавно. Кристине хотелось рассмеяться и бросить: «подотри слюнки, малыш». Парень добивался её уже третий день подряд. И вот, был у цели.

Вода в хрустальном озере переливалась в свете полной луны. Невероятная красота. Круглый месяц застыл над водной гладью и слепил глаза.

Ветки высочайших деревьев, окруживших водоём по всему периметру, искрились в его свете как новогодние гирлянды. Тут хотелось дышать полной грудью. Тут это казалось высочайшим наслаждением.

Это место магическое – дарит ощущение невесомости и полного счастья. Когда босые ноги впервые ступают на холодный песок узкого пляжа озера – хочется расправить руки и ловить ими воздушные потоки. Хочется кричать, вслушиваясь в своё эхо, отбивающееся от пустоты.

Вода кажется идеально чистым гигантским зеркалом. В

отражении Кристина увидела выедающий глаза розовый топ. Он слегка скопился. Левая грудь могла вывалиться с минуты на минуту.

Парень забросил камень в воду. Блондинка с хитрой улыбкой всмотрелась в его отражение: лицо полностью искажилось из-за мелких уходящих в разные стороны волнующихся волн. Левый глаз уплыл вниз как яичница-глазунья, вываливающаяся из сковороды. Рот скопился набок. Как портрет Пикассо, только если бы он изображал бледного пахнущего табаком подростка.

Улыбка Кристины становилась всё шире и шире. Парень с облегчением это заметил.

«А может быть и удастся?»— про себя спросил он.

Подойдя к ней сзади, он обхватил тонкую талию руками. Девушка сжалась как испуганный ёжик. Её спина чувствовала твёрдое холодное стекло миниатюрной бутылки водки «Абсолют», хранящейся в переднем кармане джинс парня.

Холодные потные руки скользили по её коже. Не совсем приятные ощущения.

Кристина выпуталась из его хватки с грациозностью арабской танцовщицы. Она обхватила его ладони, развернувшись на триста шестьдесят градусов. Нос почти уткнулся в его подбородок. Слышалось зловонное дыхание.

Травка и спирт. Спирт и травка. Все его интересы и цели на ближайшие года жизни.

В спину дул холодный ветерок. Сейчас она была мокрой

от его пота.

Но это озеро сводило с ума. В груди всё перехватывало. Казалось, что сейчас она могла сделать что угодно.

И она собиралась сделать что угодно.

Веселиться как в последний раз. Танцевать, будто завтрашний день не настанет.

Как-будто это место давало надыхаться перед...

Кристина достала телефон из кармана вельветовой сумки. Старый смартфон «Samsung» с трещиной во весь экран.

– Что ты делаешь? – промямлил парень. Его голос был похож на то, что в его ноздри кто-то глубоко затолкал бумажные салфетки.

Ужасный голос.

– Подбираю нам саундтрек – на самом то деле она ничего не подбирала. Клацнула на первую песню в медиатеке «Spotify».

В алфавитном порядке самой первой шла Бритни.

«Раз, два, три. Тут не только ты и я»

Песня совсем не подходила под ситуацию. И плевать – всё что хотелось, так это танцевать.

Парень удивлённо нахмурил брови:

– «3»? Песня про групповушку? Лучше ничего не нашлось?

Кристина протянула тонкий указательный палец к его устам. В свете луны переливался розовый шилак.

– Ш-ш-ш, просто молчи и танцуй.

Она отступила от него на несколько шагов. Руки взмыли в воздух, вытворяя непонятные движения. Непонятные, но получилось эротично.

Судя по выражению лица парня – это был самый сексуальный танец его жизни.

«Намечается стояк» – про себя хмыкнула Кристина.

Руки плавно двигались в воздухе, будто скользя по лунному свету. Он сочился сквозь пальцы. Густые длинные волосы блестели от него как у лесной нимфы.

Она и правда выглядела такой, танцующей посреди леса. Очаровательная фея неземной красоты, стреляющая глазами по сторонам.

Ладони опустились на тело, проникнув под топ.

Она полностью отдалась ритму, взмахивая волосами и продолжая щупать себя как что-то диковинное.

«Жить в грехе – это новая фишка» – поёт Бритни.

Парень будто окаменел. Кристина схватила его за руку, притягивая к себе как неподъемный груз.

– Давай, танцуй! – смеясь выкрикнула она. Бёдра не прекращая ходили из стороны в сторону.

Началась кульминация. Подвижные ладони вцепились в топ. Ногти впились в яркую шёлковую ткань. Ей нравилось смотреть на его озадаченное выражение лица.

Хотелось прибить его до конца.

Развернувшись спиной к парню, девушка сдёрнула с себя топик, небрежно откинув в сторону на белый песок. Упра-

вившись с шортами, она бросила их рядом.

На голом стройном теле остались лишь алые стринги. Верхнюю часть ягодиц плотно прикрывали густые волосы. Вся спина скрылась за ними.

Девушка кинула взгляд через плечо, подмигнув парню. Оценив смешное лицо Кристина хихикнула.

– Хочешь получить это – следуй за мной.

Старый приёмчик с ночными купаниями. От такого у парней всегда срывает крышу. Бритни продолжала играть, когда блондинка уверенно шагнула в холодную воду. Тело мигом пробрала дрожь, но озеро манило.

Белые косы расплывались тонкими лучами по водной глади. Уплывая, девушка оставляла за собой светлый след, искрящийся в бликах луны.

Парень чувствовал стояк. В трусах всё окаменело. Стало ужасно неловко раздеться.

Но она манила – скорее всего, самая красивая девушка его жизни. И сейчас, она могла с лёгкостью стать его. Нужно лишь только доплыть.

Он снял белую футболку. Стало неудобно за красноватый шрам аппендицита, тянущийся от пупка до лобка. Стянул джинсы. Стояк очень выбивался видимыми контурами на белых трусах.

Вдох-выдох. Она ничего не увидит в тёмной воде.

Футболка и джинсы полетели к одежде девушки. Их мигом засыпали мелкие песчаные пылинки.

Парень сделал шаг в воду. Ещё один. Холодная водная гладь поглотила всё тело.

«Лучшая ночь в моей жизни» – бубнил парень, вспоминая дивный момент. Её обнажённое тело в его руках. Они кружат в воде. Танцуют в свете луны, забыв о неприятном холоде.

Он ступил на берег. Внутри фейерверк. Снаружи фейерверк.

Песок прилип к ступне.

Стало чертовски холодно. Каждый миллиметр тела чувствовал малейшее рвение свежего лесного ветра. Хотелось скорее накинуть одежду.

Парень удивлённо взглянул на место, где он её оставил. Ничего. Всё исчезло.

Кристина вышла следом, прикрывая грудь кистями рук. Как Афродита, рождаясь в ракушке.

Пританцовывающая. Припрыгивающая. Глупо улыбающаяся.

Она была так же счастлива. До того, как заметила что вся одежда пропала.

– Чёрт, где она? – улыбка погасла. Тело пережало от холода.

– Я... я... – парень заикался. зуб на зуб не попадал – Не вижу её – он прошёл вдаль. пляж пуст.

– Этого не может б-б-быть – Кристину трясло – Мы тут одни!

Парень ступил на сырой чернозём. Голая ступня проваливалась в мягкой земле. Редкая трава щекотала кожу. Он шёл в направлении чащи леса, всматриваясь в темноту. Будто одежда могла оказаться там.

– Стой! Не оставляй меня! – блондинка обхватила себя руками. Ладонями она чувствовала ходившую по спине дрожь.

Она была совершенно одна.

Голая точеная нимфа посреди леса.

«Ещё один порыв ветра – сказала она себе – И я сойду с ума»

Силуэт парня замер, будто он оцепенев засмотрелся в одну точку. На его бледной коже мелькнуло что-то красное.

Из-за тёмных теней рассмотреть всё в точности не получалось.

Через секунду он рухнул на землю. Тело застыло в окружении могучих сосен. Его начал неторопливо обволакивать ночной туман. Алые капли блестели в свете луны.

Кристина вскрикнула.

«Кровь-кровь-кровь»

Она встала на месте, всматриваясь в темноту.

Среди зарослей мелькнула белая маска. Длинный остроконечный клюв, загибающийся как полумесяц, две тёмные дырки для глаз – чумной доктор. Венецианская маска чумного доктора, Кристина помнила её с путешествия по Италии.

На этих весенних каникулах она была у тёти в Виченции. Там она держит уютную домашнюю пиццерию, подрабатывая дизайнером носков для местного бренда.

На пасху Кристина, её двоюродная сестра и тетя отправились на поезде в Венецию. Два часа – и ты на вокзале посреди узких каналов.

В одной из лавок рядом с площадью Сан-Марко висела эта жуткая маска. Она привлекла внимание девушки своей странностью.

Сейчас, точно такая маска смотрела в её сторону. Мрак леса обволакивал чёрный спортивный костюм незнакомца – он будто был частью тьмы.

В его больших ладонях блеснуло лезвие, окропленное кровью. Топор, проделавший дырку в голове парня.

«Убегай-убегай-убегай» – пришлось заставлять себя начинать двигаться. Тело оцепенело. Кристина чувствовала безысходность – голая, в самой глуши тёмного леса. До города пятнадцать минут на машине. Кричать бессмысленно. В сквоте на всю мощь играет музыка – танцующие придурки попросту её не услышат.

«Делай ноги» – блондинка дёрнула в другую сторону. Тело парня и белая маска остались позади.

Из мрака чащи леса выныривает белоснежный клюв, забрызганный молодой кровью. Белоснежность маски портится из-за мелких капель.

Незнакомец бежит за голой девушкой. Мокрые длинные

волосы висят тяжёлым балластом сзади.

Стена высоких елей возвышается над головой. Возможно, там удастся спрятаться.

Она забегает в чащу. Громкие шаги стихают. Чёрный силуэт позади.

По щекам текут слёзы. У девушки паника. Она прижимается к ближайшему толстому стволу, переводя дыхание.

«Что за чёрт, что за...»

Выглянув, она никого не обнаруживает. Лишь тени, наблюдающие красными глазами с высоких веток. Должно быть, это вороны.

Она одна. Убедившись в этом, девушка всхлипывает. Ещё раз и ещё раз. Начинается истерика. Друга убили прямо у неё на глазах. Тело сковывает холод, а по её следам идёт психопат.

Стоит бежать дальше. Выходить к сквоту по свету неоновых огней. Она видит их – фиолетовый лазер пробивает ночное небо.

Кристина делает шаг, чувствуя острую шишку под пяткой. «Насчёт три – бегу».

Всхлипывания не прекращаются. Девушка готовится с мыслями, одновременно ладонью стирая слёзы.

Треск. Шаг. Кто-то сзади.

Удар.

Кристина не успела повернуться.

Психопат играл с ней в игру. Он видел всё – надежду в

глазах, с которой она выглядывала из-за дерева. Готовность бежать. Отчаянное желание бороться за жизнь.

Подобравшись сзади, он использовал знакомый приём – удар деревянной стороной топора по макушке.

Она упала на холодную землю. Под животом чувствовались острые опилки. Холодная мягковатая земля.

Хватило силы лишь на то, чтоб перевернуться на спину. Хватило сил лишь на последний взгляд на мир.

Кристина открыла глаза. Над ней, почти касаясь окровавленной щеки острым клювом, застыл незнакомец. Белая маска чумного доктора нагнетала ужас. Из двух дырок оценивающе глядели безумные глаза. Его зрачки расширились, будто зрелище доставляло ему неопишуемое удовольствие.

Умирая, девушка чувствовала его дыхание своей кожей. Шумное сбитое дыхание.

Скорее всего безумец дышал ртом. Его выдохи пахли табаком.

Она закрыла глаза дрожа от кончиков пальцев и до кончиков длинных волос. Открыв глаза в последний раз, в мутной картине леса она разглядела выстроившихся вокруг людей. Тёмные мантии, развивающиеся на ветру. Они окружили её, прикрывая нутро массивными капюшонами. Они всматривались в умирающую девушку.

Лица незнакомцев поглотила тьма. Казалось, их были десятки. Они подходили всё ближе и ближе, окружая голое тело.

«Чумной доктор» продолжал нависать над девушкой.

– Кто вы? – хриплым шёпотом спросила девушка у незнакомцев в странных костюмах. Это были последние слова Кристины.

Замахнувшись, незнакомец рассёк светлую голову острым лезвием.

Брызги хлынули на маску.

Алая кровь потекла вниз по светлым косам. Через секунды казалось что натуральный цвет волос девушки – тёмно-красный.

Холод. Пробирающий мерзкий сквозняк неприятно прошёлся по укрытому тёплым покрывалом телу с головы до ног. Именно он нарушил крепкий сон, заставив с большой неохотой продрать глаза и осмотреть новые декорации вокруг себя.

Клятое окно, выглядывающее на зелёную стену леса, открыто, предательски пускает в уютную спальню холодный ночной воздух, словно непрошеного незнакомца.

Я подошёл к окну и силой закрыл его, произведя звучный грохот прокатившийся по дому. Сейчас я словно продолжал спать, блуждая как лунатик по комнате. Странное чувство. Я вспоминаю картинку вокруг себя будто сквозь туман. Может быть из-за этого произошедшее далее показалось мне жутким сном. Настоящим кошмаром.

Обернувшись, картина что я увидел шокировала и заста-

вила отпустить непоколебимое чувство сна. Передо мной стояла пожилая рыжая дама, в груди её насквозь светила глубокая дыра. Внутри капали алые капельки крови. Казалось, будто сквозь старуху прошло настоящее ядро пушки, служившее орудием во времена дворцов и могущественных империй. Всё лицо незнакомки густо усеяно морщинами, уступая по морщинистости только мопсам. Уголки узких пересушенных губ нервно дрожали, будто она вот-вот что-то скажет.

Ещё одна странная особенность ночного гостя, сразу обратившая на себя внимание: в её глазах нет зрачков, они полностью белые, будто внутри старого тела находилась пугающая пустота. Старуха казалась бездушной. Словно передо мной стоял недавно похороненный мертвец, вылезший из могилы.

Первое жуткое происшествие случившееся со мной и знаменовавшее приезд в город запомнится надолго. Ни застывшие на трёх часах ночи стрелки часов, ни мои глаза, слипавшиеся с каждой секундой всё сильнее, не смогли смазать воспоминания о той женщине, рыжие локоны которой игриво завивались свисая вниз.

Её рот медленно отворился, выпустив изнутри тихий старческий стон, окутавший быстрыми мурашками всё тело. Она будто долго собиралась, перед тем как жутким, полным страха и отчаяния голосом произнести: «Да сохранит Бог твою молодую кровь!».

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

”Здравомыслие – лишь маленькая коробка, безумие же – всё”

(с) Чарльз Мэнсон

Глава 1 #ТайнаяИсторияАдрианы

ПОДСЛУШАНО.

Свежие сплетни города и школы Дилана Грина за три секунды.

(Пост в Фейсбук от 13 мая 2018-го года)

«Хотите нереально-супер-дупер-офигенно удивительный факт? До 2015 каждый год самым обсуждаемым классом становился выпускной. Это всё за счёт ужасающего всеразрушающего полового созревания, которое после годов мучений и терзаний наконец сруливает. Будто ему в какой-то момент просто становится влом насиловать каждый миллиметр твоего тела. Оно будто плюёт на всю свою грязную работёнку и ускакивает в закат. Прыщи сходят на нет, сиськи вырастают до апофеозных размеров, а сама ты не потеешь с поводом и без. Ты наконец начинаешь нравиться себе, ты можешь проходить мимо зеркал и при этом не воротить носом как от горы разлагающегося на солнце мусора. Ты становишься **НОРМАЛЬНОЙ**. Ты понимаешь, что всё добро расцветаю-

щее в тебе как лучшая роза ботанического сада надо куда-то девать.

На этой почве у старшего класса образуется нарочитая сексуальность (вы же понимаете, что сейчас мы говорим про популярных особей).

НО! в этом году случился конкретный разлом устоявшейся годами рейтинговой таблицы.

Назовите хоть пару имён людей учащихся в выпускном классе (знаю, назвали, молодцы, вопрос был риторическим). Их как-бы все видят, но всем на них насрать.

А почему?

Да потому что они находятся в тени!

Вчера же определитель количества тегов в твитах и постах учащихся нашей школы показал, что количество упоминаний #9класс превышает упоминания #12класс ровно (присядьте и отдышитесь) в сраных **ЧЕТЫРЕ РАЗА**.

Я уверена на сто десять процентов что вы знаете благодаря кому это... Четыре звучных имени (к ним в комплекте добавкой идёт пятое, но с'топ, кому интересна эта жупа?) знает весь город.

Ими мечтает быть каждый.

Ими хочет быть каждый.

Но не каждый знает что они скрывают.

Не каждый знает кто они на самом деле...»

Я заорал, даже и не помню насколько громко. Уши будто

заложило. Все звуки стали тихими, за исключением загробного голоса.

Сейчас объясню, что в моём понимании «загробный» – надрывистый, лишённый эмоций, такой голос, от которого мурашки идут по коже.

Скорее всего, в стоявшем в десяти метрах от нашего, таком же сером доме, мой крик эхом дошёл до мирно лежавших в кровати соседей.

Я лёг на кровать и закрыл глаза, пытаюсь абстрагироваться от безумной ситуации, произошедшей со мной. Я будто отказался её принимать, продолжая кричать плюхнувшись головой в подушку. Глаза стали влажными. Ощущение, будто я нахожусь в глубоком сне. Меня тошнит, перед глазами всё расплывается.

Лестница скрипит. Слышатся шаги и озадаченные вздохи. Голова кружится. Вижу как включается свет в коридоре, заставив отбросить тень стоящую на шкафу статуэтку крокодила.

Я закрываю глаза вновь. Всё тело дрожит, медленно становится горячим. Кажется, женщина с дыркой в животе до сих пор стоит рядом.

Мне понадобилось немало усилий чтобы вновь открыть глаза. Никакой старухи не было в помине, зато в дверь, на которой висело небольшое зеркальце, чуть не треснувшее от резкого хлопка, вбежали испуганные родители.

Казалось бы, ведь для них это было совершенно не ново,

ещё с глубокого детства меня мучили ночные кошмары. Я любил всех будить истошными криками, каждую ночь вскакивая с кровати.

Для родителей мои ночные кошмары были чем-то обычным. Будничным. Каждодневым. Я представлял картину, когда слыша истошные вопли мой папа продирает глаза и шепчет маме «Может не пойдём?», а она в ответ «Ты чего? Он не прекратит орать если мы не зайдём». И так каждую ночь.

Содержание моих сновидений – отдельная мрачная тема. Дыхание восстанавливается. Мама прижимает меня к себе, а я уже не в силах чётко описать то, что увидел. Лишь обрывки слов вылетают из уст.

То, что я увидел эту пугающую старуху показалось очередным ночным кошмаром, но черт возьми, какой же он реалистичный. Казалось, что если бы я совсем чуть-чуть вытянул руку вперёд, то смог потрогать этого человека, живот которого неестественно продырявлен насквозь. Она стояла передо мной. Я чувствовал её размеренное дыхание, или это просто сквозняк охватывал тело?

Я заснул прямо в объятиях. Сон продолжился, было ощущение будто я внезапно рухнул в темноту.

И так всю оставшуюся ночь.

Меня затягивает глубокая пучина сна, ну а я старательно пытаюсь выплыть наверх. Открываю глаза, ловлю мутные картины теней комнаты, луны-ноготка, заливающей светом

кровать, и вновь закрываю. Пучина засасывает обратно.

Просыпался я раз десять, и каждый раз требовалось пару секунд чтобы вновь заснуть.

И каждый раз казалось что рыжая дама стоит рядом, опустив сморщенную ладонь на спинку кровати. Она всматривается в моё лицо. Она старается меня предостеречь.

«От чего?»

В семь часов утра открыть глаза – пытка. На будильнике в телефоне стоит лай злобной собаки, заставляющий подскочить меня как военнослужащего. Ненавижу этот рингтон. Даже сквозь приятный сон мерзкий звук царапает нервы.

Я готов к первому учебному дню. По крайней мере, я сказал это самому себе поднимаясь с кровати. Уже прогресс. Готов так, как и все остальные ученики свыкались с тем, что лето окончено.

(Внимание! Далее идёт чертовски длинная метафора.)

Словно красивый непродолжительный роман на двести страниц, наполненный яркими красками и пьянящими приключениями, он обрывается на самом интересном. Начинался новый, более длинный том под названием «Старшая школа», достаточно сложный в прочтении. Этот том, благодаря его закрученным метафорам и сложному стилю письма дано осилить далеко не каждому. Кто-то небрежно откинет его на запыленную верхнюю полку, оставив на половине. Кто-то пыхча как паровоз будет усердно читать до конца, с замиранием сердца переживая резкие сюжетные повороты и неод-

нозначные решения автора.

Получит ли что-то тот, кто дочитав последний абзац с гордостью закроет книгу? Вполне возможно.

С сегодняшнего дня мне предстоит это узнать.

Кошмар ночи сам собой забылся, оставшись на кровати вместе с усталостью, и я был наполнен энергией, опустив не самое прекрасное лето и уверенно идя навстречу новой истории.

Чувство, будто внутри меня сидит талантливый улыбчивый психолог. Он из всех сил старается подавить разгорающуюся внутри бурю банальными фразами: «На встречу новым приключениям!», «Ты сможешь Влад!», «Это же старшая школа, Влад!».

Я никогда не нервничал перед первыми днями в новых школах. Скорее из-за того, что в моей жизни их чересчур много.

И не все они радостные.

Допустим, первый день в государственной школе самого опасного района столицы. В воздухе витает запах травки, а мимо ходят высокие старшеклассники в стойко пахнущих потом толстовках «Янки». У них настолько грозные взгляды, будто вот-вот и один из них натянет мне трусы на голову.

Или первое сентября в «рыбном городе». Закрывая дверь шкафчика я совсем не заметил, как рядом очутилась рыжая пухлолицая девчонка. Она хотела поздороваться. Улыбнувшись, рыжая обнажила челюсть. Там не было передних зу-

бов.

А это страшнее чем любой ужастик. Мерзопакостней чем трёхчасовые видео на Ютуб о свойствах кала.

Но рано или поздно всё устаканивалось. Я не становился предметом буллинга. Никогда. (Почти никогда).

Знаете тех персонажей из тинейджерских сериалов 90-х? Только не те, которые с крутыми начесами, в баскетбольных куртках и ездят на кабриолетах. Там есть другой подтип: хипстеры, грезящие о лучшем колледже из существующих в Лиге Плюща. Они пытаются быть настолько идеальными, насколько это вообще возможно.

Не хочу показаться самонадеянным, но к чему можно придаться во мне? У меня не сальная голова. От подмышек не несёт как от прорванных труб. Между зубами не застревают крупные куски недавно съеденной котлеты или торта.

Пай мальчик, с какой стороны не посмотри: послушный отличник, что улыбнется тебе прежде чем сядет на велик и уедет в закат.

Он не будет грубить. Он не будет вульгарно шутить о сексе. Он не достанет из рюкзака бутылку дешёвого ликёра, а в его портфеле точно не сыскать сигарет.

Как же я назвал себя, если бы увидел со стороны? Скорее всего, «мальчишка-вспышка». Я менял новые города как перчатки, задерживаясь в них максимум на два года. Чересчур правильный, чересчур «типичный» чтобы заставлять других говорить о себе после отъезда.

Люди, только успев привыкнуть и привязаться, прощались со мной. Поэтому как итог на моём лице засело выражение: «Не обольщайся, я тут проездом».

Родной город, в котором я прожил первые рекордные 10 лет жизни в воспоминаниях казался идеальной утопией: возможно, наше детство всегда воспринимает всё как-будто под красочной призмой?

И знаете, я не особой расстраивался из-за кочевой жизни: может быть, таков мой характер. Мой портрет. Мои вкусы. Мне нравились постоянно меняющиеся пейзажи и лица за окном. Я не ощущал привязанности. Мне нравилось обживать новые места. Это наверное странно, но я никогда не ощущал привязанности ни к одному городу, кроме родного. И то, понял это на подсознательном уровне, каждую ночь видел с ним сны. С бабушкой, прогоняющей ящерицу из спальни. С наглым серым котом, моим единственным любимцем, который однажды просто не вернулся домой с очередной прогулки...

А теперь о вливании в коллектив: всё предельно просто. Придерживайся придуманных и проверенных другими людьми правил:

– Будь активным на уроках. Так ты никогда не уйдёшь в тень. Быть тенью не круто, как и не круто быть выделяющимся изгоем, чересчур громким и неоднозначным для того чтобы стать «нормальным».

– В компании обдумывай поступки на несколько шагов

вперёд. Не шути, когда сомневаешься в своём юморе. Поддерживай разговор – смейся, возмущайся, когда надо поддакивай.

– Если в твою сторону полетели насмешки – усеки их на корню. Не позволяй кому-то почувствовать твою слабину.

– Чтоб усечь насмешки раз и навсегда – учись грамотно и колко отвечать. Для этого читай, развивай дедуктивный метод и интуицию. Так, чтоб при виде обидчика ты сразу мог сложить портрет. Сразу мог подобрать колкость. У меня с этим проблем нет – сарказм и едкость, порой вытекающие ручьями, заложены в генетическом коде.

– Чтоб усечь издёвки – что ж, учись драться. Не бойся постоять за себя – в школьных драках ещё никто не умер (информация не проверена).

Уроки начинались в девять, а я пришёл без пятнадцати, потому что боявшись опоздать гнал смотря на карту в Гугле и не замечая вокруг себя ничего. Я и не заметил, как на повороте, за магазином «7/11», началась пробка. Сигналы, маты, звук стирающихся об асфальт шин. Все спешили первыми попасть на школьную парковку. Я рядом. «5 минут до пункта назначения» – констатирует Гугл.

Выходя из дома я включил подкаст. Выбирать не пришлось – в городе он один.

«Доброе утро город! – говорил мужчина не то чтобы со старым голосом, но и не с молодым. На слух – лет 50 – А

вы уже готовы к Осеннему Дню Возрождения? Конечно же, это лето было не самым лёгким. Смерть несчастной девочки омрачила наше существование. Тихий городок не привык к подобным потрясениям...

Давайте о приятном. Что для вас значит наш город? Может быть для кого-то это невероятной красоты зелёные леса? Может быть для вас это тёмные мрачные заводы, будто серые монстры прорывающие как стрелами тёмным дымом голубое небо? Может быть для кого-то это тихие посиделки с друзьями в «Пауках Сумрака»? В чём я точно уверен, для большинства наш город в первую очередь— семья. Я думаю вы меня поймёте: тут даже просто проходясь по улице невозможно встретить новое лицо. Мы же все друг-друга знаем? Разве не так, мой город?

А что для ТЕБЯ значит твой город? Самые интересные ответы я зачитаю в своём вечернем подкасте, в аккурат перед началом праздника»

Хм, похоже тут грань между «подкастом» и «радио» стиралась до неразличимости.

На узкой дороге, окружённой серыми невысокими домами, продолжала тянуться пробка. Район оживился. На тротуарах появились велосипедисты.

Оживление произошло лишь за счёт подростков и родителей, провожающих их. Все остальные продолжали сидеть за стенами домов.

Через автомобили и сигналов продолжала тянуться да-

же когда черед картонных будок завершилась. Возникла густая посадка. Настоящий карликовый лес, заросли которого не пропускали утреннее солнце.

На перекрёстке, резко образовывавшемся после густой посадки, перед серым зданием школы меня чуть не сбил «Ровер» металлического цвета. Водитель нервно посигналил вслед, растворившись в натканных одна на одной машинах паркинга.

С мыслью, что через два месяца придётся сдавать на права тело окутывает дрожь.

Перед лазурным зданием в аккуратные ряды выстроились автомобили. Из металлического «Ровера» выскользнул парень в американке, недоброжелательно сверкнув глазами. Он окинул меня взглядом через плечо, прежде чем раствориться в толпе.

На капоте красной «Cherry», закинув нога на ногу, сидели девчонки в одинаковых мини-юбках. Наградив меня заинтересованным взглядом они продолжили разговор.

Тогда я ещё не произвёл того фурора.

Пока они не узнали

Пока...

Парковка залилась солнцем. Лобовые стёкла автомобилей заискрились в его свете. Лазурь стен школы медленно меняла цвет: чем больше солнце выходило из-за тучи, тем более прозрачной она становилась.

В глаза бросился главный вход школы: невысокая каменная арка облепленная потрескавшейся штукатуркой. Прямо на ней висела броская бронзовая табличка: «ГОРОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА ИМЕНИ ДИЛАНА ГРИНА».

«Ну, привет»

Снять наушники я решил лишь после того, как на мой кед наступил спешивший азиат.

Может быть дело вовсе не в металлическом «Ровере» и не в суетливом азиатке, а во мне? Может быть сзади меня висит записка «ТОЛКНИ МЕНЯ! СБЕЙ МЕНЯ!». Прямо на входе школы ещё три человека решили наступить мне на ногу.

Первый день учебного года. Все спешили. Все припёрлись рано. Все страстно желали заполучить себе в распоряжение лучший шкафчик сверху. Все страстно хотели произвести впечатление на новых учителей, прискакав раньше и гордо развалиться посреди первой парты. При этом все страстно желали обсудить горячие сплетни лета, а их за три тёплых месяца прибавилось достаточно.

Порой, сплетни казались мрачнее чем на первый взгляд.

В ушах до сих пор звенел мужской голос: Смерть девочки? Это что-то интересное.

Школа большая, современная. Выкрашенная в приятные сине-голубые тона, создававшие вокруг ощущение лета, только что ушедшего и унесшего за собой и воспоминания о городке, плохо пахнущем рыбой, и одиноких закатах, плава-

но уходивших под буйную водную гладь... Новая история. И опять вся жизнь с чистого листа. И опять все эмоции и привязанности накопленные за эти месяцы сошли на «нет».

Взглянув в зеркало, висевшее у входа, я расстегнул верхнюю пуговицу. Не знаю, зачем это. На мне белая рубашка, синие штаны и того же цвета мокасины. Их я предпочитал носить без носков.

А теперь первый вывод: это самая красивая школа в которой мне приходилось учиться. Тут даже пахнет по-другому. Ни рыбой, ни травкой, ни туалетом, в воздухе витает чистота...

И в целом, по-другому быть не могло. В этом городе и обычные рабочие, и те самые пафосные дети олигархов ходили в одно единственное учебное заведение. Тут лоб-в-лоб сталкивались две крайности, с детства прививая ребёнку умение бороться в этом мире за место под солнцем в неравных условиях.

Дети тут обычные и поверхностные на первый взгляд. Прислушавшись, я услышал не одну сотню вульгарных банальных шуток. Компания девчонок обсуждали фильтр в инстаграмме, который по словам одной из них «сильно уж отдаёт голубым». И так по кругу: «пошлый прикол – фильтр в инстаграмме – сплетня – сплетня – сплетня...»

Может быть, среди них и были обсуждающие другие темы. Возможно, они просто затерялись в толпе.

У женского туалета уже собралась очередь, обходить ко-

торуую пришлось под стенкой. Меня в очередной раз толкнули. На этот раз низкорослый парень с устаревшей длинной причёской. На вид не больше метра шестидесяти ростом.

Я был в центре бурлящей толпы, даже и не пытаюсь никак выделиться. Сейчас это незачем. Сейчас все чересчур увлечены своими проблемами.

Иногда я, как новенький, всё таки вызывал интерес. Кто-то из очереди в туалет ткнул на меня пальцем. Рыжеволосая девчонка, облокотившаяся спиной об шкафчик явно начала обсуждать меня с подругой.

Толпа, словно куча муравьев сгущалась вокруг, не замечая и целенаправленно идя вперёд. Периодически особо широкоплечие особи задевали меня, крича вслед: «Смотри куда прёшь!»

Мой шкафчик находился напротив кабинета биологии. Внутри него вся поверхность усыпана толстым слоем пыли. На дверце виднеется след от розовой жвачки. Кто-то старательно пытался оторвать её, но маленькое липкое пятно всё равно виднелось на стали. Рядом с ним висела наклейка с Джейком из «Времени Приключений», тут же был «Гамбл» и другие персонажи программ «Carton network». Учебник прикрыл стёртый стикер с Мисиксом из «Рика и Морти».

Раньше тут обосновывался фанат мультсериалов.

Настораживает.

Кажется, энтузиазм вернулся. Покинув меня вчера вечером и выйдя через парадную дверь дома он вновь пришел,

заставляя опущенные уголки губ медленно подняться ввысь. Это захоlustье не самое неприятное. Даже какое-то неожиданно необычные, что ли. Город со своими странностями – это притягивало.

В коридоре стоял ужасный шум, создаваемый многочисленными криками и смешками. Впереди бушевал настоящий океан из человеческих тел, стремящийся засосать в себя.

Растерянно осмотрев таблички на прозрачных дверях кабинетов, которые должны были помогать новеньким с ориентировкой, но на деле только усложняли первую прогулку по школьному коридору, я пытался найти кабинет математики.

Вдруг гул прекратился. Будто по чему-то приказу, оживлённые учащиеся прекратили обсуждения и устались в одну точку, приближающуюся ко мне.

Я услышал знакомый с детства голос:

– Влад, братишка, наконец-то ты тут! – мужественный грубый бас казался таким незнакомым и новым, что в нём я смог узнать двоюродного брата только рассмотрев лицо. Андрей, сын того самого миллионера. Я ещё давно знал что ходит он в обычную школу. Это его отец подсмотрел у Билла Гейтса, по-моему. «Ты достигнешь большего в жизни если будешь расти в окружении обычных детей и выгрызай успех в жизни своими же зубами» – с такими словами Арсений отправил Андрея учиться в обычную общеобразовательную школу, променяв её престижный швейцарский интер-

нат для мальчиков.

Если бы вы могли увидеть Андрея, то половине из вас он бы не понравился. Самовлюблённый засранец, которого в жизни ничего больше не интересовало кроме своей торчащей чёлки. Из отличительных примет, по которым его можно узнать: густые чёрные волосы, волевая мужественная челюсть, широкие плечи и ужасная привычка насмеяться над всеми вокруг. Взгляд у него всегда саркастичный и оценивающий. Но я по настоящему рад его видеть. В детстве мы были лучшими друзьями: с общими темами и поделенными на два страхами и переживаниями. Так происходит, когда самые ранние года жизни разделяешь с кем-то. Становишься эмоционально привязанным. Размышляя над своей жизнью в машине я понял, что те два года проведенные в городе у моря мне реально его не хватало. В жизни бы не подумал.

Его лицо изменилось почти до неузнаваемости. Из уверенного гордого юноши он превратился в высокого мужчину, прибавив к своим чертам нотки нахальности.

Шагал он уверенно и самодовольно, обнимая за талию незнакомую мне брюнетку в топике и шортах. Она очень черная и неестественно загоревшая. Видимо поклонница автотагара и солярия. Интересно, кто-то ещё считает модным этот «рак в коробке»?

Также она очень тощая. Её ноги напоминали две спички, которые вот-вот и сломаются. Постоянно чавкая она обнажала фиолетовую жвачку во рту. Алина, или просто Али –

вот как мне её представили. Видимо, та самая стервозная, напыщенная и гламурная девушка самого популярного парня школы. Всё как в кино. Она словно пролетала над застывшей вокруг толпой. Казалось, её высокие шпильки парят по воздуху проносясь над лазурным кафелем.

Рядом с ними шла в линейку ещё одна пара, с которыми меня непременно познакомили: качок-спортсмен Макс, одетый как истинный подросток-баскетболист из клишированных тин-муви в куртку американку, нежно обнимал за талию типичную барби-блондинку Каролину, уверенно шагающую на высоких шпильках. Я сразу осознал что в этой школе нет никакого дресс-кода. Это можно понять по вызывающим высоченным каблукам, придающим девчонкам где-то плюс десять сантиметров в росте.

Рядом с двумя парами одиноко шел самый худой из компании парень, представился Никитой. Под глазами синие мешки, придающие взгляду тоски. Бегающие серые глаза цвета кострового дыма, растрепанные в разные стороны чёрные волосы и тощая правая рука, ожидающая рукопожатия.

– Влад – улыбнулся я, пожав ладонь. Невероятно холодное тело, будто бы перед первым сентября он специально отмокал в чане с ледяной водой. Кожа совпадает с цветом глаз – такая же мрачно-бледная. До ужаса. Один из представителей того типажа людей, видя которых сразу хочется пожалеть. На фоне уверенных друзей он выглядел настоящим аутсайдером, явно не подходящим ни под какие каноны гламурной

тусовки.

Он встал в моих глазах изогнутым вопросительным знаком. Что бледный, несчастный парниша забыл среди гордо шагающей компании, одной лишь своей походкой напоминающей обывателей ночных клубов Голливуда? Взглянув в его глаза, которые он из всех сил старался отводить дабы не пересечься со мной, я сразу же мог сложить его характеристику: замкнутый с детства, любит пропускать ужины говоря маме что поел у друзей. Скорее всего его мучают частые запоры. Не исключено, что опасные белые длинные глисты живут да здравствуют в его животе. Любит ложиться в три часа ночи, смотря классические американские комедии через маленький экран смартфона и сажая зрение. Читает фантастические романы, фанат «Звёздных Воин» и «Стартрека», а также, вполне возможно, души не чаёт в аниме. Любитель вздрочнуть перед сном, испытывает массу неудобств во время общения с девушками.

Все они одеты дороже чем остальные в школе, это заметно даже по фасонам и качеству ткани. Друзья моего брата носили исключительно люксовые бренды, это било ярким огнём в глаза завистливым школьникам-провинциалам.

Андрей явно собирает вокруг себя таких же мажоров, как и он. Он словно вожак стаи, для полноты картины не хватало чтобы по щелчку пальцев компания прекратила улыбаться.

Кажется, у блондинки Каролины даже затекла скула став нервно ёрзать вверх. Что я точно заметил, так это то, что вся

школа, АБСОЛЮТНО каждый не отрывал от них взгляда. Всё пялились и о чем-то шептались, провожая глазами. Когда я знакомился с каждым из компании из толпы донеслось: «Брат Андрея» – гундосый женский голос тихо представлял меня друзьям, или «Меня он уже бесит» – того, кто сказал эту фразу я сразу же увидел. Одетый в спортивный костюм «Адидас» и белые кеды того же бренда парень с ненавистью осматривал меня, оперевшись локтем о шкафчик и разминая пальцы. Я попытался не поддавать ввиду что заметил его, переведя взгляд на новых знакомых.

От этих ребят даже пахло по другому. Дорогие благовония, будто все они только что вышли из ванны наполненной ароматом «Версаче». Выдержанные строгие парфюмы, если закрыть глаза, можно представить что передо мной стоят чопорные и строгие работники манхэттенской биржы. Только лишь сладковатый девичий аромат «Джуси Кутюр», исходящий от Каролины, подпортил это впечатление.

А вот «Gucci Bloom» (я распознал новинку исходящую от Алины) был чересчур возрастным среди компании малолеток. Блондинка на его фоне казалась припудренной сахаром и облитой медом.

Каролина – и она, я так думал, легко читается с листа.

Девчонка в образе Барби, любящая мечтать на уроках не обращая внимания на строгих учителей, завывающих ей оценки на три балла из-за влиятельных родителей. Фанатка попсовых бульварных романов, написанных по одному шаб-

лону: чтобы в них были невероятно длинные и тягучие как арахисовая нуга подробные описания поцелуев. Обязательная составляющая – половой акт посреди книги.

Любит романтические комедии начала двухтысячных, копируя инфантильное поведение главных героинь. «Красотка», скорее всего, самый любимый. Обожает Меган Фокс, сквозь пальцы посмотрев первые две части «Трансформеров» лишь из-за неё. «Тело Дженифер» – любимый ужастик, который ужастиком, на самом деле, и не является.

Мечтать о сексе перед сном времени катастрофически нет, потому что именно им она и занята со своим глупо улыбающимся бойфрендом, наслаждающимся на данный момент фигурой проходящей мимо черлидерши.

– Не обращай внимания – сказал Андрей, увидя моё растерянное лицо, заметно реагирующее реплики долетающие со всех сторон. – Это, так сказать, особенность нашего существования. Слышать тихие отзывы о себе от незнакомых людей для нас как дышать.

Алина, сунув в рот розовую пластинку жвачки «Тридент» громко хихикнула.

Если бы вы видели, с какой уверенностью и самовлюбленностью эта компания шагала по коридору, то скорее всего, тоже захотели бы их обсудить. Они не замечали вокруг себя никого, и было видно как каждый из них наслаждается собой.

Все пятеро встретили меня ослепительными улыбками,

как из рекламы зубной пасты, и мы вместе пошли до кабинета. Видно было что они про меня уже наслышаны, и на автомате прекрасно и дружелюбно общались. Как роботы: пластмассово и наигранно.

Толпа, возникшая у кабинета алгебры рассасывалась, словно я нахожусь за плечами Моисея. Выглядело это как нельзя странно.

Все взоры устремлены на нас. Не нашлось какого-нибудь отброса, который выделившись из толпы сказал бы: «Я не увлекаюсь наблюдением за чужими жизнями» и высморкался в ладонь.

Мои новые знакомые, казалось, даже шли в ритм известной только им динамичной музыке. Стройными ногами они словно отбивали такт, с каждым новым шагом боясь его нарушить.

Компания резво и быстро пыталась рассказать о всех учителях, одноклассниках и предметах, но из-за того что они говорили хором я ничего не понял. Каждый пытался перебить друг-друга, рассказав о размазне-математичке, недавно залетевшей от рыбака из Волмарта.

– Её возбуждает запах сырой рыбы – хихикнула Алина, цокая каблучками по твёрдому полу. Теперь она выбивала аранжировку динамичной поп-песни.

Да ещё и шум в коридоре стоял нешуточный, забивая голову десятком реплик, которые я пытался расслышать (безуспешно).

Но я всё равно улыбался и кивал головой, не понимая ни слова. «Тебе интересно – бормотал я – Улыбнись и кивай головой». Самопринуждение, бубнёж про себя – один из верных способов вливания в компанию.

По дороге к кабинету на встречу нам выбежала милая полноватая девчонка в разноцветной футболке. Выкрашенные в светлый белый волосы лишь усиливали и без того сильное сходство с Меган Трейнор. Тонкие губы, задрожав, изогнулись в неловкой виноватой гримасе. Она так куда-то спешила, что сначала и не заметила как наступила Алине на тонкую, как ветвь сосны, загорелую, как телятина прожаренная в барбекю, ногу.

– Ай! – вскрикнула она, замахав кистями в разные стороны и начав щупать каблук. «Jimmy Choo» – крикнула золотая надпись как только она вывернула обувь подошвой кверху.

– Али, прости меня. Я случайно. Я... Я... – видно было, как девчонка разнервничалась и начала задыхаться. Открытый лоб стал влажным. Она готова была провалиться под землю.

– Первое, что ты должна усвоить, дрянь – Алина посмотрела на неё и громким агрессивным тембром начала отчитывать – Али меня называет только близкий круг, а не жирные блохастые свиньи вроде тебя. – В глазах девчонки показались слёзы.

Меня передёрнуло от резкой смены настроения девушки,

к которому все, казалось, привыкли за время знакомства. Они с отстранёнными «покер фейсами» глядели на перепалку, не издавая ни звука.

Теперь вырисовывался яркий портрет Алины: темпераментная брюнетка, имеющая отдалённые латинские корни. Скорее всего, итальянские. Обожает сплетни, которые распускает сама во время перемены, красясь в туалете (о да, как же стандартно). Посмотрев первый сезон «Королев крика» полностью слизала поведение Шанель номер один, выкрикивая грубые унижения каждому прохожему. «Это Эмма Робертс слизала своё поведение с меня» – говорила она всем, кто замечал хоть какую-то схожесть. Имеет свой банковский счёт, новенькую машину подаренную на шестнадцатилетие и коллекцию каблучков Джимми Чу, привезённых богатым отцом из командировки в Куала-Лумпур. Решила вставить силикон в грудь на восемнадцатилетие.

– Второе: когда ты наступаешь своим копытом на чью-то ногу ты должна понимать, что весишь больше чем беременная слониха и что оттоптать чужую идеальную ножку на каблучке тебе как хрюкнуть.

– Алина, она всего лишь наступила тебе на ногу – пытался шепнуть ей Андрей, бережно положив руку на костлявое плечо

– Ты прав. Каждую жирную корову в этой школе не отчитаешь – ого, да этой «Али» нужно сходить на курсы управления гневом.

Первой была алгебра. Я обожаю алгебру. Понял это оживлённо прыгая на стуле и пытаюсь выкрикнуть ответ. Мне досталось место за третьей партой.

Засыпавшие ученики удивлённо смотрели на меня и мысленно крутили пальцем у виска.

В формулах и расчетах я чувствовал себя спокойно и уверенно, будто мелкая рыбёшка попала в свою стаю.

Перед уроком классный руководитель представил меня перед всем классом, по древнему, старому как мир обычаю, который приходится переживать всем новеньким:

– Это Влад, брат нашего Андрея – объявила она, улыбувшись белыми как снег зубами. Эхо её голоса отбилося от персиковых стен кабинета – Надеюсь, вы с ним сдружитесь и хорошо примите в коллективе – ненавязчиво окончила она. Это было чертовски быстро. Я даже и не успел типично для всех застесняться.

«Типично». Хах, сколько же было типичного в первом дне в новой школе.

Наш классный руководитель – педагог по английскому, приятная молодая блондинка. После моей прошлой классной руководительницы: неприятной старой и беловолосой фурии, будто только что сошедшей с плакатов, пропагандирующих пролетариат в коммунистических странах, эта девушка казалась идеалом, сошедшим с июльского номера журнала «Maxim». Пышный бюст, прячущийся за белой

строгой блузкой. Чёрная юбка, из-под которой виднелись две тонкие и гладкие ножки.

Взгляды класса были неоднозначны. Кто-то улыбался, кто-то, казалось, с меня смеялся, а кто-то осуждающе осматривал. Но я, поднимая голову выше, делал вид будто ничего не слышу и улыбался каждому однокласснику.

Я был самым активным на уроке, чем вызвал очередную долю обсуждений. Периодически ёрзая на твёрдом деревянном стуле я вскакивал и оживлённо поднимал руку. Видимо, этим я и смог понравиться пожилой учительнице, полного живота которой я так и не заметил. Сплетни это всё. Ни черта она не залетела.

Она привыкла к угасающим взглядам скучающей молодежи, и сейчас улыбаясь смотрела в мою сторону.

Под конец пары сзади послышался глухой шёпот:

– Слушай, а брат Андрея не такой гандон как он – сказал пухлый и потный чувак в футболке с надписью «Фанат картошки-фри» или что-то типа этого. Ага, ну оно и видно. Прозрачные капельки весьма зловонного пота стекали по щекастому лицу, бесшумно капая на несчастную деревянную парту. Толстяк оценивающе осматривал меня ожидая ответа. Агрессивный парниша, скрывающий вагон комплексов за язвительными злыми репликами в адрес других. Страдал обильным потоотделением, мешавшим заводить ему новые знакомства с женским полом. С детства терпел ожирение,

никогда не отказывал себе повернуть тазик острых куриных крылышек в «KFC» и управлялся за десять минут. К жирной курице всегда заказывал не менее жирную картошку фри и большой стакан «Пепси» без льда. Каждое лето ездил в лагерь для детей страдающих ожирением, в автобусе по дороге молился чтобы на этот раз он наконец потерял девственность. Но и на этот раз не выходило. Маман частенько сажала его на диеты, а он, наплевав густой белой слюной, нарушал их, воруя из папиного кошелька и треская дешёвые быстро разогреваемые тако в супермаркете недалеко от школы.

Пора заканчивать мои тренировки дедуктивного метода.

Я развернулся к нему и громко спросил:

– У тебя какие-то проблемы? Хочешь поговорить, э-mmm, «Любитель картошки фри»?

Толстяк хитро улыбнулся не опуская ядовитых глаз.

– Я смотрю, ты у нас тоже с коготками – он перевёл гнусные глаза вправо, посмотрев на равнодушную девчонку, а затем влево, на скучавшего соседа по парте – Ну у тебя хотя бы, в отличии от брата, кроме издевательств и тёлочек что-то осталось в голове.

Может быть жирное создание и право. Резкие реплики и умение царапать в ответ больше, чем укусили тебя, передавалось в моей семье на генетическом уровне.

Скучавший класс обратил на нас всё внимание. На замену выслушиванию скучной лекции пришла интригующая перепалка с новеньким.

– Подтяни футболку, у тебя пуздо вывалилось на колени – деловито бросил я опустив взгляд на жирный живот, из-за которого потная футболка казалась к тому же уродливой.

После моей реплики весь класс начал смеяться. Толстяк, натянув футболку ниже покраснел, может быть от стыда.

Послышался шёпот Макса. Он обратился к своей девушке, отстранённо снимающей снэп с заезженной радугой, вылетающей изо рта:

– Я думаю, он прекрасно впишется в нашу компанию.

– Максик, у меня неделя снэпов – она не отвела взгляда от фронтальной камеры – Не отвлекай.

Вторым уроком была история, проходящая в мрачном и длинном как тонкая кишка кабинете.

Парты в тесном классе длинные. На одной умещались четыре человека. В комнате царил форменный беспорядок: куча скомканной бумаги и небрежно сложенных в стопки тетрадей укрывали всю заднюю парту. Бланки с тестами, лежащие на учительском столе, полностью исписаны. Присмотревшись, я увидел тему: «Французская Революция». Сниз немного литературных вопросов по «Отверженным» и «Собору Парижской Богоматери» Гюго. Х-м-м, кажется, это произведение занесло сюда из другой эпохи.

Все парты заняты громко болтающими новыми одноклассниками. Даже ко второй паре они не смогли привыкнуть к новому лицу, пялясь на меня вплотную. Один из них,

свесив ноги с парты, рассказывал другому свежую сплетню о моей персоне. Даже и не став её слушать я прошёл дальше в поисках свободного места.

Не занятый стул стоял лишь около третьей парты с тем пухлым парнем. Он вспотел и залился красным цветом, как спелый томат, ещё больше. Посмотрев по сторонам, я с тоской осознал, что это единственный выход. Пришлось сесть с ним пытаясь не обращать внимание на медленно стекавшие с подбородка омерзительные капли.

Увидев нового соседа, он сразу же устремил хитрый взгляд на меня, не изменяя привычке прожигать взглядом насквозь.

Я искоса посмотрел на прозрачную капельку, нерасторопно стекавшую по пухлой щеке.

О Господи, какая мерзость.

Она остановилась у небритой щетины, погрузив в мокрое зловонное пространство торчащий тёмный волосок.

Блеснув в свете тусклой лампы она поплыла дальше, на секунду замерев у подбородка, и наконец слетела вниз. Маленькая капелька драматично разбилась о твёрдое тёмное дерево.

Старшая сестра маленькой капельки отправилась в путешествие вниз сразу после родственницы. Ей не повезло дожить до падения: толстяк небрежно смахнул каплю с лица, после чего она разлетелась на маленькие брызги.

От одного удушающего запаха пота меня чуть не вырвало

на его торчащее пузо.

Первый день в школе похож на то, будто ты умер и блуждаешь по земле как неприкаянный призрак. Звучит чертовски жутко, но в этом есть своя доля смысла.

Ты ходишь словно прозрачный, протискиваясь сквозь невидящие тебя тела и примеряя разные роли. «Слушатель» – первая роль, когда ты словно липкая пиявка липнешь к одной из компаний и всасываешь в себя всю новую информацию. Её школьные сплетни выливают на неподготовленную голову вёдрами.

Вторая роль – «охотник». Ты отлипаешь от одной кучки школьников, и как рысь, нервно ищущая кусок мяса, разыскиваешь новую компанию.

Ты перебрасываешь эти роли как цирковой жонглёр. Так проходит приблизительно вся первая неделя (в лучшем случае) если ты имеешь достаточно мозгов чтобы быстро устроиться на первом месте, в более плохом случае – месяц с лишним, если ты имеешь симптомы «невидимки», растворяясь в толпе со скоростью таблетки-шипучки. И самый ужасный случай – вся жизнь, когда ты гордо называешь себя «бунтарём», проклиная проходящих мимо счастливых одноклассников и тихо жуя жирный запакованный сэндвич в туалете.

Стать прозрачным, как обычно, у меня не получилось. Голова шла кругом, ведь каждый сидящий, стоящий и лежащий рядом открывал рот чтобы сочинить удивительную

сплетню о «брате мажора», оказавшемся «вовсе не мажором».

– Я слышала он потерял девственность в шестом классе – заявила толстуха, схожая на молодую версию Мелиссы Маккартни.

– Откуда ты могла это узнать, брехушка? – писклявым голосом придралась её соседка.

– У меня везде связи – гордо заявила толстуха, почесав задницу, растекавшуюся медленно, как таяющее желе, по деревянному стулу. Я скривился – Говорят, это была групповуха. Точно, настоящая групповуха.

Соседка причмокнув закатила глаза.

На перемене перед уроком брат со своей компанией стояли на входе в кабинет и болтали, при этом показательно громко смеясь. Я, пытаюсь освободиться от зловонной компании соседа, подошёл к ним и попытался поддержать разговор.

Бросавшая наглые смешки компания стояла у доски, Андрей подхватил в руки мел и, видимо от нервов, агрессивно дробил его пальцами.

Девчонки сели на первую парту, усердно не замечая растерянную девчонку в очках, и специально соблазнительно выгнулись перед её носом. Шокированная девочка растерялась и не зная что делать отсела вправо.

Что может обсуждать компания самодовольных мажоров?

Ну конечно – сплетни. Мне напомнило это картину из вечерних программ «Discovery», где мартышка тщательно выискивает блох у своего маленького малыша. Только тут они взяли лупу и разбирали недостатки каждой блохи, рассматривая и обсуждая её часами.

Разговаривали они о девочке, сидевшей на задней парте. В её чёрные как уголь волосы вплетены ярк– красные пряди, напоминавшие о мёртвых трендах 2008 года. Губы накрашены броским красным цветом. Одета в очень необычный чёрный корсет, пережимавший её талию до толщины шатающегося стебля тюльпана. Лицо в обильном макияже. Девушка невероятно бледная, как упырь. Лицо отбивает тусклый свет белой лампы. Она отстранённо заглядывала в тетрадь и писала полностью погрузившись в текст. Похожа на готов, ходивших по улицам городов до года-так две тысячи девятого. Скорее всего называла себя «бунтаркой» и не понимала что таких как она миллионы.

Я включаю «наблюдателя»: растворяюсь в компании и пытаюсь лучше узнать загадочных мажоров. «Наблюдатель» – оптимальный вариант для первого дня: всё что нужно – делать вид непринуждённого интереса, когда надо кивать, когда надо улыбаться, когда надо смеяться. Всё просто.

Больше всего распиналась Алина:

– Да уж, называет себя Сабиной, а саму её как там зовут? Тамара? – она дерзко хихикнула, дав рассмотреть розовый разжеванный «Тридент» со вкусом клубники – Уже всех до-

стала своей второсортной инди-группой, на каждом концерте мелькают со своими сплагаченными у Металлики песнями.

– А у неё что, своя инди-группа? – поинтересовался я ради поддержания разговора, хотя из слов «СВОЕЙ инди-группой» всё и так понятно.

– Ага, типа местные знаменитости и хитмейкеры. На каждом концерте мелькают – спокойным женственным голоском ответила Каролина – Жанр, хम्म... как тебе объяснить? Апрель Лавин смешанная с Металликой.

– И ещё чуток Нирваны – добавил Макс.

– О Господи, в их банальных текстах даже и не пахло творчеством Нирваны – возразил Андрей.

– Она же вылитая ведьма, посмотрите как эта чокнутая на меня смотрит – с волнением произнесла Алина, обратив наше внимание на отстранённый взгляд Сабины, прожигающий тощее загорелое тело.

Андрей ответил:

– То что она вылитая ведьма ты права. Недавно я смотрел на себя в зеркало. Эта дура прошептала «Не терпится изуродовать твоё смазливое личико» или что-то типа этого себе под нос. Судя по всему надеялась, что я не услышу. Чокнутая, вот и всё. Я конечно же, на реплики этой невменяемой даже не реагировал.

– Красавчик – выпалил Макс, пытающийся вставить хоть какое-то слово в надежде обратить на себя внимание компа-

нии.

– И ты просто ушёл прочь? – скептически спросил я, с детства вспоминая давнюю привычку брата долго рассматривать своё отражение, то ли наслаждаясь собой, то ли беспощадно критикуя в разуме.

– Ага, даже внимания не обратил. Мне каждый день такие же недовольные собой жуткие девчонки тысячи угроз высказывают.

– Это, должно быть, неприятно.

– Да нет, я абстрагируюсь, молюсь по воскресениям и всё о'кей – иронично ответил брат, положив мел обратно и вытрусив руки от мелкой белой крошки.

Прозвенел звонок и я сел на место. Пухлый рядом хотел начинать разговор, перебивая начавшую лекцию учительницу, раздражённо громко рассказывающую про разгар Холодной Войны:

– П-ссс, Чувак – шикнул он выпустив мерзкий гнилой аромат, вылетевший из уст.

– Что? – грубо ответил я, даже и не думая смотреть в его сторону.

– Конфликт Японии и США обострился во время внедрения американского рынка в китайскую повседневность – глядя на завешенные тёмными шторами окна без интереса рассказывала учительница.

– Даже не думай связываться с этой тусовкой, потому что

в скором времени они рассчитаются за все свои поступки – его быстро выговоренная фраза звучала как банальнейшая угроза.

– То есть ты считаешь это нормально настраивать меня против двоюродного брата, с которым я провёл всё детство, и всерьёз думаешь что после слов незнакомого пацана «Даже не думай» я перестану с ним общаться? Ты наивный – совет жирдяя вправду звучал чересчур по-детски.

– Дело твоё, но я вижу что ты не совсем плохой человек – «не совсем», года два назад я бы за такое обиделся – И ты не заслуживаешь быть выставленным на посмешище.

Последние его слова заинтриговали. Что он подразумевает под «быть выставленным на посмешище»?

– Что ты имеешь ввиду?

– Ты скоро узнаешь – он попытался изобразить загадочность в голосе, но выглядело это комично.

Так как из рта моего соседа дико воняло чесноком, я отвернулся и стал с интересом слушать историю. Учительница рассказывала про последствия атомного взрыва Хиросимы, начав описывать бомбёжку Перл-Харбор. Черт, я совсем прослушал тему из-за его глупых разговоров.

Мне пришла СМС. Судя по раздражающему гудку, Вайбер. Достав телефон из джинс я прочитал сообщение, замигавшее на экране блокировки.

– Хэй, кочевник, как тебе первый день? – оно от Алексея, моего лучшего друга. Дружба с ним непрерывно длилась на

протяжении четырёх лет и сохранялась даже на расстоянии в целую страну.

Я забыл ответить, положив телефон на край стола. Пяля на доску, я перебирал пальцами по тёмному чехлу, купленному на распродаже в японском супермаркете.

В голове прочно засели мысли, не дающие пролезать в них лекции учительниц. Все они о компании моего брата. Красивой, будто из старого сериала 90-х про Беверли Хиллз. Уверенных, словно в этом мире им подвластно всё. Они казались идеальными. Настоящей подростковой мечтой: ими хотел быть каждый, кто замечал ребят в лазурном школьном коридоре.

Настало время идти на обед. Мама дала сделанный на скорую руку запакованный тормозок. В него входил салат, какое-то мясо, яблоко и ванильный йогурт, по густой консистенции больше напоминающий пудинг.

Идя в столовую и рассматривая стенные газеты (тут они не отличались особой креативностью: напечатанные на цветном принтере статьи из «Фейсбук»), внимание привлекло фото очень милой девочки с карими глазами. Вокруг него много цветов и свечей, а рядом надпись на тёмной табличке: «Покойся с миром, Адриана. Любимая дочь, подруга и ученица». Она прикреплена к закрытому шкафу, принадлежавшему, по всей видимости, погибшей.

Настоящий поминальный уголок посреди школы. Б-р-р,

вот это самая настоящая жуть.

Подойдя ближе, я случайно наступил на маленького плюшевого коричневого медвежонка. Наверное, купленный на заправке.

Сразу же стало понятно что это ученица, о смерти которой и говорил мужчина в подкасте. Подобные алтари я видел лишь в подростковых ужастиках, в них на следующий день после смерти одного из героев появлялись пышные поминальные уголки. Фото, свечи, цветы и всё такое... Только в фильмах у них горюя на коленях сидело куда больше людей.

Протянув руку к свече я почувствовал приятное тепло.

На фото Адриана улыбалась сидя на шоколадного цвета лошади. Ехала она, досконально выпрямив спину, сама, без какой-либо помощи инструктора. Скорее всего она была прекрасной наездницей, обученной с детства. Из этого можно вынести вывод, что она походила из достаточно обеспеченной семьи, позволявшей часто посещать конный клуб.

Обняв лошадь за лохматую гриву тонкими руками на которых виделись синие вены, она мило улыбалась. По блеску в глазах прослеживается любовь к животным.

– Ауч! – вскрикнул я и прижал ладонь ко рту, пытаюсь охладить её холодными слюнями. Тонкая свечка обожгла руку и оставила красный след.

Я быстрым шагом двинулся в столовую, стараясь не поворачивать голову назад.

Первое впечатление от нового кафетерия положительное. После поросшей плесенью и паутиной забегаловки в морском посёлке (в ней каждый день травилось ровно два ребёнка), эта светлая столовая в лазурных тонах – рай. Пахнет в ней тёмными крупными зёрнами кофе, как в Старбакс в разгаре обеденного перерыва. Закрыв глаза в темноте возникает картина: кафетерий в деловом центре, все столики заняты напыщенными работниками соседней редакции. Из чашек к потолку вздымается пар, всюду звучит усердное стучащие по клавиатуре. Ведь работа в столице никогда не прекращалась.

На входе (тут им служила высокая арка) я встретил Андрея. Он держал в руках мятый листик и заучивал текст, слов которого я не мог разглядеть:

– Ты учишь стих? – поинтересовался я

– Не, это моя речь. Я должен рассказать её на сегодняшнем празднике.

– День Осеннего Возрождения? Я слышал о нём в подкасте – в глаза бросились пробегающие мимо парни в куртках-американках. Похожая у Макса. Должно быть, компашка состояла из местных баскетболистов.

– Да, он самый – опустив взгляд на листок бросил Андрей – Речь мне папа всучил. Строго сказал что я не должен его опозорить. Весь город соберётся, мне конечно наплевать, но я боюсь что-то забыть – один из баскетболистов, шатающийся как пьяный, задел меня локтем. Посмотрев на него через плечо, я дал совет брату:

– А ты попробуй не так сильно заучивать. Разбавляй речь искренностью и чем-то от себя. Я думаю так толпе больше понравится.

– Я лучше положу листок под подушку, постучу по голове три раза, произнесу заклинание и на утро всё досконально запомню. Влад, этот совет звучит дельней твоего – саркастично ответил он, криво улыбнувшись. Я сразу же заметил изменения в брате. От каждой фразы исходил пронизывающий холод. Он показательно равнодушен и смотрит на всех будто с высокого холма. Мой интересующийся всем энергичный брат исчезал на глазах, оставляя на своём месте самоуверенного снежного принца.

– У вас крутая столовка – пытался я как-то завести разговор, закинув голову и осматривая высокие потолки. На них виднелись яркие лучи солнца, проникшие вовнутрь через несколько высоких и узких окон.

– Да, можешь поблагодарить за это своего дядю. Мой папа тут главный спонсор. Благодаря ему эта школа ещё не развалилась, устроив трагедию о которой бы «Times» написали сопливую статью.

Я взглянул на Андрея, пытаюсь составить дедуктивный портрет и для брата: после переезда в этот город решил резко сменить образ жизни на стандартный для мажоров разгульно-пафосный. Попробовал алкоголь, не в силах остановиться продолжал вкушать его со своей компашкой. Имеет абонемент на год в спортивный зал, где каждый день дела-

ет селфи в потном зеркале сразу же после первого подхода. Потерял все интересы с головой окунувшись в мир наркотиков и громкой музыки. На вечеринку в честь дня рождения заказал в качестве подарка самому себе голую модель. На ней была аккуратно выложена сотня роллов (это я уже посмотрел в Инста-Стори, если честно). Подстригает чёлку в барбершопе каждые две недели, оставляя серьёзные чаевые лучшему мастеру города. Изменял своей идеальной, на первый взгляд, девушке раз сорок. На этой почве подхватил не самую страшную, но неприятную венерическую болезнь.

О да, он изменился. Это читалось по лицу в первые минуты общения.

– За каким столиком ты сидишь?

– Вот он, в центре зала.

Взглядом я обвёл многочисленные столы. Они надрывались от стоящей сверху еды и судков.

Столик компании брата вправду находился по центру столовой и был самым видным тут. Единственный на всю комнату круглой формы. На него даже свет падал под другим углом. Как на священный Грааль. Легко представить звонкое «Аллилуйя!», смотря на стол за которым идеальной красоты подростки справляли трапезу.

За ним сидели все из компании брата как боги на картине «Святой Вечери».

Я обвёл глазами весь зал, остановив взгляд на мрачных готах. Ссутулившись, они нависали над пустым столом.

Андрей это увидел и ехидно подметил:

– Знаешь ли, столовая это не просто место куда ты приходишь пожрать запакованный мамой тормозок после очередного звонка – я молча уставился на готов, ожидая продолжения фразы брата – Она отображает классовую систему школы. Присмотрись, каждый столик для отдельного типа людей – указывая пальцем в разные концы комнаты, он стал умело и быстро клеить ярлыки на шумевших подростков – С краю хрюкающие жирные обжоры, замкнутые прыщавые задроты-игроманы, странные тощие поехавшие готы. Чуть глубже – плохо пахнувшие вэйперы, индусская и азиатская диаспоры (открою секрет, их никто не трогает) и пошлые сиястые алкоголички. Ближе к центру гламурные инстаграмщицы, спортивные баскетболисты, участницы группы «Чародейки» и глуповатые блондинки, ну, а в центре сидим МЫ – на последнем слове он показательно повысил голос.

–Ты так умело понавешал на всех ярлыки, кто же тогда ВЫ? – «самовлюблённые мажоры» – про себя ответил я.

Андрей промолчал, он всегда молчит когда его ставишь в тупик вопросом.

Столы, мимо которых он проходил буквально начинали разрываться от бурных обсуждений.

Мы наконец-то сели за столик. Я сощурился от яркого света, слепившего глаза, и попытался достать густой йогурт из сумки. Наконец, мне удалось нарыть в рюкзаке пакет с

маминым «ланчем».

Я обратил внимание на еду соседей по столу. В битве обедов я явно проиграл, ведь мой ланч, в сравнении с их трапезой, как паёк несчастного голодранца, живущего под мостом.

Каролина держала в руках тонкую лепёшку. Из неё порой вниз падали мелкие куски морепродуктов и зелёного авокадо. По её словам – тако с морепродуктами.

– Моя повариха Фрида делает невозможное: заворачивает тако так, что впоследствии я не умираю от отвращения к вытекающему жиру – глазами она уткнулась в аппетитное блюдо, аккуратно свернутое между её пальцев – Авторский рецепт – из лепёшки выкинуть жирную говядину, кетчуп, лук и кукурузу, а на её место засунуть креветки, мидии, осьминогов и авокадо.

Макс увлечённо ел ничем, на первый взгляд, не отличающуюся лепёшку от тако Каролины. Но это оказался «Фахитос» – там и ингредиенты другие, и острота, судя по медленно краснеющему лицу и слезе, наворачивающейся на правом веке, более брутальная. Когда я спросил, чем «Фахитос» отличается от «Тако» вся компания посмотрела на меня как на сбежавшего из дурдома. Даже и не ответили.

Андрей макал чипсы «Начос» в густое зелёное гуакамоле и заманчиво хрустел.

У Алины в ярко-зелёном судке лежала «Энчилада» – тортилья, которую обычно делают с мясом и овощами (и да, это я узнал погуглив после обеда).

– В моей Энчилада только овощи – объяснила Алина, проглотив блюдо, незнакомое мне до этого момента. Так уж вышло, что все знакомство с мексиканской кухней завершилось на «Тасо Белл». И то, после него я провожу целые ночи в туалете.

Ночи, наполненные головокружительными ароматами и несравнимыми эмоциями.

УЖАСНЫЕ НОЧИ.

Из-за них я воротил носом на мексиканскую еду ребят как на голубиный помет, насыпанный в судки для школьных обедов.

Абсолютно новые названия, и нужно делать вид будто непременно слышал их раньше, чтобы не показаться белой вороной среди «высшего» общества.

Никита мрачными отстранённым глазами смотрел на буррито, растекающееся жиром по стеклянному контейнеру.

В компании красиво упакованных блюд, запакowanych заботливыми домработницами-эмигрантками, я почувствовал себя по-настоящему лишним.

– Влад, ты должен усвоить – начал Андрей хрустя кукурузными чипсами – Даже не смотря на то, что ты мой брат. Понедельник у нас всегда день мексиканской еды, кроме последнего понедельника месяца. Тогда мы едим исключительно индийское.

«Упс, кажется я попал» – про себя вздохнул я, готовясь выслушать перечень обязательств для сидящего с самыми

популярными людьми школы. «Дрянные девчонки» на новый лад, ей Богу.

– Пятница – день исключительно японской еды – подхватила Каролина, доев авторский тако – Вторник – день «Гучи». Мы все совещаемся, чтобы сменить его на день «Balenciaga».

Андрей наклонился к уху блондинки, смахнув с него белую прядь. Он говорил так тихо, что из непонятого шипения я разобрал лишь слово «скажи».

– Но... – вообще, у меня не было даже носков от «Гучи» с самого рождения. Ни нитки от дорогого фирменного бренда. Стоит ли произносить это в слух при самой популярной компании города?

– Что, «но»? – подозрительно спросила Алина. Она единственная обратила внимание на мой обрывок предложения.

Я покачал головой, делая вид, будто молчал всё это время. Выглядел я нелепо. Ужасно нелепо.

В компании подобных людей начинаешь казаться нелепым самому себе. Начинаешь смотреть на себя по-новому: как на примитивное создание, унылый отброс, каждое движение которого – нелепо.

Ведь как они сидят, как они смеются, как они, блин, держат тако в ладонях – всё кажется сошедшим с гламурного сериала про Нью-Йоркский бомонд.

Они чисто физически не могут казаться нелепыми. И от осознания этого, сидя рядом с ними хочется провалиться

под землю.

– Среда «ЭКО день» – продолжил Андрей – Этим правилом мы пытаемся хоть как-то развить поддержание природы в городе. Лишь органические продукты. Если прийдёшь с блюдом, содержащим коровье молоко – незамедлительно отсядешь. Лишь соевое. Или кокосовое. Или миндальное, черт бы его побрал – презрительно кривясь, он взял новую порцию начос, потягиваясь к сырному соусу, стоявшему у локтя Алины в фарфоровом блюде.

– В четверг на этой неделе у нас особый день, бывающий лишь раз в году – день мороженого – счастливо произнесла Каролина, за секунду начав сиять как яркая звезда – Каждое блюдо должно содержать мороженое.

Фу. Когда-то я ел бургер с телячьей котлетой и шариком пломбира. Следующая ночь прошла не лучше чем ночь после «Тасо Белл».

– Если его не будет – отсядешь – сухо произнёс Андрей, хрустя чипсами. Доев, он в очередной раз взял новую охапку и окунул в зеленый соус.

– Ну и всё – улыбнулась Каролина, взяв волнистую прядь в руку и начав накручивать её на палец как спагетти на вилку.

«Ну и всё» – кривляясь повторил про себя я, думая о том, что половину из всего приказанного надевать и есть я не достану. Но ничего. Я сяду с самой популярной компанией города лишь на время, пока не разберусь в остальных одноклассниках.

Достав из компактного синего судка крупный брокколи, я закинул его в рот, не дожидаясь спросив у новых знакомых о загадочной улыбчивой Адриане, чей поминальный стенд в коридоре наводил жуть.

– Слушайте, идя в столовую я увидел алтарь в холле. Расскажите, что случилось с этой девочкой.

Никита поперхнулся толстым тестом ржаного хлеба и коленом ударился об стол. Толчок перевернул налитый в стеклянную бутылку клубничный смузи Каролины. Он поплыл густой жижей ко мне.

Только сейчас я увидел насколько болезненный вид у Никиты: синие мешки под глазами, сонные глаза, будто бы парню неизвестно понятие «сон», и бледная кожа. Поверьте, бледнее чем у самого Эдварда и всего рода Калинов, честное слово.

– Месяц назад её тело нашли недалеко от трассы, перед этим она без вести пропала на две недели и её искал весь город. Все думали что она сбежала. Она вроде бы даже записку родителям оставила – Начала рассказывать мне Каролина с большой тоской на лице, одновременно пытаясь оттереть напиток влажной салфеткой.

– Она была лучшей подругой Никиты – продолжила шепотом Алина – Он проводил с ней кучу времени. Её смерть для него стала ударом.

– Ужасным ударом – тихо повторила Каролина. Все стыдливо оглядывались на тоскливого паренька, гадая: слышит

или нет? Конечно же, он всё понимал. Просто отстранённо смотрел в сторону.

– Мне так жаль – попытался выразить я соболезнования
– Она была... настоящей красоткой

Я не лукавил. Девочка которую я увидел на фото в холле и вправду была необычайной красоты: густые чёрные брови, смуглая кожа, и очень-очень-очень умные карие глаза. В ней было что-то восточное, не из наших мест. Словно принцесса Жасмин из диснеевского мультика.

Она была необычайно привлекательна.

– А что говорят полицейские? Её кто-то убил?

Я словил на себе недоброжелательный взгляд Никиты. Сощурившись, он молил меня глазами: «заткнись, заткнись, заткнись»

– Вроде бы ДТП. Машина, на которой она разбилась найдена за пол километра от её тела. Вокруг был непроглядный лес. Почти все ногти на её руках содраны. Говорят, она пыталась ползти к городу, после того как разбилась – уверенным тембром рассказывал Андрей.

– Ужасно... – одно лишь сухое «ужасно» слетело с уст, так же сухо и быстро тая в воздухе – Стоп – резко опомнился я, проглотив тихую вялую фразу назад – Вам не кажется странным, что человек после аварии на трассе посреди леса умирая пытался доползти до города?

– Кажется – уверенно выронил мой брат, не спуская глаз с аппетитных мексиканских чипсов. Он словно боялся загля-

нать кому-то в глаза.

Густой зелёный гуакамоле виднелся между его белоснежных зубов и создавал впечатление будто Андрей набрал в рот болотной тины.

Никита, ранее напоминавший по цвету кожу живого мертвеца, стремительно закипал стремительно заливаясь ярким красным цветом.

Не выдержав разговоров о погибшей подруге, он встал из-за столика и быстрым шагом пошёл на выход, столкнувшись с веселящим друзей баскетболистом.

– Что это с ним? – спросил я проводя взглядом парня. Он выбежал из арки и скрылся из виду.

– О, это у него всегда. Он типа под потрясением и не любит чтоб его мёртвую подругу обсуждали – саркастично ответила Алина – Типичные заморочки скорбящих. Нам их не понять.

– Да ладно, откуда в тебе столько иронии? – с осуждением вставила Каролина – Это лето для него вправду было невероятно тяжёлым. Кто-нибудь вообще видел как он выходит из дома в августе? Лично я – нет.

Она закинула в рот последний кусок сырой рыбы из буррито с сашими и тщательно пережевывала. Перед собой во время нашего разговора она держала телефон и судорожно листала яркие маски в «Snapchat».

– Ещё, хотел у вас спросить – начал я отведя взор от АйФона Каролины – Я сел сегодня с пухлым чуваком в футбол-

ке с фри.

– Зря ты с ним сел – бросил Андрей

– Сумасшедший. Помешанный. Злобный – членораздельно начала выставлять диагноз Алина, длинным блестящим маникюром пытаюсь раскрыть тонкую ракушку мидии. Густая капелька жира упала на голую ногу, на что она вздрогнула словно резко попала в тундру с сорокоградусным морозом – И ещё, еврей. Жирный еврей-обжора, а это самые ужасные чудовища мира.

Антисемитизм? Ты ли это?

– Вы ему что-то сделали, я знаю – уверенно заявил я положив ладони на стол. Блондинка отвела взгляд от телефона и уставилась на меня.

– Что? – сказала она и начала нервно смотреть на своё окружение, в надежде засматриваясь то на Андрея, то на Алину – Мы бы даже и словом не обменялись с таким как он.

По лицу девчонки видно, что она начала нервничать. Плохая лгунья – глаза бегают, даже телефон отложила, услышав озадачившую тему.

– Он пытался навязать мне не общаться с вами, сказав что в скором времени я буду выставлен на посмешище. А просто так, такое, если честно, не говорят.

– Хах – нервно засмеялась Алина – не слушай безумного еврея. Его маленькие куриные мозги медленно заплывают жиром от фалафеля или кебаба, или что они там вообще едят?

– Я думал они не едят фалафель – добавил Макс, салфеткой вытирая жирные руки.

– А кто же тогда его ест, умник? – спросил Андрей, сидевший плечо-в-плечо к нему.

– Хипстеры – ответил Макс, на что мой брат многозначительно цокнул – Я был в Израиле на дядином самите в Тель-Авиве этой зимой.

– О да – перебил его Андрей – Мы все помним ту «смешную» историю, как ты опозорился у стены Плача.

– Вы что-то знаете – сказал я, смотря на растерявшихся друзей.

Все нервно начали смотреть друг на друга. За столиком повисло молчание. Вопросом я поставил ребят в тупик.

Под давлением зависшего над столом молчания Андрей раскололся:

– Ладно – он случайно ударил коленями по столу, чуть не перелив шаткую бутылку со смузи во второй раз – Рано или поздно ты это узнаешь, и лучше услышать эту историю от нас, чем от кого-либо другого.

– Тихо! – оживился Макс, резко ударив моего двоюродного брата локтем в ребро – Не смей! – шёпотом произнёс он, боясь что составляющую для него ценность историю вывалят на голову непроверенного новенького. Волнение не без оснований. Я ведь мог оказаться знатным треплом. Вот дослушаю и побегу по коридору громко выкрикивая секреты интересовавших всех деток богачей.

– Он всё-таки мой брат, у нас с детства не было секретов – возразил Андрей, положив руку на место удара.

– Ты прав, мы должны рассказать – поддержала его Каролина – Мы совершили ужасный поступок, за который должны рассчитаться – она скромно опустила глаза, размер которых подчёркивали длинные тёмные ресницы.

– Монашка-Кэр снова в деле – проворчала Алина, став на сторону Макса.

– Так вот, слушай: жирного зовут Давид. Их, наверное, всех называют Давидами – нагло ухмыльнулся он, придвинулся ко мне и оглянулся по сторонам, думая что нас кто-то может подслушать. Он заговорил еле слышным шепотом; с большим трудом его можно было разобрать лишь за нашим столом – Ещё с младших классов он обожал яркой любовью психа Каролину и всячески доставал её. По иронии, бабла на нормальные подарки у него не было и он притаскивал ей сделанные вручную сердца, на которых клей даже не успел обсыхать.

– Эти конченные валентинки всегда прилипали к моим ладоням – добавила Кэр – Ещё был завядший букет одуванчиков. Ты прикинь, подарить мне на глазах у класса сорняки? Похоже на начало фильма об преследователе...

– «Мой кровавый Валентин» – помогла Алина.

– Может быть и он.

Я покачал головой, пытаюсь сделать вид будто я шокирован.

(Нет, на самом-то деле мне глубоко плевать).

– Ещё были авторские любовные стихи. Вот это был вообще полнейший пипец. У евреев, скорее всего, наглухо отсутствует чувство рифмы – закончив, Каролина позволила Андрею рассказывать дальше, стуча длинным маникюром по столу. Может быть, она нервничала.

Кажется, меня начинает тошнить от «срывающих бошку» шуток про евреев. И кто решил, что подшучивать над национальностью – круто?

– Так вот: накануне дня рождения Макса в этом году мы решили подшутить над Давидом и пригласить его на вечеринку в качестве кавалера Каролины. Макс с Каролиной сделали вид типа поссорились. Получилось не очень правдоподобно, но жирдяй клюнул.

– Поедатель хумуса и комбинат по уничтожению всего кошерного чуть не сдох от такой новости – дополнил Макс ехидно смеясь. Он думал что шутит максимально остроумно. Я мысленно закатил глаза, проклиная антисемитизм в любых его проявлениях.

И кто говорил что он умер в современном мире? В школах он живет и здравствует, особенно когда на горизонте появляется ортодоксальный жирдяй.

– Точно, короче говоря, в нашем плане было подмешать в его стакан апельсинового сока кое-что, от чего сносит крышу похлеще чем от метанфитамина. Я забыл название вещества – Андрей задумался – Что-то на «Г»...

– Мне кажется, на «Д» – влезла Алина

– Не суть. Мы купили это у местных наркоторговцев. Ну знаешь, те которые проталкивают наркоту на каждом баскетбольном матче.

– Ребята на колледж зарабатывают – вставил Макс.

– План пошёл как надо: Давид залпом выпил стакан сока, хрюкнул от удовольствия и его начало полностью распирать. Это было невероятно ржачное зрелище, заставившее каждого достать мобильный и немедленно начать снимать: сначала он снял свою потную футболку и кинулся танцевать на кухонном столе дома Макса, после чего грохнулся со звуком упавшего с неба рояля.

– Моя горничная после этого сутки стол отмывала от его свинячьей вони – обиженно добавил Макс.

– Весь дом ржал с него – улыбаясь вспоминала тот день Алина – А у Макса большой дом, поверь.

– Ага, точно. Видео максимум спустя минуты три заостили на ютуб.

– Он мигом стал мемом и звездой интернета. Его даже на каком-то вечернем шоу для старпёров обсуждали – добавила Каролина.

– Конечно, а как жирному еврею танцующему на столе не стать мемом? Он создан для этого – откашлявшись, Андрей продолжил – Но дальше, все начало выходить из под контроля. Давид блевал без остановки в туалете пол часа. Точнее, он не добежал. Осталось пару метров до заветного толчка.

– Моя горничная неделю не могла отмыть гостевой туалет от его мерзкой блевотни.

– Во-во. А потом он упал на пол и стал кричать что ничего не видит. Орал как резаная израильская свинья.

– Разве в Израиле есть свиньи? – хлопая глазами спросила Кэр.

– Они везде есть, дурочка – ответила Алина.

– Мы не придали этому особого значения, он вёл себя как типичный чувак под кайфом, поверь мне – он с надеждой заглянул мне в глаза – Отвезя его домой, мы решили что знаешь типа, еврей сценку решил разыграть и всех напугать до усрачки.

– Мы такие типа: «Ага, ты не тех разыгрывать решил» – дополняла Алина достав новую розовую пластинку жвачки.

– Той ночью мы опозорили его перед миллионом зрителей и даже не пожалели о содеянном.

– Этот назойливый жидёнок должен был получить своё – дополнил Макс.

– Было весело – заметила Алина.

– Но на следующее утро каждый из нас проснулся от звука уведомлений: мы узнали, что у Давида аллергия от того странного препарата. От такого он, что-то вроде, слепнет на долгое время. Короче говоря он не появлялся в школе пол месяца, а его маман собрав всю еврейскую общину начала собственную охоту на обидчиков сына. Конечно же, о том что это сделали мы никто не узнал. Кроме тебя, разумеет-

ся. Может быть жидёнок начал догадываться, но он чересчур глуп для этого. Согласись, на вечеринке любой мог подмешать легко растворимый белый порошок в сок. В темноте жертва проглотит всё.

– Мы стали замечать, после того как он месяц проболел, синяки на его теле – грустно вспомнила Каролина, в очередной раз опустив глаза вниз всем видом показывая насколько ей жаль. Вполне возможно, что из всех она была единственной сожалевшей о содеянном. Все остальные с каменными лицами слушали историю, порой хихикая над жирным мальчиком-мемом.

– Говорят, его сумасшедшая маман пиздила Давида до потери пульса, за то что сын якобы стал грешником – чавкая произнесла Алина.

– «Молись, моё грешное дитя, а то я влуплю тебе крестом по голове!» – кривляясь, низким голос Макс пародировал религиозность матери Давида. Рассмеялась только Алина. Во взгляде остальных двоих ясно читалось: «Закрой рот, идиот». Его девушка отклонилась от него, выпутавшись из крепких объятий.

– Но гифки с ним получились зачётные – смеясь продолжала Алина.

– Мы не знали что он ослепнет. Мы не хотели чтоб он месяц просидел дома из-за нас.

«Вы всего лишь хотели опозорить его перед всем интернетом» – сказал я про себя так и не озвучив вслух. Перед гла-

зами встала картина плачущего закомплексованного парня, медленно режущего вены в ванной. Скорее всего, именно так подростки и лишаются желания жить дальше. Я вздрогнул:

– Да вы настоящие монстры – в полном ступоре сказал я, видя перед собой белоснежную ванную в красных потёках.

«25 июля, 2018 год.

Привет мой дорогой дневник. Знаю, в две тысячи восемнадцатом году записывать свои мысли в потрёпанный блокнот с плохо пахнущей кожаной обложкой – глупо. Но почему-то именно сегодня я захотела забросить свой тайный блог, прочитанный лишь один раз, и то, это был пьяный извращенец из Ирландии, которого самокопания шестнадцатилетней девчонки неплохо возбудили. Это омерзительное чувство, когда твои потайные эмоции вызывают у какого-то рыжего алкоголика стояк. Ну и хрен с ним. Итак, долбанная олимпиада по биологии закончилась. Прости дорогой дневник, но я просто на неё насрала огромной лошадиной кучей. Ответила на все тесты а-ля «Ини-мини...». Может быть тот завистливый очкарик, с которым я вместе хожу на факультатив латыни наконец успокоится, забрав хоть где-то первое место.

Сегодня тот самый день, когда я собираюсь перевернуть свою жизнь с ног до головы, вытрусив всё ботанское говнище на землю и размазав его каблуком.

Весь город перевернётся – Адриана соберёт свои чемо-

данчики и уедет нахрен. А кому забирать медали на областных олимпиадах? Кому проходить мимо, кокетливо улыбаясь и делать вид что всё хорошо? Кому быть славной пайдевичкой, примером для каждого юного выродка этого города? Ловлю себя на мысли, что с каждым днём всё больше хочу стать тем самым выродком. Просто напиться дешёвым пивом, купив его у слепой старухи «МаМа» в магазине и убиться в хлам. Потом залезть на заброшенное здание, в котором месяц назад умерла пенсионерка и там трахнуться с незнакомцем, облокотившись об твёрдые кирпичи. Фак, теперь меня не удивляет что ирландец вздрочнул на мои мысли.

В эту среду ЛП меня опять избил своими гадкими тонкими руками. ЛП, если ты забыл, дневник, это лицемерная паскуда, ошибочно ознаменовавшая себя моей мамой. Психопатка, похлеще Мэнсона или кто-там был особо безумный. Одевая свои строгие костюмы она будто примеряет новое лицо, маску, которую незамедлительно снимает приходя домой и становясь подорванной стервой. Никогда не забуду свой день рождения, когда она укусила меня прямо в туалете ресторана. Я до сих пор храню этот укус на руке. Когда-то я перееду в Сиэтл, после чего стану самой молодой миллиардершей и ткну этой суке укус прямо в лицо. Хочу записать её выражение лица на видео. Это будет чертовски зрелищное выражение.

Ну а что касается меня: я только что уложила последнюю

пачку прокладок в косметичку, впихнув её в чемодан. Пора сруливать. В два часа дня за мной заедет ОН. Хах, не хочу называть имя. Я знаю тебе до чёртиков интересно, дневник. Но подожди, я запишу его сразу, как только буду готова.

Блондин. Я встретила его жуя хот-дог на заправке. Прикинь, как это хреново, влюбится в человека когда по твоему подбородку стекает жгучая горчица. Я выглядела как безрукая нелепая корова.

У него раритетный белый мустанг, он подбросил меня домой. Маман ещё шаталась со своим туристическим оператором. Ненавижу этих слюнтяев из конторы. Подорванные гермафродиты, которые спят и видят как бы разрушить чужой брак.

Ей богу, я расскажу про это отцу, и в один прекрасный день дам страничку на Фэйсбук того, кто её трахает. Клянусь, я это сделаю.

Ну а пока, я буду наслаждаться природой с тем самым блондином. Ну, он не совсем блондин. У него мелирование, весьма паршивое, кстати говоря. Удивлён, дневник? Да-да, я еду в лес с загадочным незнакомцем. Он говорит, что там офигеть как круто. Каждый день дикие вечеринки, прямо посреди леса, представляешь?

Я знаю что ты скажешь, мой скептический дневник: «Ты в жизни не на одной вечеринке не была, шаболда самоуверенная», и окажешься прав. Те, кто ментально общаются со своим блокнотом чисто физически не могут быть тусовщиками.

Но теперь я другая. Я это чувствую. Знакомая всем Адриана сломалась, словно тонкая спичка. «Чирк!». Они все увидят кто я на самом деле. Честное слово, увидят.

Я сяду к нему в машину и помчу на встречу новой жизни на полной скорости. Он идеален. Этот незнакомец. Кажется, я втюрилась по самые уши.

Это лето будет лучшим в моей жизни.

Ещё увидимся, мой дневничок.

Твоя Адриана а.к.а “Никогда не буду прежней»

Цёмки»

Глава 2 #давидиголиаф

Его слабые, тонкие руки выкручивали с невероятной силой, **он** даже услышал отчетливый громкий хруст под лопаткой. Лицо плотно прижимали к земле. Ртом **он** ощущал привкус сырой почвы, так и норовящей попасть в рот. Изо всех сил **он** пытался осмотреться вокруг и позвать на помощь, но был научен горьким опытом: с этими парнями лучше быть немым, не произносить ни слова и спокойно принять дальнейшую участь.

– Гони бабло – кричал рыжий тип с миловидным лицом и конопатым носом. Весь образ милого парня рушился, стоило лишь взглянуть в его глаза. В них не было ничего человеческого. Абсолютная агрессия. Животное безумие. Ненависть, от которой у его жертв сразу же шли мурашки по всему телу.

– Я же сказал, у меня с собой ничего нет – кричал жалобным голосом **он**, на что его обидчик только сильнее вывернули **его** руки. Второй жуткий хруст. После него послышалось жалобное скуление, – Пожалуйста, отпусти. Я принесу деньги завтра.

– Мне так не катит, петушочек – слухи о **его** нетрадиционной ориентации заполонили всю школу, и «адидасы» активно пользовались этим, высказывая оскорбления подобного рода. «Петушок» ещё был самым беззубым, поверьте. И «пидор» казался невинным детским обзыванием.

Фантазии на клички у этих парней хватало всегда, этого не отнять.

Он попытался упереться ногами в чёрный спортивный костюм рыжего, который он и его друзья никогда не снимали, но все тщетно. Обидчик только самодовольно хмыкнул и крикнул троим ребятам, одетым также как и он, стоявшим в стороне.

– Смотрите, наш голубой друг первый раз пытается вырваться. Чего брыкаешься, хуесос?

Трое начали показательно громко смеяться. Рыжий взял в руку острый камень, лежавший недалёко от него и поднёс к **его** щеке. Он вскрикнул от неожиданности и зажмурил глаза, пытаясь спокойно встретить дальнейшие мучения.

Ещё секунда, и **он** почувствовал как остроконечный твёрдый камень впивается глубже и глубже в кожу. **Он** почувствовал как капельки крови медленно стекают по щеке.

Началась настоящая паника.

Сколько **он** себя помнил, на дух не переносил вида крови. **Он** начал истерично болтать ногами, но не мог сдвинуться с места ни на сантиметр. Этот урод плотно прижал его спиной к земле.

– Эй, мы же договаривались, что на этой неделе обойдёмся без этого – непонятно откуда вышел лысый парень, одетый также как остальные – чёрный спортивный костюм с белыми полосками по бокам.

Лежащий на земле сразу почувствовал как хватка рыжего «адидаса» начала слабеть.

– Но мы только начали...

– Я сказал остановись – строгим тоном оборвал лысый.

Парень оставался не двигаясь лежать на земле и с интересом наблюдать за происходящим. Он знал этого лысого как и весь город, считавший его источником всех бед.

Что точно неоспоримо – компания хулиганов всегда беспрекословно слушалась главаря и спорить отваживался только рыжий.

– Что ты тут разлѣгся?! Беги отсюда, петушок! – крикнул лысый, указательным пальцем как-бы прокладывая путь через дебри к большой дороге. До неё сырой чернозѣм прерывает ручей вытекающий из канализационной шахты, а дальше трасса и небольшой магазин «Island Food» через дорогу.

Если побежать в обратном направлении, можно прийти к школьному двору. И как у **него** хватило мозгов пойти домой

через посадку?

«Глупец!... Глупец!...»

Выслушав наставления он мигом поднялся и скрылся за кустами. Для него подобные ситуации были чем-то каждодневным, обыденным, и этот кошмар продолжался вот уже на протяжении двух лет.

Учебный день подошёл к концу. На предпоследнем уроке Андрей пригласил меня на городское празднование. То самое, к которому он готовил речь.

«День Осеннего Возрождения». Безумное название под-стать городу. Нужно хотя бы узнать, в честь чего празднуют.

Многолюдный праздник – отличный повод узнать местных жителей. Пока они казались абсолютно странными, немного чудными и сумасшедшими. Скорее всего, маленькие городки этим и отличаются от мегаполисов. Каждый в них чуть-чуть «того», каждый хранит за собой пыльный скелет прошлого.

По крайней мере, так кажется по многочисленным сериалам и уютным детективным книжкам. И знаете, что я точно узнаю за это время? Они не врут. Тихие омуты всегда концентрируют темные тайны.

Я шёл домой устремив взгляд в асфальт и погрузившись в размышления. Я привык закидывать голову выше всех и делая вид будто всё чертовски классно. Но сейчас, взгромоз-

дившиеся на спину мысли тянули голову вниз.

Ослепший опозоренный парень, ставший мемом. Кардинально изменившийся брат. Его новые друзья, в общении которых чувствовались недомолвки и загадки. Во всём чувствовался аромат витавшей тайны: в их молчании, периодически нависавшем над столом, в их взглядах которые ни при каких обстоятельствах не падали на окружающих. Они держали себя как неприступная каменная крепость и никого не подпускали близко.

Подростки-идеалы с голливудской внешностью. Каким же обманчивым было первое впечатление.

Яркое солнце, видимо позабыв, что сегодня первый день осени, припекало волосы. Я остановился и сощурившись взглянул на небо.

В воздухе витал цветочный аромат. На клумбах цвели белые бутоны, названия цветов я не знаю и знать не хочу. До меня доносилась влага поливалки, опрыскивающей газон у невзрачного белого дома.

Встав посреди проезжей части и протянув руку вверх я попытался нащупать лучи света. Город будто вымер. Никого. Ни одна машина не мешала наслаждаться спокойствием.

Я чувствовал теплоту кончиками пальцев. Они делили луч на пять ровных частей.

Рыжая дама. Пустынные бездушные глаза и безумный взгляд. Капля крови упавшая в глубокой дыре в животе. Она засела в памяти надолго. Сны имеют свойство вылетать сра-

зу же после завтрака и всплывать лишь мутными очертаниями сюжета. Но я помнил каждую деталь незнакомки. Я бы смог нарисовать её портрет в точности (если бы умел рисовать дельней метода «палка-палка-кружок-палка»).

Подняв глаза вверх я засмотрелся на зелёные листки, переливающиеся на солнце. Кожа наслаждалась солнечным светом.

Я человек с уймой странностей, скрытых от посторонних глаз. «Мальчишка-вспышка» хранил за своими плечами десятки непонятных привычек.

День продолжался.

Не успел я переступить через порог нового дома и отбросить тяжёлый рюкзак в сторону, как ко мне подбежала мама, тонувшая по уши в заботах обживательницы нового места. Её волосы собраны в хаотичную «пальмочку», белые пряди торчат в разные стороны. Руки в тёмных резиновых перчатках, на которых виднелись мелкие пузырьки моющего средства. В доме стойко пахнет мылом. Быстро спросив «Как новая школа?» и не сильно выслушивая ответ она дала поручение зайти в магазин.

Ничего не ответив, я развернулся и захлопнул за собой дверь. «Màrà» – я вспомнил потрёпанную вывеску, на ней бледной белой краской написаны четыре буквы. Магазин находился как раз по дороге в школу. И почему мама порой забывает про существование телефона?

Не успел я лениво фыркнуть на мать, как пришёл к мрачному кирпичному зданию. Стоит оно напротив домов, внимательно смотревших на меня высокими окнами.

На улице, как обычно, стояла удручающая тишина.

Здание магазина «У Мамà» (ну и название) выделялось среди полос неприметных частных секторов. На их фоне оно казалось старым пыльным сараем, способным развалиться даже на лёгком сквозняке.

Мрачная серая коробка стояла впритык к безлюдной дороге. За всё это время я так и не увидел проезжающих мимо машин. Жуткий райончик. Будто из утопического спального квартала мигом выселили всех жителей и оставили пышные яркие клумбы с выстриженными зелёными газончики не тронутыми.

Внутри магазинчик ни чем бы не отличался от себе подобных крохотных ларьков, если бы не одно «но». Его чётко выделяли среди себе подобных необычные жители, от которых пол тут всегда усыпан комками шерсти смешанной с серой пылью, а воздух омерзительно вонял мочой. Коты – тут они везде: лежали на полках, весах, стульях и даже товарах. Блестящими глазками они смотрели на каждого покупателя, заглядывали в самую душу. Котята очаровывали покупателей и заставляли не обращать внимания, что они покупают товар среди сотен долбаных разносчиков блох. Они чересчур милые чтобы напоминать о том, что они обычные животные.

Двадцать четыре часа в сутки тут стоит громкое мурча-

ние и неугомонное мяукание. Коты безудержно спорили, деля лучшие места поближе к экстравагантной хозяйке – старухе-кошатнице, владелице лавки.

По городу ходила легенда, будто среди них она выбирает любимцев на всю жизнь. Только некоторые котики получают признание, большинство остается обделённым вниманием.

Она одушевляла мохнатых животных будто считала их полноценными людьми. Точнее детьми. Коты для неё – маленькие детки, отчаянно нуждающиеся в матери.

Вообщем, скорее всего именно эти легенды и отпугнули от прилавков «МаМа» всех людей. Никто не желал появляться в месте где глаза пробивает на слезу токсичный аромат кошачьего дерьма.

Как только я захлопнул двери, на которой болтаясь в разные стороны висела картонная табличка «ЗАКРЫТО», меня окружила пара рыжих кошек. Они усердно начали тереться огненными головками об ноги.

На моих вельветовых штанах остались клочья шерсти; их удалось снять только прийдя домой.

Коты не желали пропускать меня к прилавку, напрашиваясь на приятное поглаживание.

Я переступил через наглые жирные тела и обратил внимание на продавщицу, сидевшую на низком стуле за прилавком. Лишь одна её голова комично выглядывала сверху.

Круглые очки увеличивали глаза в два-три раза. В трясущихся руках старуха держала маленькую расчёску, укрытую

густым слоем серой шерсти.

На её коленях развалился белый котяра, породой отдалённо напоминавший перса. Я не Тейлор Свифт в области знаний пород кошек, но в этот раз уверен.

Все из-за кошачьей выставки, проходившей в одном из павильонов столичного экспо. Не знаю, что я там делал. В столице есть миллионы развлечений интересней чем бесконечные ряды с клетками забитыми недовольными нагловатыми мордами. В отделе «персидские коты» я решился погладить одного такого. Зря. Этот бешеный комок отлетающей в разные стороны шерсти поцарапал мою ладонь. Просто так. Поднял томные янтарные глаза и решился на кровавое преступление.

Алые капли упали на длинные тонкие усы.

Иногда мне кажется, что я плохой человек. Говорят, животные чувствуют это просматривая людскую натуру насквозь, как рентген.

Что касается персидского кота МаМа, сейчас он лапами зацепился за прилавок, максимально вытянув длинное тело напоминающее толстую колбасу.

Он мурчал, наслаждаясь движениями расчёски.

Ох уж этот запах. Моча и стойкий аромат старухи. Я заметил крупный лоток, дно которого усыпано рассыпчатым песком. Судя по запаху, исходящему от него, старуха не меняла песок со времён своей молодости. Ещё один вздох – и неминуемая потеря сознания. Я упаду на лежащих рядом рыжих

как на пуховую подушку.

Я начал дышать ртом. Это не сильно спасало.

– Здравствуйте – поздоровался я с кошатницей, взглянувшей на меня наполненным холодной пренебрежительностью взглядом.

– Чего тебе? – грубо ответила она, покривив высушенным сморщенным лицом напоминавшим смятую рубашку.

– Мне нужен рукав для запекания – попросил я, пытаюсь говорить громче, чтобы продавщица хотя бы внимание обратила.

Да-да, только приехав сюда, моя мама решила запечь индейку.

Но бабушке, казалось, всё равно на мою просьбу. Она даже и не пошевелилась. «Всё в порядке, она просто старый человек» – обычно в таких ситуациях я делал глубокий вдох, но тут предпочёл остаться без кислорода выедающего мне глаза.

Продавщица напевала под нос колыбельную белому коту и медленно расплывалась в широкой улыбке. Она смотрела на него будто на родного сына, тихо засыпающего в руках. Это выглядело достаточно жутко, как и всё в этом городке.

– Можно мне рукав? – закричал я. После крика кот вздрогнул и подскочив с рук хозяйки. Звучное «м-р-р!» и мохнатая задница приземлилась на пол.

Руки старухи затряслись ещё больше. Казалось, сейчас она лопнет и вывалит на меня все обиды столетней жизни.

Она в бешенстве: подняла взгляд и искоса посмотрела на меня как на самого ужасного человека всего мира.

– Ты. Разбудил. Моего. Ребёнка – она показательно громко фыркнула.

Обстановка в зловонном кошачьем царстве накалялась всё больше и больше.

С полки за нашей беседой, засыпая, наблюдал наглый лысый сфинкс. Его морда медленно качалась из стороны в сторону как у китайского болванчика.

– Ребёнка? – переспросил я, не до конца смерившись с возраставшим старческим маразмом. Через секунду я пожалел о вопросе, поняв, что у стариков вообще лучше ничего не спрашивать. На моё счастье, старуха оказалась немногословной: поднялась с места и шаркая тапками подошла к полке, на которой в аккуратную колонку сложены рулоны. Взяв один из них в дрожащую руку она кинула его на прилавок, быстро кинув:

– Плати и уходи.

Достав кошелёк я рассчитался с ненормальной, схватил покупку и побрёл к выходу, бросив мимолетный взгляд на довольного наглого сфинкса, сложившего лапы перед собой.

– Хорошего Дня Осеннего Возражения! – мило пожелал я ей перед тем как выйти.

– Быстрее закрой дверь! – громко кинула она и взяла сфинкса на руки.

А потом дверь захлопнулась.

Безумное место.

Лёжа на кровати и уютно свесив ноги я поставил перед собой старый МАКбук, рыская по разным сайтам в поисках новой информации о городке.

Ноутбук адски зависал, с 2013-го года выпуска будто пережив ядерную войну.

Первой страницей, после названия города в поисковике, вылетал официальный сайт, дёшево и безвкусно оформленный словно за один урок информатического кружка.

В основном всё свободное пространство там заполняли фото довольного седого пухлого мэра, на каждом мероприятии стоявшего с не меняющимся выражением лица: широкая ухмылка, обнажавшая светящийся в лучах солнца одинокий золотой зуб.

Среди однообразных фото с новыми зданиями встречалась физиономия моего дяди Арсения, почётно держащего массивный ключ от города. Фигурируя как самый важный спонсор (скорее всего, единственный), тут он был персоной номер один; доверить главный символ города ему – великая честь. Эх, если бы все они знали кровавые жуткие истории в стиле винтажных боевиков, что развернулись в жизни Арсения в девяностых, его баснословное богатство перестало бы казаться таким удивительным.

Любой фильм Мартина Скорсезе позавидовал бы той кровавой бане, во время парки в которой мой дядя заработал

первые деньги.

Прямо на сайте висела короткая статья, объяснявшая в двух словах дилетантам вроде меня, не знакомых с обычаями праздника, всю суть.

Короче, стояла на границе двух климатических зон (сухой степи и влажного леса), Богом забытое захолустье, по улицам которого чаще чем люди пробегали утки, а на месте шикарных особняков богачей гадили свиньи.

Однажды, одна легкомысленная пекарша выбежала из дому, оставив тесто подниматься на раскалённом огне. Вообще, никто не знает что с тем огнём случилось, но через считанные минуты пламя охватило весь район. Звучит как красивая сказочка: нелогично и простовато.

Конечно же, в захолустье некому потушить нарастающее со скоростью звука пламя. Девушки, похватавшие вёдра активно выплёскивали воду до тех пор, пока сами не сгорели (на сайте было уточнено: воду несли именно девушки. Мужчины, наверное, бухали.). Весь город в пламени. Разгорелся большой пожар, которому завидовали бы все Лондонские большие пожары вместе взятые. От невзрачных фермерских лачуг остались ещё более невзрачные кучи пепла. От многих людей остались лишь обгоревшие скелеты. Те, кто чудом спасся переехали в соседние захолустья.

И тут в игру вступает он: красивый, богатый и предприимчивый. Супергерой для города: супермен и капитан Америка в одном флаконе. Символ города. Умный и находчивый

американец Дилан Грин. Страничка в Википедии сообщает, что на тот момент он жутко квасил, но официальный сайт отмалчивается. Ясно только то, что у сорокалетнего мужика была жёсткая депрессия, именно из-за этого он кинулся путешествовать по пустынному захолустью.

Дальше на сайте долго и нудно описывают как он был впечатлён местными красотами и ля-ля.

Бесцельно бродя по просторным степям в лесополосах он обнаруживает залежи угля, буквально ногой встав в золотую жилу для девятнадцатого века. И тут начинается **новая** история моего **нового** города. Как на дрожжах он вырастает, превратившись из колхоза в пышную обитель угольных магнатов. На месте пепла как грибы после дождя растут дома, пять-шесть этажей в среднем (кхм-кхм, на тот момент это была высота как для нас Эмпайр-Стейт-Билдинг).

Грин строит себе роскошный пышный особняк на одном из холмов, который по иронии судьбы тоже сгорает (не везёт).

В общем, тридцатого сентября 1916 года город полностью восстал из пепла. Почему празднуют первого сентября мне не известно. Может быть, чтобы сэкономить на школьной линейке отправив учеников на вечерний праздник?

История у города интересная – ничего не скажешь. Теперь, идея праздника – почтить память жителей, жизнь которых унесло бушующее пламя. Нужно вспомнить все деревенские замашки, одеть карнавальные костюмы и в семь ча-

сов выйти на площадь.

Ссылка с историей города уйма. «Дилан Грин – жулик или герой?» – гласил вызывающий заголовок одного желтушного сайта, писавшего бредовые лживые статьи об отношениях Селены Гомез и Бибера.

– Обед! Влад, срочно спускайся пока индейка не остыла! – крикнула мама в тот момент, когда от нажатия на ссылку меня отделял один клик.

За столом, под запеченную индейку, все вопросы сводились к «И как тебе город?», а ответ к «Довольно мило, чвяк-чвяк».

– Кроме пыли за раковиной в гостевой ванне я так ничего и не увидела. По бокалам для шампанского, оставшимся тут после предыдущих жителей, могу предположить что у местных есть вкус.

Мама, прикончив мясистую ножку с жирной хрустящей корочкой поинтересовалась:

– Расскажи, как первый день – она положила кусок мяса обратно на тарелку и улыбнулась – Как новая школа?

– Она супер – в ответ улыбнулся я, забыв про жирные куски индейки забившиеся между зубов – Очень классная – захлопнув рот, языком я попытался достать их.

– А девчонки как, классные? – подмигнула мама ударив мою ногу под столом.

– Девчонки такие же как и школа – просто супер – ложью

это не было, просто предположением. Ведь единственные девочки, на которых я обратил внимание за несколько часов – самоуверенные мажорки и мрачная бунтарка, смахивающая на ведьму.

– Пап, как дела на работе? – сменив тему взглянул я на отца, скучающего и неторопливо жующего тугое бедро птицы. Выглядел он очень уставшим, будто вот-вот уткнется лицом в грязную тарелку и за секунду уснёт. Мрачные мешки под глазами, отстранённое выражение лица – я чувствовал себя виноватым, ведь мои истошные крики пробудили мирно спавших внизу родителей.

Скорее всего, нервный в последнее время отец не смог сомкнуть глаза ближайший час.

– Отлично, сынок – его постоянное обращение ко мне – ласкательное «сынок» – У меня просторный кабинет, окна выходят на густой лес. Есть длинный перерыв на обед, как видишь. Коллектив очень милый.

– А чего им не быть милыми? Ты же теперь босс! – радуясь произнесла мама, гляди, и сейчас захлопает в ладоши.

Она очень уж неожиданная дама. Сидя за обедом она могла в любой момент перевернуть стол и заявить как её достала омерзительная будничность. Могла на манер оперы запеть «бо-о-ос».

Она холерик, и подобные выходки давно стали для нас неувидительными.

Я же говорил: сейчас мама начала читать рэп.

– Босс, е-е, большая шишка, ага.

– Что-то из раннего Эминема? – пытался угадать папа.

– Поздний Канье.

Импровизированный речитатив прервал глоток апельсинового сока. В этот момент, отец не медля решил вывалить на наши головы кипяток. Нуб в переносном смысле. Надо было ставить кавычки...

– Есть одна дилемма. Точнее, личная проблема – я отложил мясо, ожидая продолжения – Где-то в десять часов утра я увидел его целующего девушку – «хорошо хоть не мальчишка» – хмыкнув про себя подумал я – Он расслаблено стоял на лестничной площадке, обнимая её за талию.

– Ты видел её лицо?

– Не рассмотрел. Арсений прикрыл его.

– Может это была Надин?

– Нет, из-за его плечей выглядывали волнистые рыжие локоны.

– Точно не Надин – обрезала мама.

– Мой брат изменяет жене – вдумчиво сказал отец.

– И вы не собираетесь рассказать это Надин? После всех тех выпитых бокалов вина вместе? – я взглянул на маму – После всех часов общения?

– Мы не можем – мямля возразил папа – Только вдумайся, моя зарплата повысилась ровно в четыре раза в сравнении с рыболовной лавкой.

Звучало впечатляюще. Родители не хотели потерять но-

вую должность отца, предпочтя смиренно держать язык за зубами. Карьера бы разрушилась со скоростью «Дженги» из которой достали не ту палочку.

Я подумал за своего брата. Он бы хотел знать правду. Скрыть от него что-то – сродни оскорбить самым грязным словом. Таков его характер: знания обо всех вокруг внедрили ДНК.

Измена отца – огромный удар для каждого члена семьи. Для моего двоюродного брата это стало бы ужасным ударом. Одно неаккуратное слово – и брак родителей разрушен, а вместе с ним и он сам.

Кстати об Андрее. Если бы вы увидели дом, где он живет, со стороны, то раскрыли бы рты ещё не пройдя в вычурные кованые ворота, сделанные на заказ венецианским заводом находящимся на острове Мурано, по соседству со стеклодувными цехами. Поместье – таким гордым словом Андрей называл свой новый дом. Почему он предпочел назвать именно так особняк построенный с нуля? Мрачное дерево, из которого полностью сделан четырёхэтажный монстр архитектуры. Резные узоры, которые можно рассматривать и каждый раз замечать новые детали. Каменные и деревянные скульптуры, по духу близкие к античным шедеврам. Внутри, на тебя то и дело таращатся меланхоличные ангелы, принимают ослепительные позы фигуристые героини греческой мифологии с не прикрытыми пенисами и застыв в пугающих позах,

будто околдованные Горгоной, просят о помощи холодные каменные люди. На четырёх этажах располагались десятки комнат. Сам хозяин не успел обжить и половины. Вот например – громадная ванная с джакузи. Стиль исключительно итальянский, со всеми клише о х представлениях об роскоши. На потолке испуганными глазами вниз пялят ангелочки, над джакузи стоит медный гладиатор. Понятное дело, в этом джакузи никто не купался. Почему? Вы ещё спрашиваете? Ведь оно гостевое! Пусть в этом хлеву купается нижний слой. Для семейства Арсения на третьем этаже есть изысканная ванная с диаметром как у Мексиканского залива.

На нижнем этаже находился «лаунж» с бильярдом, кинотеатром на десять мест, стилизованным под культовое красное кафе из Твин-Пикса и караоке.

Во дворе, где так же везде где не попадя стояли скульптуры, по всему периметру как части рассыпанного бриллиантового колье разливались бассейны: от больших к маленьким и от тёплых до ледяных. Автономно стояло здание бани с панорамными окнами и ещё одним бассейном на крыше. Конюшни, за стенами которых жили лучшие арабские скакуны. Короче, на каждом шагу территории, по которой хозяйва передвигались или на сигвеях или на гольфкарах, находились тысячи отпадных штук. Даже тихое старпёрское озеро с утками. И всё это для, представьте себе, трёх человек! В распоряжении у семьи целый штат домашнего персонала, каждый из которых чувствовал себя как на страже у королевы.

Спали они в комнатах прислуги, напоминающих бюджетные гостиничные номера «Рэдисона», вставали в четыре утра и приступали к работе: начинали делать завтрак и выстригали лужайки с сантиметровой точностью.

В первые дни после переезда Андрей поведал, что когда оставался тут один чувствовал себя странно. Как-будто его оставили одного посреди огромного дворца населённого приведениями. Высокие потолки, тысячи взглядов деревянных и каменных людей, животных и ангелов. Недавно построенный дом казался старейшим поместьем из классических ужасов.

Но это неприятное ощущение прошло, стоило только привести в дом первого гостя. И он понял, что страх заключался в одиночестве. Поэтому сейчас поместье семьи Андрея главное место для молодежных вечеринок города. Они тут регулярно: стоит только Надин и Арсению выехать из города.

Все в моей школе мечтали быть приглашёнными к нему в дом. Для обычных горожан он как кусок невероятной роскоши, скрытый за высокими деревянными заборами. И каждый, кто переходил за их границы испытывал шок: фонтаны, зелёные сады, бассейны, конюшня. Огромный кусок цельного толстого золота посреди лужи тёмной грязи: таким представлялось поместье семьи моего двоюродного брата для всех жителей города.

Сумка из кожи крокодила весила не больше весеннего

тюльпана, ведь в ней находились лишь Айфон и мятная жвачка. Многие в школе любили замечать, что ради сумки Андрея где-то в отдалённой провинции Тайланда погиб крокодил. Ох уж эта чёртова «эко-мода».

Что уж точно – крокодил погиб не зря. Сумка охринительная

Белые кеды от “Vetements” шагали по деревянному паркету к высокой парадной двери. Андрей остановился у высокого зеркала с позолоченной рамой и прошептал. Недостаточно тихо, чтобы другие не услышали:

– Чёрт, ты как всегда прекрасен! – подправил воротник белоснежной рубашки и подмигнул самому себе.

Он выглядел прекрасно в дневном свете, прорывающемся внутрь через громоздкое панорамное окно размером во всю стену.

Андрей бросил на себя последний быстрый взгляд и собрался пойти к выходу.

Резкий грохот. Окно разбилось, разлетевшись мелкими осколками в разные стороны.

Андрей, от неожиданности, ссутулился. Ему показалось словно по дому начали стрелять автоматными очередями.

В гостиную, с грохотом прокатившись по паркету и остановившись у кожаного дивана, влетел крупный камень. К нему скотчем примотан конверт винтажного, искусственно состаренного желтоватого цвета.

Завизжала громкая сирена, способная оглушить пронзи-

тельным визгом даже глухого.

Андрей медленно подходил к камню как к опасной взрывчатке. Присел на корточки и протянул руку к липкому скотчу.

Первым делом в глаза бросалась яркая и вычурная, как узоры на гербе, висевшем над камином, латинская буква “V”. Алая печать в форме буквы прикрывала бумагу конверта.

Он схватил камень, пытавшись оторвать липкий скотч.

Конверт оказался в его руках. Шершавый на ощупь и пахнущий старинными томами. На конверте, кроме яркой печати не было ничего: ни адреса, ни марки, ни почтового индекса.

Андрей встал с корточек, оставив камень лежать на паркете. Сквозь разбитое окно внутрь проник холодный сквозняк.

Письмо напечатано. Отправитель мастерски сохранил анонимность.

«Что общего между популярнейшим красавчиком и диким шакалом, налетающим на жертву и терзающим её своими когтистыми лапами?»

Время вышло. Пришел час заплатить за все грехи.

Что ты мастерски скрыл от общества знаю лишь я. Скоро узнают все.

Не прощаюсь,

Твоя Леди V”

Прочитав до последней точки Андрей смял письмо в дро-

жащих руках. Перед глазами всё ещё стоял пугающий текст. Что она могла знать? Что ещё за Леди V? Кто ею мог быть? Ему вспомнились многочисленные сообщения от пустынных фэйков, созданных лишь для того, чтобы написать ему гадость:

«Мерзкий мудака»

«Когда же ты сдохнешь?!»

«Ты не достоин жизни»

Нет, обычный завистливый прыщавый закомплексованный подросток не стал бы кидать булыжник в окно охраняемого особняка. Это огромный риск. Тот, кто это сделал был настроен решительно и это пугало.

Он положил свёрток в карман узких штанов и осмотрелся по сторонам, боясь что кто-то заметит странное письмо.

Послышались шаги, доносящиеся от лестницы. Закрывая уши, пытаясь спастись от мерзкой сигнализации, к разбитому окну прибежала мама – Надин. Шикарная блондинка, совершенно не выглядящая на 39 прописанные в паспорте. Стоило выйти ей в гламурный бар, доверху забитый молодыми и тощими двадцатилетними стервами, как она забирала на себя всё внимание. Яркие, густые локоны струящиеся по спине. Прокачанная фигура натренированная каждодневными занятиями в личном спортзале; хозяйка не привыкла скрывать её и надевала откровеннейшие платья. Всё это, как вишенка на вкуснейшем малиновом молочном коктейле завершала пышная силиконовая грудь. Не рассказать вам про

неё нельзя, хоть и обсуждать сиськи своей тёти это, скорее всего, не очень круто (они правда сильно торчали).

Кожу перетягивали многочисленные инъекции. Казалось, она всегда всем довольна. Лицо гладкое как у младенца.

– Вот с-у-у-учка – с ненавистью шептали двадцатилетки, видя как всем вниманием мужского пола завладевает женщина старшая их на пару десятков лет.

Но Надин непоколебима. Всем амбициозным банкирам с дачами на Кейп-Коде и виллами у дома Гетсби, всем айтишникам рубящим сотни тысяч долларов каждый день на работе в «Майкрософт», всем нахалам, успевшим закупиться биткоинами в две тысячи девятом – строгое нет. Все её старания исключительно для мужа, ждавшего её дома. И какие бы молодые, богатые и красивые не теряли в её красоте своё сердце, она знала, что навсегда будет принадлежать лишь ему.

Мастерство обаятельно стрелять глазками, метко попадая во внутрь мужского желания выработалось лишь с годами. Если бы вы взглянули на старую пыльную фотографию из богом забытого студенческого альбома, хранящегося за прочным замком и открывшегося лишь один раз для моей мамы, наверняка бы не распознали точёную красоту в простой студентке, заплетавшей сзади густой конский хвост и искренними глазами смотревшей в камеру.

Она стала такой с годами. Сама себя создала по кирпичику, выстроив идеальную пропорцию – фигура:женствен-

ность. За каждодневной работой совсем не видно не самые роскошные и идеальные черты лица, которыми Надин наградила мать природа.

– О Боже мой, что тут случилось? – спросила Надин, быстро осмотрев деревянный пол усыпанный мелкими осколками.

– Кто-то закинул камень нам в окно – дрожащим тоном отметил Андрей. Услышав его, Надин сразу же поняла – сын не на шутку напуган. Она знала повадки Андрея, иногда ведущего себя как тяжёлый организм, разобраться в котором сложнее чем выучить венгерский.

– Наверняка местное хулиганье, всё время ходящее в уродливых тёмных костюмах – пожалала она плечами, искоса поглядывая на сына и пытаясь понять: что его так сильно напугало? – Андрюша, ты хоть не пострадал?

– Со мной всё в порядке, мам.

– Да уж, а я ещё давно говорила Арсению – этот старикан не подходит нам на место охранника! Пора усиливать безопасность дома. Ещё один камень в наше окно и разваливающейся пенсионер вылетит отсюда со скоростью колибри.

Словно фантом, над матерью и сыном нависла горничная, молча вслушиваясь в предположения. Родившаяся в китайском Тайбэе, она рушила все стереотипы характерные для китайцев. Умная и хитрая как чистокровная европейская стерва, как интриганка с королевского двора. Могла подслушать любой разговор богатейшей семьи города и купалась

в их скандалах как в прохладном Тайваньском озере. Узкими глазами она внимательно всматривалась в жизнь каждого члена семьи, умея незаметно подбирать факты о бизнесе и деньгах.

Такие как она, обычно, не работают в сфере услуги. Такие как она сами собирают вокруг себя прислугу и умело ею распоряжаются.

Наклонившись она взяла стекло в руки и сжала осколок в маленькой ладошке.

– Я видела-а-а тако-э в дэ-э-э-тективах – протягивая гласные вмешалась она. Уровень её речи, для родившийся в азиатской стране женщины, весьма неплох, хоть и содержит режущий слух китайский акцент – Обычно та-а-ам к ка-а-ам-ням привя-я-язывают записки с угрозами.

Андрей мимолётом взглянул в узкие глаза чересчур много знающей горничной, сжавшей ладонь в кулак. «Может быть ты з-а-а-аткнёшься?» – про себя кинул он. Карман с загадочным письмом загорелся огнём.

Надин ничего не ответила, смотря на размышляющую горничную.

– Настора-а-вживает то – отметила она – Что тому, кто это сделал-ь потребовалось бы перелезть через высоче-е-е-еный забор, чтобы закинуть камень. Кто-то я-я-я-явно настроен решительно. Я-я-я не думаю что это хулиганы – «Оставь свои гипотезы при себе» – фырча думал Андрей. Он никогда не отказывал себе в высокомерном общении с обслуживающей, кружа-

щей вокруг него как мотыльки. Хамство в их адрес как-то слышал отец и заткнул рот сыну на долгое время. С тех пор хамское общение всплывает лишь в мыслях Андрея – Я-я-я думаю вы можете посмотреть кто это сделал по каме-е-ерам – уборщица выглянула через большую дырку в окне и взглянула на мигавший в дворе красный фонарик. Видеокамеры на территории поместья стояли на каждых четырёх квадратных метрах.

– У меня совсем на это нет времени – бросила Надин, сощурившись от вида ладони китайки, до сих пор не прекращавшей сжимать острый осколок. Возможно боль её фетиш – А вот тебе, Андрюша, не помешало бы посмотреть.

– Хорошо, мам – опустив глаза в пол согласился он. «А вот и последний звоночек» – подумала Надин, взглянув на поникший взгляд сына. Он никогда не пялил вниз. Тут твориться что-то неладное. Он о чём-то умалчивает.

Записка так и осталась лежать в кармане штанов, смявшись и слегка порвавшись сбоку. Выбежав из дому, он достал свёрток и взглянул на него ещё раз: «Леди V».

– Леди V – шёпотом проговорил Андрей, просматривая напечатанные словечки мирно стоявшие в аккуратном ряду.

Автобус заполненный людьми жутко трясся и не давал просмотреть ленту Инстаграмма.

Шины общественного транспорта не оставляли без внимания ни один камешек на мостовой, по которой набрав ско-

рость ехал жёлтый бус.

Меня сдавили со всех сторон местные, предчувствовавшие атмосферу настоящего праздника. Неловкая женщина наступила каблуком мне на кед, оставив на белых шнурках тёмный след.

Из её уст даже и не вышло неловкого «Извините». Она растеряно смотрела по сторонам на окруживших её пассажиров.

Единственный рейсовый маршрут города переполнен – все спешили попасть в центр города на автобусе отправлявшимся именно в 18:30. Ведь ходил он каждые пол часа, а приехать на час раньше или в аккурат на начало никому не хотелось.

Никогда не любил общественный транспорт. В мой нос всегда доносятся ароматы каждого человеческого тела, стоящего рядом.

Устойчивый перегар. Усатый мужчина, не замолкая тараторивший со своим другом сзади, явно перебрал отмечая важную городскую дату.

Крепкий запах кофе. Девчонка, пытавшаяся читать электронную книгу на смартфоне выглядела уставшей, будто перепив кофеина она садится читать каждую ночь.

Запах чеснока. Противный запах чеснока доносился от человека, чьё лицо я не мог рассмотреть.

Вокруг витала дикая мешанина аромата чужих тел. Пот, скатывавшийся по чему-то лбу. Сладкие стойкие женские

духи, от которых начинала кружиться голова. И опять чеснок. Омерзительно.

Нарыв в кармане телефон я сунул наушники в свои уши и быстро включил тот самый подкаст. Названия я не запомнил. А кто вообще запоминает названия подкастов?

Сказать, что я в восторге от подобного формата – не скажешь. Я просто закрыл глаза и пытаюсь отвлечься вслушиваясь в главный голос города.

«Время принимать ваши звонки, дорогие слушатели. «Что для тебя значит наш город?» – актуальный вопрос перед Днём Возрождения» – звучным дикторским тоном спрашивал ведущий. По его голосу можно представить аккуратного зализанного мужчину в чёрном строгом пальто и тёмной дорогой шляпе. Некий образ Фрэнка Синатры, у местного ведущего подкаста с ним схож даже тембр. Добропорядочный джентельмен. С подобным талантом говорить его ждали бы лучшие каналы страны на роль ведущего позднего шоу. Был бы соседом по студии Стивена Колберта или Джимми Кайбела.

Может быть, дело в том что он чёрный? Почему никто не замечает этого расизма вечерних шоу? Почему одни белые мужики и Эллен?

В записи началась череда однотипных звонков от жителей, в основном в возрасте. Несколько однотипных кричащих голосов резали уши.

Я отключился и почти не слушал, смотря в окно и наблю-

дая за пейзажами мрачного центра города. Но один звонок всё же смог привлечь внимание:

– Итак, наш следующий звонок... Хм, как интересно... Анонимный номер! – мужчина всегда говорил бодро – Здравствуйте! Что для Вас значит наш город?

В ответ он не услышал ничего, лишь странное противное шипение с обратной стороны.

– Вы меня слышите?

Неожиданно я услышал тихий хриплый голос старой женщины:

– Ты хочешь узнать что для меня значит город?

– Ну, судя по звонку, скорее, вы хотите мне рассказать.

– Ну что же... – старуха говорила с большими паузами – Для меня этот город -высокомерные позорные выродки богатенького слоя, на руках которых лежит ни одна капля крови! Они скоро за всё это жестоко расплатятся. Помни город, ты мне ещё скажешь спасибо. Скоро вы ВСЕ скажите спасибо благородной ЛЕДИ V!

Сигнал прервался. Подкаст закончен. Видимо внука старухи обидели местные мажоры, и та решила напугать всех жутким звонком. На тот момент я не придал ему должного внимания...

– Мам, когда мы наконец выйдем? – Давид развалился на диване и ждал мать. Она носилась по спальне и наводила марафет перед крупным праздником. Он ослабил пряжку рем-

ня, сдавившую его торчащий живот. Сегодня на нём тёмные джинсы, в которых он привык ходить на молитву.

В тесной квартире на четвёртом этаже построенного из камня дома всегда чертовски жарко. Пот полностью намочил белую воскресную рубашку и теперь грудь с животом Давида просвечивали насквозь. Подмышками образовались тёмные мокрые круги.

Он пытался хоть как-то охладиться, махая перед собой свежим выпуском журнала для еврейской диаспоры.

– Ты можешь поднимать свою задницу и идти! Встретимся на площади через пятнадцать минут – обрезала строгая загорелая мать (загар не сошёл с времён отпуска в Эйлате. Тогда она обгорела и оставшуюся неделю не выходила на пляж, усердно делая вид ударившейся в религию святошу. Целыми днями читала Тору и заказала самую дорогую паломническую экскурсию в Иерусалим), выглянув из комнаты.

Давид молча встал с дивана и пошёл к двери, вытирая пот со лба рукавом и без того влажной рубашки.

Его квартира обставлена полностью в аскетичном минимализме так, чтобы ничего не мешало уходить в религию и общение с Богом. Все выходные он проводил тут, сидя на коленях и читая Тору.

Его жизнь никогда не выделялась яркими красками и иногда окрашивала стандартный серый цвет в удручающе чёрную полосу.

Шутка, которую провернула компания мажоров-выскочек над ним в прошлом году разбила его жизнь по швам, разломав на две части «до» и «после». И в одной, и в другой он чувствовал себя брошенным аутсайдером, у которого была лишь одна стоящая вещь в жизни: толстая тора, чтению которой он посвящал часы.

Загруженное 21 апреля 2018 года видео на ютуб превратило его из обычного толстого задрота в толстого задрота-посмешища для двух миллионов просмотревших. Все они, идя по улице не уставали напоминать о снятых на новый «Ай-Фон» кадрах, в которых Давид безудержно танцует на тонком деревянном столе, потом резко падает вниз и бьется об острый угол. Синяк остался и по сей день. Красный, на левом бедре.

Его стали узнавать. Даже пригласили на одно шоу главного канала, в качестве показательной «жертвы галлюциногенных препаратов».

Он стал несмываемым позором для одинокой матери. Ей видеть сына угашенным среди хохочущей толпы малюток казалось самым огромным грехом сего мира.

Отношения с отпрыском изменились с того дня. Она знала, что кто-то подмешал ему быстродействующий препарат в апельсиновый сок. Она знала, что её сын никогда бы не попробовал подобное. Но не могла, просто не могла пересилить себя общаться как раньше.

До ушей Давида донёсся весёлый звонкий смех идущей

мимо дома молодёжи. Они шли на праздник, радуясь каждому дню своей молодости. Он бы тоже хотел быть как они, не считая дни до того как это всё закончится.

Тёмный подъезд многоквартирного дома освещала лишь маленькая слабая лампочка, висевшая у лифта. Дневной свет сюда никогда не проникал. Возникало чувство страха, неутолимое желание быстро добежать до лифта и нажать кнопку.

Давид неторопливо, перебирая с ноги на ногу подошёл к закрытым дверям узкого лифта, изуродованным небрежной каракулей сатанинской звезды. Его мама уже три раза пыталась смыть это «непотребство» и «осквернение чувств верующих», но ничего не вышло. Она все равно продолжила бросаться в глаза тёмными жирными линиями.

Нажав на кнопку он ждал. Две минуты. Три. Пять. Обычно лифт ездил издавая ужасный шумный грохот, который слышно даже мирно сидевшим в тесных квартирах семьям.

– Вот чёрт! – разнервничавшись от осознания того что сегодня придётся тащиться пешком Давид ударил кулаком по не открывавшейся двери.

Вытерев пот с лица он приготовился к тяжкому испытанию, взглянув на тёмную лестницу.

Четыре этажа. Целых четыре этажа для человека весившего девяносто килограмм казались высотой Эмпайр-Стэйт-Билдинг. Нереальное количество ступеней, не заканчиваясь ведущих вниз. Удручающая лестница, обмотавшая своим однообразным чередом шахту затихшего лифта.

Ступенька за ступенькой, Давид спускался вниз рассматривая мрачные рисунки и ники Телеграмм-аккаунтов, зайдя в которые можно заказать дешёвые наркотики. Обычно, там их заказывают скучающие восьмиклассники, отчаянно желающие выделиться в компании. Самый быстрый способ. И самый, к слову, опасный – Давид не раз слышал о «Tide», заменяющим кокаин.

Давид схватился за сердце, пройдя первый этаж и устремив взгляд вперёд, на отдалённую лестничную площадку освещаемую лучами, проникавшими сквозь узенькое окно в стене.

– Покайся в своих грехах! – каждый раз, когда он напрягся в ушах звучал голос опустошённой матери, прикрывающей лицо святой книгой. Сразу после случившегося на вечеринке она не прекращая заставляла сына просить прощения перед Господом.

– Но мне не за что просить прощения! – растеряно отвечал выписанный из больницы Давид.

Ступенька за ступенькой он преодолевал дистанцию до маленького окошка и смотрел вперёд. На рубашку продолжал ручьём стекать пот.

– Молись! – завопила мама, подбежав к нему и схватив за волосы – Я сказала молиться, малолетнее испорченное отродье! – он не знал что делать, смотря в глаза обезумевшей матери и пытаясь вырваться из крепкой хватки.

Ему становилось все жарче. Тут не достаточно свежего воздуха.

Наконец, она отпустила его. В руках матери остался густой клочок волос. Передёрнувшись, она отбросила клок в сторону.

Давид облокотился локтем об стену, пытаясь отдышаться. Среди темноты лестничной площадки, которую не в силах были осветить редкие проникшие внутрь дома лучи, слышались тихие женские всхлипывания.словно внизу, сидя на лестнице плакала женщина, всхлипывая всё громче и громче.

Давид смотря перед собой зашёл в начавшуюся после солнечного света тьму. Она поглотила его с головой, окружив со всех сторон. Стало жарче. Она давила на него, зажимала между узких обшарпанных стен.

На его висках вылезли две почти симметричные вены и ритмично пульсировали.

– Нет мама! – прозвучал его же голос. Ту ночь он никогда не забудет.

– Впусти меня! – плача кричала мама, вырывая дверную ручку ванной. Он прижался спиной к стиральной машинке. Она работала и заглушавшей истеричные вопли матери. Кромешная тьма. Лишь мигающий оранжевый фонарик светящийся над барабаном включённой машины.

Плачь женщины стал совсем громким. Она рыдала, не

скрывая чувств.

Давид представил перед собой портрет пожилой вдовы, рассеявшейся на твёрдой лестнице и смотрящей в темноту. В ней ей представляя мутный портрет мёртвого мужа.

Она вытирала слёзы со сморщенных щёк белым платком, на котором крестиком вышиты красные маки.

– Впусти меня!!! – рыдала мать и со всей силы била в двери ванной ногами, будто это должно было помочь. Ни черта не помогло. Он просидел прижавшись к стиральной машинке всю ночь. Сейчас её вибрация волной прокатилась по телу.

Сквозь тьму прорисовался силуэт. Ссутулившись, на ступеньке сидела дама смешавшаяся с тьмой. Она была одета в чёрное. Тёмный плащ освещал проникший во тьму луч, влетевший через маленькое окно.

Подперев голову руками, она безудержно рыдала и всхлипывала всё громче.

Звук плача волной прокатывался по всему дому. Давид, подойдя ближе к женщине тихо спросил:

– Вам нужна помощь? – он пытался заглянуть за спину, увидев лицо незнакомки.

– Мне? Помощь? – ответил хриплый голос, по которому можно было предположить, что сидевшей перед ним не меньше семидесяти. Самая настоящая старушка, ему так хотелось ей помочь.

– Из-за чего вы плачете?

– Плачу? – упрямо переспросила она – Моя мать избивала меня в детстве, заставляя молиться. Я пряталась от неё в ванной. Ох уж эти неприятные воспоминания...

Давид вздрогнул, увеличившись в раза три глазами взглянув на незнакомку. Воспоминания в его голове становились громче. Крик матери казался нестерпимым.

Старуха выпрямила спину и резко обернулась. От вида её лица Давид спотыкнулся о ступень, находившуюся сзади.

Ярко-белая деревянная маска полностью скрыла физиономию. Она была будто украдена из японского театра кабуки, с разницей в том, что на ней изображалась европейская внешность. Сморщенная старуха, лицо растянато в жуткой неестественной улыбке как от фильтра в снэпчат.

Она и составляла пугающий образ. Она бросала в дрожь карикатурным искажением обыкновенной улыбки.

Жуткую белую маску осветили прорвавшиеся внутрь лучи. Она заблестела в них, подчёркивая белизну.

Улыбающаяся старуха, точнее тот, кто скрывался под этой маской, привстала, наблюдая за реакцией мальчика.

Поскользнувшись, он упал на острую лестницу и больно ударился позвонком. Не в силах встать, Давид наблюдал за медленно подходящей к нему незнакомкой. Он хотел закричать, но был очарован мистическим силуэтом, вставшим на соседнюю ступень. Наклонившись, он тёмной перчаткой прикоснулся к мокрому лицу мальчика.

Она ласково погладила его свисающие вниз щеки, держа

правую руку за спиной.

– Т-ш-ш – тихо шикнула она и поднесла палец к алым губам маски.

Давид в упор смотрел в тёмные глаза старухи, пытаясь разгадать, кто стоит перед ним. Тщетно. Толстое дерево скрыло за собой личность и оставила её неизвестной.

Резкая боль. Давид почувствовал как острый нож устремился в живот. Ещё раз. Потом ещё раз.

Он опустил взгляд на тело, в ужасе смотря на окровавленную рубашку.

Из уст вылилась свежая кровь и окрасила маску старушки в алый цвет. Капли стекли по белоснежному дереву обратно на воскресную рубашку, которую ранее Давид одевал лишь на воскресные походы в церковь.

Упав на лестницу, он ударился головой об острый выступ и закрыл глаза. А таинственный силуэт продолжал заполнять всю темноту звучным:

– Т-Ш-Ш-Ш! – и расплывался в циничной улыбке оглядывая кровавые реки, потекшие по ступеням вниз.

Ступая по аккуратно выложенной красной мостовой я с интересом осматривал центр города.

Умеренное вечернее солнце медленно переставало греть и давало осени скрыть голубое небо за воздушными тёмно-синими облаками, отдалённо напоминающими тучи. Солнечный свет залил приторную площадь. Её окружала красная

мостовая, цветом напоминающая вино. Посреди уютно располагался зелёный островок, клочок зелени посреди череды невысоких кирпичных домов. Пышные каштаны свысока смотрели на толкающуюся толпу, готовившуюся к празднику.

На просторной площади располагался ювелирный магазин, в котором жителям втирали дешёвое стекло под видом бриллиантов, единственный МакДональдс в городе, у которого вечно кучковались любители бургеров и скромный банк, затесавшийся среди мелких магазинов одежды, построенных специально для понаехавших сюда богачей. По иронии судьбы они, в основном, простаивали пустыми и ожидали местный бомонд. А он, в то время, обновлял гардероб в лучших бутиках Милана.

По другую сторону стояла высокая деревянная ратуша, из неприветливого фасада которой стройно торчала высокая часовня. Каждый час колокола внутри громко звенели, создавая иллюзию средневекового французского городка. На главном входе в ратушу, где проходили городские конференции и собрания совета, висела массивная позолоченная табличка «Спроектировано Диланом Грином». На ней искрилась содранная с его портрета равнодушная физиономия. Тут из этой равнодушной физиономии сделали настоящий бренд, пихая куда не попадя: брелки, магниты, кружки и даже игральные карты. Их никто никогда не покупал, всё оставалось пылиться на прилавках.

Но главной на этой площади была вовсе не мрачная ра-туша. И не МакДональдс, как может показаться на первый взгляд. Огромная белая церковь, нависшая над всеми величественными и обрывистыми стенами. Она составляла особенную ценность для религиозных жителей. Ведь каждое воскресенье все как один ходили на проповеди. Они считали местным героем священника Ростислава, а тот улыбался и продолжал давать наставления каждому желающему. В своём церковном тёмном одеянии он часто гулял по городу. Его то и дело замечали покупающего хлеб в супермаркете или неторопливо гуляющего по местному парку на окраине.

Три золотых купала отбили свет солнца и ослепили мои глаза.

– Единственное красивое здание тут – сучая пробормотал Макс, указав на церковь. И правда, масштабность захватывала дух. На фоне высочайших стен, летающие мимо пожелтевшие листья казались мелкими каплями дождя.

По красной мостовой тут и там расставлены крупные тыквы как символ наступившей осени.

Смысл праздника в почтении традиций людей, жутко погибших во время большого пожара: выстукивая копытами такт мимо меня то и дело неторопливо проходили измученные лошади, смотря тёмными напуганными глазками в самую душу. Сзади, прицепившись к уставшей спине животного, катились пафосные царские кареты, украшенные вычурными узорами. С разницей в десятку долларов сзади та-

щились такие же, только без всей вырывающей глаз мишуры.

То и дело встречались люди, одетые в старомодные костюмы. Они устроили настоящий Хэллоуин из почтения памяти. Сбоку стояла стройная леди в невероятно широкой шляпе, прикрывающей её лицо. Обычная девушка регенерировала в розовый раздутый мухомор. За ней волоклись потные и сучающие дети, ненавидящие каждого вокруг. У магазина «GAP» улыбаясь и махая рукой каждому стоял мужчина в грязном фартуке. Он изображал, видимо, кузнеца. Может быть забыл помыться.

Измазанная искусственной грязью женщина в возрасте стояла недалеко от него, поднимая окровавленный нож над кусками сырого мяса, неаккуратно выложенного на деревянном столе. Жена мясника.

Среди стогов высыпанного как попало сена веселились малыши, ныряя с головой в диковинный атрибут фермерской жизни. Сено валялось в самых неожиданных местах, прохожих то и дело на него наступали.

Основная массовка собиралась у построенной специально для праздника из железных палок сцены, стоявшей напротив главного входа в ратушу. Над ней нависала часовня, ровно в семь часов громко забив в колокола.

Звон заложил уши. Она сообщала о наступлении нового часа чересчур громко. И впрямь, этот звон будто переносил каждого стоявшего на площади в давние времена. Я не уверен, что в девятнадцатом веке в захолустье, почти полностью

обжитым фермерами и усеянным глубокими лужами, в которых визжа купались свиньи, стояли вычурные изысканные часы.

Макс взял на себя ответственность проводника и не обнаружив у назначенного места Андрея (им служил магазин нижнего белья, зажатый в узком проулке. Перед ним стояла гора мусора, разносившаяся в разные стороны ароматом разлагающихся на солнце отходов), потащил меня к самой сцене. Цель – занять места поближе. Расталкивая всех людей на пути и сыпя в разные стороны отработанные «Извините», «Я не хотел наступить на вашу ногу» или «Я такой неловкий» мы пробивались ближе.

На сцене зажегся первый фиолетовый прожектор и осветил удручающую пустоту.

К площади незаметно подкрались сумерки и неожиданно окутали весёлую толпу. За минуты она поглотила в мрак всё вокруг: от белоснежной церкви и до твёрдых желтоватых тыкв. Она как бы намекала халтурным организаторам: «На сайте написано что начало в семь вечера, а вы передерживаете простецкое городское празднование на пятнадцать минут, будто на сцену сейчас выбежит Леди Гага».

Андрей так и не появился. Он ответственно пригласил меня послушать его речь и чертовски сильно опоздал. Это похоже на него: переменчиво и странно.

Я набрал ему и довольствовался долгими продолжительными гудками. Потом, оператор с голосом робота из терми-

натора сообщила мне, что абонент не может ответить на звонок.

Положив телефон обратно в карман я сразу же отвлёкся на заигравшую фоновую музыку и моментально позабыл о брате.

Вокруг за считанные секунды образовалась нескончаемая толпа людей, жаждающая начала. Они громко свистели и кричали. Люди как люди. Разные слои населения, все как один, представляли типичных провинциалов: весёлые подростки, в стиле одеваться запоздавшие на года полтора. Милые маленькие дети с недомытыми головами, сидевшие на спинах уставших отцов с неутоленной щетиной, гордо представляющих строгий средний класс. Рядом стояли улыбчивые и приветливые мамыши, стремившиеся быть во всем идеалами.

Пенсионеров в этой мешанине также достаточно: бабушки тут делились на два типа: первый – ворчливые старухи в экстравагантных нарядах, которым позавидовала бы сама Донателла Версаче. Этот тип не пропускал ни одного проходящего мимо представителя молодёжи и стремился сделать громкое замечание. Зачастую не получалось. Таких как они по площади стояли десятки и создавали стойкий гул как от роя пчёл. Второй – довольные упитанные бабули. Они держали внучков за ручки и рассказывали увлекательные истории об ушедших годах. В их разговорах перемешивалось многое: тоска по яркому блеску двадцатого века, любовь к многочисленным кошкам и злоба к зятьям. О да, стоило им

только заикнуться о лентяе-алкоголике муже дочурки, как милые старушки второго типа превращались в ворчливый первый.

Дедушки были, но мастерски скрывались за спинами жён. Чересчур спокойные чтобы кричать на подростков. Им не нужны были сплетни и скандалы, просто дайте спокойно дожить.

Среди общества города чёрной кляксой по толпе растеклись юноши одетые в чёрное. Могло показаться, что каждый из них собирался на похороны и оделся в самое траурное. Но это только на первый мимолётный взгляд. Если присмотреться к их одеяниям, на груди можно заметить вышитые белые буквы «Адидас». Все как один, они одеты в спортивные костюмы этого бренда. словно бодигарды одного и того же крупного нефтяника.

Может быть, рядом шейх расхаживает?

Компания, пугающая своим дресс-кодом, громко хохотала. Иногда в их узком кругу завязывались драки. Они создавали толкучку передающуюся дальше по толпе, к самой сцене.

– Кто они? – удивлённо спросил я у Макса. Он уловил мой взгляд и сразу понял о ком зашла речь.

– Толпа идиотов – не думая выдал он – Идиотов, которых связывает общий интерес бестолкового просирания жизни.

Пробиваясь через толпу я увидел белые волосы Каролины, покрасневшей от давления окружающих:

– Вот вы где! – с лёгкой злобой в голосе обратилась она к нам – Максик, я набирала тебе пару сотен раз и ожидала что ты мило, как примерный бойфренд, встретишь меня у того пропахшего мусором магазина нижнего белья – женственный высокий голос перешел на повышенные тона, не утаившие разочарования – Я прождала тебя целую вечность пока ты просто втыкал в толпе.

– Извиняюсь – улыбнулся Макс. Положив руку на тонкую талию подруги он со всех сил прижал её к себе и прикоснулся носом к мягкой щеке.

– Ты не закончил рассказ о них – обратился я к нему в тот момент, когда он прислонил сухие губы к уху девушки, слегка прикрываемому волнистыми прядями.

– Нечего рассказывать. Обычные хулиганы, в которых проявляется доля садизма и энэрговампиризма.

За Каролиной притащилась Алина, с брезгливостью расталкивая локтями стоявших рядом студентов. Её лицо украшал, или возможно портил, вызывающий макияж. Я, как человек не разбирающийся в этом (пф, не удивительно) сразу обратил внимание на цветную, как радуга, область вокруг глаза. Тональный крем делал кожу ещё тёмнее. Выглядела она как эмигрантка из Доминиканы, хоть и никакого отношения к Карибам не имела. На ней чёрное кружевное платье, целиком описывающее всё противоречивое впечатление от компании моего брата: вроде бы сдержанно, классически и элегантно, но в то же время кружева обнажали загорелое те-

ло. Как бы правильно выразиться? Слишком обнажали. Так сильно, что Али выглядела как нимфетка (хэй, Набоков!), возомнившая из себя роковую и страстную девушку.

Высокие шпильки, усыпанные чёрными стразами, добавляли ей сантиметров пять в росте.

Ехидные дерзкие глаза быстро перебежали с одного человека на другого и сканировали окружающих. Казалось, в её глазах встроен рентген и камера ночного видения.

Сначала она мило помахала мне, потом я почувствовал, как резкий взгляд просверливает во мне дыру:

«Ага, Влад. Узкие джинсы, купленные где-нибудь в «Zara». Тёмная скромная футболка, с которой не свисают прилипшие омерзительные волосы. Тут одно из двух: или у него нет домашних животных, или он чересчур опрятен (значит гей). Склоняюсь к первому, так как сейчас этот подонок прямиком глазеет на мои сиськи. Я бы ему расцарапала морду, если бы он не был братом моего парня, или если бы мой маникюр не был таким свежим.

Забывает побриться: над верхней губой торчат мерзкие тёмные волоски. Моно-брови нет, при этом видно что брови не выщипанные».

Далее она стрельнула взглядом на разговаривавшего со своими друзьями молодого парня, стоявшего рядом:

«Голова сальная. Кофта вся в кетчупе, любит давиться картошкой фри. Скорее всего, не может позволить себе нормальную еду на мизерную стипендию.

На зубах железные брекеты, из-под которых выглядывают мерзкие остатки еды. Неопрятный. Вонь из его противного рта доносится до меня даже когда он стоит спиной. Иу, я сейчас блевану ему на сальную бошку. Может, хоть после этого он её помое!»

После ненавязчивого оценивания она опять перевела взгляд на нас, улыбнулась и попыталась поддержать разговор:

– Вы за кого? – влезла Алина

– За наших «Адидасов»

– Он прав, рассказывать нечего. Ополоумевшие подонки, думающие что одинаковыми костюмами они выглядят пугающее – она показательно скривилась, бросив быстрый взгляд на виднеющиеся вдали чёрные спины.

– Хочешь узнать, как сделать так, чтобы тебя возненавидел КАЖДЫЙ в этом городе – спроси у них – иронично посоветовал Макс – Они любят издевательства, живут ими: обижают детишек, унижают стариков исписывая их дома, и достают кучу хлопот взрослым.

– И почему они ещё здесь? Стоят посреди толпы и смеются как не в чём ни бывало? – удивлённо спросил я.

– То есть, почему они ещё не наказанны?

Я кивнул, смотря на то как один из парней в чёрном подхватил на плечи другого при этом прыгая и смеясь. Над толпой возвысился лысый парень, смех которого прекратился после одной сдержанной улыбки. Он осматривал всех окру-

жающих водянистыми, загадочными глазами. Лицо его идеально гладкое, без единой щетинки или волосинки, а голова, как зеркало, отбивает последние солнечные лучи.

Огромные серые глаза остановились на мне.

Уверенность. Нахальность. Показательная дерзость – это всё чувствовалось в одном лишь взгляде. Холод. Сдержанность. Зжатость перед окружающими – нарочитая опасность была лишь натянутым образом. Грусть. Печаль. Тоска – он несчастлив. Всё это моментально всплыло, как только мы столкнулись глазами и смотрели друг на друга от силы секунду. Дальше его друг продолжил прыгать и повернул загадочную персону спиной ко мне.

– Скажи спасибо вон тому лысому – Макс нахально указал пальцем на парня, привлёкшего моё внимание – Его отец шериф.

– Подобие шерифа – возразила Каролина.

– Даже не подобие, а жалкий алкаш, делающий вид активного патруля города. На самом деле вместо работы он выпивает дешёвую водку с горла и трахает проституток на заднем сидении – едко выразилась Алина.

– Именно он покрывает каждого из друзей своего сына – смотря на парня объяснил Макс – Думаю, даже если бы они устроили массовое изнасилование, то были бы оправданы .

– Кто знает, может уже устраивали – добавила Каролина, на что Макс в ответ кивнул.

– Как его зовут? – спросил я, не отрывая взгляда от под-

прыгивающего над головами окружающих незнакомца.

– Валентин – сухо обрезал Макс.

«Валентин» – это имя пронеслось в моих ушах, как только парень развернулся ко мне лицом и быстро заглянул в глаза. По моему телу пробежал холод. Его взгляд напоминал глаза безумного убийцы, сидящего на электрическом стуле.

Кается, а ничего поделывать со своим жестоким верным нутром не может.

Неописуемое чувство.

Хоть Макс и создал на первый взгляд образ «тупого качка», в нем была искренность и простота. Это вызывало доверие.

Следует заметить справедливости ради – простота в умеренных количествах. Конечно, она чётко выделялась в заносчивой компании как яркий свет маяка, прорывающего смог нависший над океаном. Стоило ему отойти от них на расстояние в несколько шагов и завеса срывалась. Во всём чувствовалось что этот парниша «не так уж и прост» – умный хитрый взгляд сильнее бросался в глаза при отсутствии ещё более хитроумных взглядов.

Тем временем за сценой я увидел Сабину. Она вновь стала объектом обсуждений моей компании (великая честь). В руках держала красную гитару и без переживаний глядела на публику. Рядом с ней стояли две накрашенных как готы девицы. Одна африканка с намешенными генами: тёмный цвет

кожи и волнистые волосы. Вторая бледная блондинка с двумя дульками на голове. Блондинка на синтезаторе, а африканка на барабанной установке. Девчонки разогревались за кулисами. Видимо, сегодня они выступят на концерте.

«— Бездарная идиотская инди-группа, как же они достали!» – то и дело в голове всплывал с десяток злобных реплик моих новых «друзей». Конечно же, я не собираюсь их запоминать в доскональной точности. Нужны ли друзья, так ярко обожающие выливать грязь на головы окружающих? Тем более, я прекрасно знаком с чувством, когда грязь выливают на мою голову.

Или затесаться в неприступной шайке оптимальный вариант?

Народу становилось все больше и больше. Я осматривался по сторонам, разглядывал центр города и вдыхал свежий осенний ветерок, начавший пахнуть сырой землёй и влагой. Я пришёл в достаточно тонкой рубашке и понял, что нужно было принести с собой куртку. Моя рваная джинсовка подошла бы идеально, ведь на улице становилось всё холоднее и холоднее. Где же носит Андрея, ему же предстоит такая важная речь!

Макс грубо указал пальцем на родителей Адрианны, пробирающихся мимо толпы к первому ряду. Никто из присутствующих не возражал. Все расходились и с жалостью смотрели на оставшихся без единственной дочери молодых родителей. Каждый решал обязательно высказать соболезнова-

ния.

Эта пара прошла мимо меня под звучное «Мне так жаль», высказанное приятной дамой средних лет одетой в старомодный розовый костюм. Она стояла рядом и противно пахла дешёвым магазином парфюмерии.

Мать, одетая в тёмный жакет, окидывала всех фальшивым взглядом «скорбящей». Выглядела она как прагматичная барышня, сутками не выходившая из серого здания офиса. Строга как кожаная сумка из магазина «Hermès», доверху забитая документами. Вылитая лондонская леди, пьющая чай в пять часов дня на верхнем этаже «The Shard», и любящая затариваться в «Harry's». За собой мамаша вела растерянного мужа, ни капли не напоминающего лондонского денди. Видно было, что семейка держится на плаву за счёт уверенной в себе волевой дамы а не зажатого хлюпика, тянущегося как ненужная ноша позади.

Мама Адрианы изо всех сил пыталась подавить излишнюю уверенность. Она даже специально ссутулилась, весьма коряво и не убедительно. За десятком ответов на сотню сожалеющих комментариев будто бы ничего и не скрывалось. «Всё в порядке, спасибо» или «Мне уже лучше» – шаблонные фразы, казалось, целиком правдивы. У неё всё в порядке, это заметно.

Отец Адрианы испуганно огляделся на крикливую толпу и приветливо кивнул Никите. Надо же: как можно заметить столь серое и невзрачное создание среди сотен громких лю-

дей?

Вообще, из компании он мне не нравился больше всего. Я понимаю, что месяц назад погибла его подруга, но в нём есть что-то двуличное, неприятное. Словно за своим натянутым грустным образом он скрывал что-то чертовски важное, неположенное знать обычным простолюдином.

Скрытный. Скорее всего, ощущал себя невероятно хитрым и продуманным, довольствовался собой и не понимал, что нарочитую хитрость видно ясно написанной на бледном лице.

Это чувство нельзя описать словами. Бывают такие люди при виде которых понимаешь, что потом они станут настоящей проблемой. Зжатость, прицепом тянущая за собой неискренность, удручает. Даже их взгляд кажется недоброжелательным. Хотя, скорее всего, он и есть недоброжелательный. Хитрый. Подлый. А когда в твои уши залетает тихий мямлящий тон, кричащий «Пожалей меня, пожалуйста!», и вовсе хочется пнуть этого человека со всей силы.

Скорее всего, я аморален. И пускай. Этот скрытный тип с глазами умирающей дворняги вызывает бурю противоречивых эмоций.

Скорбь? Не думаю. Желание сделать так, чтобы окружающие начали относиться к тебе как к несчастному мальчику? Скорее всего.

Всем своим видом он показывал насколько ему хреново, как актёр отыгрывающий дешёвый бульварный спектакль.

Нарочитые вздохи, томные закатывания глаз и показательные уходы со столовой – всё это смотрелось как неумелая игра. Даже его компания друзей, скорее всего, висла на волоске от срыва. Они бы с удовольствием выкинули бледного скорбящего, но вот заедающие человечные принципы не позволяли.

Самое большое проявление бесхарактерности – навязывание остальным своего душевного состояния. Самое большое проявление человеческой силы и характера, в свою очередь – даже когда дела идут хреновей некуда, некому и никогда этого не показать. Задрать нос гордо идти. Это сила. Вот это – настоящий стержень.

У бледного паренька он отсутствовал напрочь. Без него он расплывшаяся лужа грусти.

Никита боялся заглядывать в глаза напрямик. Видимо, боялся что его игру раскусят более умные люди.

Он полностью отстранён от всего происходящего, но при этом пытается незаметно втиснуться в любой разговор и подслушать чужие сплетни.

Хотя, может быть, с ним стоило пообщаться и потом делать поспешные выводы?

Криво улыбнувшись отцу погибшей он устремил взгляд на пустовавшую сцену. На ней крупными жёлтыми буквами надпись напоминала о важности сегодняшнего дня. «День Осеннего Возрождения» – гласил висевший плакат, мелкими словечками добавив – «Всё может заново восстать из пеп-

ла» – конечно, если только среди пепла завалиются драгоценные запасы высококачественного чёрного угля.

Подходившие сзади жители толкали стоящих впереди и образовывали неуютную толкучку. Женщина в розовом костюме, пахнувшая едкими духами, плотно прижалась ко мне и толкала к спине стоящей впереди молодой девушки. Я закинул голову и остановил взгляд на сверкающем золотом куполе невероятной красоты.

– Ой! – озадачено выдавила дама, наступив на мой кед тонким каблучком.

Глаза полезли на лоб. Главное не проронить ничего скверного напротив церкви. Терпи Влад, розовая когда-нибудь отойдёт.

Шеей я чувствовал тёплое дыхание. Отвратительно. Чужие микробы прилетали на моё тело. Чужая одежда, неизвестно что пережившая за своё существование, соприкасалась с моей кожей.

Стало дурно. Руками я начал дёргать в разные стороны.

Брезгливость – неотъемлемая часть моего шестнадцатилетнего существования. Всё началось с самого детства, с жуткого документального ролика о микробах. Кто делает эти жуткие документальные фильмы прививающие боязнь всего на свете?

Дальше всё пошло по накатанной: видео на ютубе, книги про микроорганизмы и свой личный микроскоп, сквозь который можно рассмотреть содержащихся в слюне челове-

ка длинных сороконожек. В каждой слюне, (представляете?), есть подобная дрянь. В каждом чужом выдохе содержится миллион маленьких круглых колючих колобков, напоминающих каштан.

Почему я такой? Не соответствую нарочитому наплевательскому отношению к гигиене, характерному для мужского пола? Я чувствую каждое мини-существо, бегающее по телу. АБСОЛЮТНО ВСЕХ. Без исключений. Они поглощают меня изнутри, лапками перебирают по коже. Омерзительно.

Эту боязливость я мастерски скрывал ото всех и открыл лишь вам. Зачем скрывал? Ну, представьте себе, как жалко смотрится парень до чёртиков пугающийся микробов. Он смотрится как безумный отбитый задрот. Я таким не был и подавлял брезгливость.

Ладонью я зацепил руку мужчины в возрасте, пол лица которого занимали густые усы как у старика с коробки «Принглс». Развернувшись ко мне, он звонко выдал:

– Поаккуратнее, молодой человек! – и выпустил наружу едкий зловонный запах дешёвого табака, выкуренного его гнилым ртом. Сотни сигарет. Я представил аккуратную пирамидку, выстроенную из папирос, приконченных им за всю жизнь.

Ну как, «пирамидка».

Выше чем Вавилонская башня.

Вонь проскользнула в нос. Я представил как медленно разлагаются его почки, уверенно ведя к раку лёгких. Дыха-

тельные пути медленно выгорают и рассыпаются в пепел. Вообще, его внутренности тёмный рассыпчатый пепел.

Меня передёрнуло. Я попытался вернуть дыхание назад курильщику и шумно выдохнул.

«На, забери свой дерьмовый аромат!»

Привкус нездорового организма и едких сигарет остался. Ещё секунды, и я задохнусь.

– Ты в порядке? – озадаченно спросил Макс, смотря на медленно краснеющее лицо. Я просто стоял посреди толпы, но выглядел будто сейчас упаду на землю и дам раздавить себя десяткам подошв.

– В полном – пытаюсь не дышать ответил я. Никита уплывал по морю людских тел всё дальше от нас. Идеальный момент, чтобы спросить у Макса о его взаимоотношениях с загадочным парнем.

– Никто не понимает что он забыл в нашей компании. Посмотри – он же похож на зомби, или лунатика, случайно вышедшего из дома, или... – задумался он – Ты понял. Такому не место среди нас. Мы по умолчанию не должны связываться с пассивно живущими простофилями.

– А с кем должны связываться ВЫ? – иронично спросил я, ожидая смущённой реакции на вызывающий вопрос. Её не последовало. Макс скрестил руки на груди и дерзко глянул на меня.

– Не придуривайся, все знают кто мы. Любящие себя и только себя больше всего на свете заносчивые мажоры. Мо-

жет, слегка испорченные сбережениями родителей. Это все знают, скрывать нечего – Макс задумался и подправил аккуратно расчесанную каштановую шевелюру, сквозь которую просвечивались белые выгоревшие на солнце пряди. Сейчас, его причёска напоминала строгого игрока в поло, любящего обсудить классическую английскую литературу за бокалом виски. Такой типаж смазливых красавчиков, стелющих белые подстилки посреди полей для гольфа. Они всё время подправляют воротник модного поло и кормят изысканную подругу клубникой с рук. Утром он был более лохматый и взъерошенный и больше напоминал обычного игрока в баскетбол. Сейчас, скорее всего, на него надавили родители, переживающие за репутацию бизнеса, и заставили сменить классическую американку на строгую рубашку. Он выглядел другим человеком: убил глупого качка и поставив на его место примерного подростка, сошедшего с наивных фильмов шестидесятых, где под ритмичные звуки джаза безудержно танцевала золотая молодёжь.

– Я часто спрашиваю у Андрея что-то вроде «Хэй, бро, что в нашей компании забыл забитый пугающий сопляк?», он упёрто отвечает, что Никита привлекает внимание к нам за счёт своей невзрачности. Типа, знаешь ли, симпатичные девчонки гуляющие по коридору просто ахнут от нашей крутизны, опустив взгляд на невзрачное хлипкое сопливое приведение. Психология – он три раза постучал пальцем у виска – Наш лёгкий балласт, хвостик тащащийся сзади. Так ска-

зять, наша «ЖУД»а.

– Как в той комедии с Беллой Торн 2015-го года?

– Да, прямо как в ней. Не помню названия.

– Я тоже не припоминаю – задумавшись, я осуждающе выпалил – То есть ты считаешь это нормально использовать другого человека для привлечения внимания других?

После сухого слово ЖУДа я увидел себя блеклым балластом, бездельно следующим за «крутыми» ребятами ради привлечения всеобщего внимания. Голливудские улыбки и милое общение дерзких детей богачей стали для меня приветливой приманкой. Вполне возможно, они искали нового невзрачного «друга». Я принял реплику Макса на свой счёт.

– Я жду – улыбнулся он – Можешь рассказать в сто восемьдесят шестой раз какие мы испорченные и жестокие. Никита сам не против, если ты не заметил. Он прекрасно знает свою миссию в нашей компании: быть незаметным. Он никогда не нашёл бы себе других друзей – Макс встал на цыпочки и попытался рассмотреть стоящую за кулисами солистку «Чародеек».

Портрет Никиты так и не обрёл новых очертаний. Совсем не ясно, что из себя представляет молчаливый отстранённый паренёк.

– А какой он был до смерти Андрианы? Веселее, может быть, разкомплексованей и коммуникабельней?

– Ты не поверишь, но такой же. Почти такой же. Тихий, скрытый, вялый. Одним словом – Никита.

– Вы решили взять его на почётное место «ЖУДы» из-за того что родители Никиты такие же обеспеченные как и у вас? – по коридорам школы незаметно опустив головы тащились десятки подобных «ЖУД».

– Да, владельцы трёх супермаркетов. Их состояние резко подпрыгнуло вверх после того как “Target” не дали разрешение построить тут супермаркет – Макс ухмыльнулся – Правда, они не его родные родители. Он приёмный.

На портрете обозначились новый штрихи зажатого сироты.

– А он тебе не говорил где его, э-м-м – я задумался, как бы правильно назвать людей, оставивших сына одного – биологические родители?

– Не говорил, но другие рассказывают что его папа или погиб, или по пьянке не предохранился впендюрив мамке. Его никто не видел. А вот с мамой всё обстоит легче: сплетни утверждают что она переехала в Конго добывать золото. Экзотично, скажи? Променять сына на забытую Богом и затерянную посреди Африканского континента страну.

– Жаль его.

– Ты знаешь, а мне не жаль. Тебе просто нужно хоть раз взглянуть на его приёмных родителей: они кружатся перед ним как ураган Катрин, просто души в нём не чают. Ты думаешь мать, оставившая сына одного была бы примерным родителем?

Должно быть доля здравого смысла присутствовала в этом

утверждении.

Скорее всего, неприятно когда окружающие считают тебя «ЖУД»ой. Он был вовсе и не жирный. И не уродливый. Просто блеклый на фоне вырывающих глаз друзей.

Каролина отчаянно пыталась выбраться из толпы. Как звезда впереди горела круглая вывеска кофейни. Под предлогом купить имбирный чай она собиралась зайти в уборную. Вот только вылезти бы из моря людей.

Один сопливый чудак прикоснется потной рукой к густым светлым волосам. Омерзительное ощущение. Кэр не думая врезала ему бы по яйцам, вот только все эти люди с неё глаз не спускают. «Наша репутация напрямую влияет на то, что ты ешь и во что одета. Запомни это» – каждый раз, когда в голову лезли импульсивные мысли начинал звучать строгий мамин голос. «Репутация-основа. Репутация– основа...»

Становилось тяжело дышать. Свежесть осени убита дыханием сотен тел. На её месте духота.

– Дайте... Пройти... Пожалуйста-а-а.. – протяжно просила она, протискиваясь между двумя молодыми студентами. Они не стесняясь осмотрели её сзади.

Как красивый комод в Икеа.

Как новую тачку в салоне.

«У-у, гляди какой бампер!»

Местная инста-звезда @karolinka_babydoll самая известная интернет-личность города, ведь мелькает в ленте каждо-

го второго жителя. Её милые ванильные селфи на фоне атрибутов роскошной жизни злили всех девушек, агрессивно точащих ножи на сексуальную блондинку. А вот мужчины просто в восторге от фотографий в купальнике у лазурного бассейна.

Каролина почти у цели: пробивалась сквозь толпу и локтем цепляла парней в мрачных спортивных костюмах. Они все одеты в чёрные костюмы «Адидас», на ногах белые кеды того же бренда. Вели они себя хамовато и специально толкали людей стоящих рядом. Это вызывало кучу негодования со стороны и так ненавидящих их жителей.

Поток нескончаемой брани вырывался из уст парней и доносился до маленьких детей сидящих на отцовских шеях. Эта компания тут – исключительные антагонисты, не способные понравится никому. На первый взгляд: обычная невоспитанная шпана, устроившая из дружбы показательный маскарад.

– Да когда же вы наконец успокоитесь! – крикнула седая старушка, державшая перед собой выношенную тёмную сумку.

– Бабуля, может стоит переждать климакс и только потом приходить на людные мероприятия? – под звуки громкого мужского смеха сострил парень с сальными каштановыми патлами.

– Чувак, это не круто шутить по поводу климакса – осуждая бросил паренёк с аккуратно зализанными назад густы-

ми волосами. Он выделялся на фоне всех смазливой внешностью участника популярного boys-band – Есть три вещи, над которыми не положено шутить парням: месячные, климакс и чернокожие.

– Да ладно! – обиженно отозвался шутник.

– Может вы меня наконец пропустите!?! – раздражённо выкрикнула Каролина, рукой ударив в спину парня, лицо которого не увидела.

Развернувшись, он посмотрел на раздражённую девчонку спешившую в кофейню.

Каролина поняла, что не рассчитала силы и заехала в центр его позвоночника.

Лысый парень мило улыбнулся и оживлённым взглядом осмотрел красотку стоявшую рядом.

Кэр его знала. Сын шерифа. Про него тут говорили много и не переставая. «Садист, вырвавший реснички у моей кошки», «придурок, натянувший трусы моему сыну на голову», «малолетний гандон, забросавший окна моего дома тухлыми яйцами». Одна из популярнейших тем для обсуждений тёплыми тихими вечерами разъярёнными соседями, ненавидящими всё вокруг.

Валентин неловко улыбнулся, на что в ответ Каролина опустила глаза и позабыла о ненужной спешке.

– Прости меня, я не рассчитала размах руки – Каролина нелепо замахнулась рукой и нежно улыбнулась.

– Ничего, я думал такая стройняшка как ты пролазит вез-

де без проблем – она в ответ рассмеялась и протянула тонкую руку, ногти на которой украшал блестящий длинный маникюр.

– Я Каролина.

– Я Валентин – пожав руку, он почувствовал как длинные ногти медленно впиваются в его ладонь и оставляют неглубокие следы.

Парни, смеющиеся над ошарашенной старухой, пытались подслушать разговор главара с популярнейшей девушкой города. Волнительный момент. Такое, по их мнению, случается раз в жизни, и то, если красотка соизволит зайти в закусокную, где тебе суждено работать, и заказать диететический пепси.

– Я наслышана – сухо обрезала Каролина и отпустила руку нового знакомого.

– О нет – он закатил глаза – Дай угадаю, популярная история, в которой я вырвал усы одной кошке? Или нет, как я нахамил продавщице в магазине – она в очередной раз улыбнулась, опустив длинные ресницы и пяля в пол.

– Историй много.

– Да, их на самом деле не сосчитать – подтвердил Валентин – Но вот та, в которой я познакомился с самой невероятной девушкой города – будет самой нереальной.

Каролина попыталась сделать вид смущения. Не вышло. Она прекрасно знала, насколько привлекательна.

– А у вас в компании дресс-код? – спросила она, не желая

прерывать разговор с загадочным улыбчивым незнакомцем. Он чертовски притягательный. Будто загадочная страна, постепенно начинающая открываться для туристов. Хм, сравнить страну с стоящим без дела хулиганом. Весьма странно, не правда ли?

– Типа того, у нас, понимаешь, что-то вроде круга общения по интересам – он окинул взглядом стихающих друзей, плящих на его новую знакомую – Узкого круга.

– А что нужно сделать, чтобы попасть в ваш круг? – улыбаясь спросила блондинка.

Валентин замолчал, не в силах ответить на вопрос. Смотря на Каролину он понимал, что погружён в общение с головой. Хоть и общением это не назвать. Удивительный процесс. Все слова и предложения неважны, проплывают мимо как одинокие парусники. Он полностью очарован и даже не пытался вникнуть в суть темы. Фразы выползали сами собой и не несли особого смысла. Весь смысл в их контакте, напоминающим заумный физический процесс. Ему нравилось в ней все: как она общается и заразительно смеётся, обнажая белые зубы и розовый язык. Ему нравился её аромат, напоминающий дорогой магазин конфет от кутюр, в котором он никогда не был и в ближайшее время вряд ли побывает.

Но в его представлении конфеты для богачей пахли именно так: шоколадные и изысканно круглые бисквиты со съедобным золотом сверху.

Ему нравилось её холодное дыхание, проскользнувшее по

его грубой коже. Ему нравились её волосы. Они как жидкое 24х каратное золото спускались по её спине до бёдер. А губы, пухлые и розовые как у куклы Барби! Ему нравилось в ней ВСЁ. Она не способна не понравиться. Чистое воплощение идеала, сложенного и общепринятого обществом.

Тем не менее, она не была ходячим на высокой шпильке пафосным стереотипом, и ломала все клише о своей внешности как только открывала рот. Простая и искренняя. Милосердная и добродушная. Она умела завести разговор с каждым, забывая об образе «богатой инста-дивы не с мира сего».

Исходящая от неё искренность не делала Каролину поверхностной. Она всегда здраво рассуждала и умела иногда иронично подшучивать. Для Валентина она была чем-то новеньким в мире девушек, совершенно далёкая от его рутинной реальности изысканная красота стояла грудь-в-грудь и блестящими глазами глядела в душу. От нее исходило тепло. Тепло, греющее с каждой новой улыбкой.

В то же время немедленно приходило опустошающее разочарование. Он не мог позволить себе думать о том, что когда-нибудь девочка-мечта позволит хоть одним пальчиком прикоснуться к своей гладкой коже, провести кистью по густым волосам. Это грёзы, и парень, отказывающий себе в покупке книги, сразу же отбросил их в сторону.

Ложь. Всеми накрученным мыслями руководили комплексы, нарастающие снежным комом.

Ведь стоящий рядом идеал чувствовал неопишное притяжение и позабыл о пряном имбирном чае. Она хотела постоять тут, на многолюдной площади, подольше, и узнать незнакомца лучше.

Его улыбка быстро разбивалась на мелкие осколки многочисленных сплетней. Она понимала: перед ней стоит искренний, добрый человек. Не может злой садист улыбаться как заядлый хиппи любящий всё вокруг. Или это всего лишь первое впечатление, а на самом деле он – умелый лжец, скрывающийся за невинной маской доброты? Умный пик-ап ход: он всеми силами желает заманить в сети золотую рыбку, никогда не подплывающую так близко.

Как бы там ни было, когда многочисленные подруги, интересующиеся каждым её шагом, спрашивали: «Какой типаж мужчины тебе ближе всего?», она всегда представляла именно этого загадочного парня.

Широкоплечий юноша, что загадочным взглядом оставляет целое ведро пищи для размышлений. «Кто он?» «Что представляет из себя?» – все жители гадали, что за процессы творятся в лысой черепной коробке, и никто даже приблизительно не мог догадаться.

Его глаза кричали о всей неоднозначности: уверенные, но всегда странно бегали и выдавали неприкрытую грусть. Иногда она исчезала, иногда проявлялась больше. Он смотрел ими в самую душу и пытался донести что чувствует сейчас на самом деле.

Дерзкий, небрежный и нагло плюющий на мнение остальных. Это её типаж. Нагловатый и холодный, он проходил мимо гневных жителей и даже не отводил взгляда.

«Невоспитанный хамоватый гопник-провинциал» – ду- мал каждый кто видел Валентина проходящего посреди ули- цы. Он разрушал первое впечатление стоило ему лишь рас- крыть рот. Грамотная, размеренная речь. Если закрыть гла- за можно представить волевого джентельмена британского двора в тёмном смокинге и смешном объемном цилиндре.

Может быть, он хотел таким казаться только для Кароли- ны. Изо всех сил старался быть лучшей версией себя.

Он всё ещё молчал и смотрел на неё. Его глаза... От его взгляда на теле проступали холодные капельки пота. Грусть и тоска, несмываемая печаль. У него был глубокий и хо- лодный взгляд, надежно хранящий необъяснимую загадку, сложный секрет, который не суждено узнать никому

Он необычный парень. Он – сложная головоломка, по конструкции напоминающая длинный лабиринт, в самом центре скрывавший ключ от головы. Туннели того лабирин- та в самом начале заполнены кучей сплетен и слухов, скрыва- ющих всё остальное. Но если пробраться мимо них, то мож- но по-настоящему узнать удивительного человека. Раскрыть загадку главного хулигана.

Кажется, она заблудилась в этом лабиринте. Он сильно по- нравился Каролине. Чертовски сильно.

Новая загадка дня: как же может возникнуть сильная вза-

имная симпатия при первой встрече у абсолютно разного типажа людей, встретивших друг друга по обыкновенному стечению обстоятельств?

Они не должны нравиться друг другу. Они разные, две идущие рядом параллели никогда не сойдутся – это закон.

В воздухе недвижимо застыло молчание, и лишь оживлённые крики весёлой молодёжи развеивали атмосферу. Каролина прервала тишину:

– Я совсем забыла, мне нужно идти. Мой парень, наверное, заждался.

– Парень? – огорченно переспросил он, словно расстроенный ребёнок, которого пообещав сводить в Диснейленд родители привезли в городской Луна-парк. Каролина медленно кивнула, отступая от незнакомца – Надеюсь, ещё встретимся – он улыбнулся в последний раз за сегодня и тоскливым взглядом провёл мечту. Она за секунды растворилась в плотной стене из людских тел. Её светлые волнистые волосы мелькнули в последний раз среди чужих голов и скрылись из поля зрения.

Она исчезла как и полагается роковой красотке, после себя оставив приятное и немного перчённое послевкусие.

Валентин обернулся и осмотрел друзей. Они всё это время терпеливо стояли «на ушном» и тихо завидовали лидеру:

– Похоже, я нашёл её – шёпотом констатировал он.

– Кого «её»? – спросил рыжий конопатый парень с недовольным выражением лица.

– Девчонку, которая не вылезет из моей головы до самой смерти..

– Ты это понял за те две минуты общения? – голос рыжего конопатого парня напоминал свернувшееся молоко или терпкую хурму и вызывал противное жужжание в ушах.

Уникальный голос.

– Антон, закрой наконец рот – злым тоном оторвал Валентин – У меня новая цель: нужно сделать все, чтобы очаровать её.

– Ты думаешь у гопника вроде тебя получится очаровать красотку из охриненно богатой семьи?

– Если не попробую – не узнаю – уверенно ответил он и с надеждой посмотрел вслед Каролине.

Концерт наконец начался. До этого момента я успел промёрзнуть как бродячая собака зимой в двадцатиградусный мороз. Площадь полностью заполнена людьми. Казалось, все 40-тысячное население города вышло на площадь.

Открывать концерт вышел мэр города: пухлый мужчина с лысиной; его я уже видел на фотографиях сайта. Он тяжело дышал в микрофон и заметно нервничал. На подбородке красовалась небрежная не постриженная щетина, легко убивавшая весь образ порядочного мэра.

Он крепко схватил микрофон и осмотрел жителей, те радостными глазами пялили на него. Сегодня праздник – жители, ещё с начала августа жившие в постоянном страхе, дали

волю расслабится. Но мэр всё равно чувствовал себя так, что с минуты на минуту ему придётся оправдываться за умело скрытое убийство девчонки. ДТП – звучало правдоподобно в свете разбитого авто эконом-класса, врезавшегося в толстый ствол дерева. Но кое-что они все не знали, лишь догадывались – проколы ножом на молодом теле.

А он видел, и после этого очаровательная Адриана не раз приходила к нему во снах. Только теперь на её щеках не было очаровательного румянца а глаза не блестели страстью к жизни. Несколько порезов: один на спине, другой под грудью, третий на животе, и из всех струйками сочится кровь. Карие глаза опустели, но в них всё равно можно прочесть отчётливый вопрос «Почему ты молчишь?».

Мэр смахнул капельки пота и начал рассказывать об увлекательной истории города-мученика. Он высыпал на наши головы десятки громких эпитетов и метафор, и все они о жутком пожаре, унёшем сотни жизней.

На сцену, под неуверенную череду аплодисментов вызвали Арсения, чтобы поблагодарить его за вклад в жизнь города.

Многие привстали на цыпочки, пытаясь рассмотреть столь обсуждаемую персону.

Мой дядя вальяжно вышел к микрофону и пытался не опускать глаз на завистливые взгляды. Хотя, ему глубоко пофиг. Знаете ли, баснословно богатый олигарх научился не обращать внимания на мнение окружающих. Их тихие ше-

потки не смогли заставить его нервничать перед микрофоном. Он уверенно отыгрывал образ примерного горожанина с идеально красивой семьёй – пример американской мечты.

Выглядел он ослепительно, как и его жена: в свои сорок лет на лице нет ни единой морщины (я думаю, без секретных подколок не обошлось). Одет в костюм от Стюарта Хьюса, улыбка светится белизной и выдает дорогие виниры. Осанка идеально стройная, как у рыцаря царского двора. Он держал себя на максимально высоком уровне и пытался смягчить свой снисходительный взгляд.

У него почти получилось.

Он всегда чувствовал себя как породистый хитрый орёл попавший в стаю злых ворон. У злых хищных птиц был лишь один интерес: его достаток и личная жизнь. Ну вот какая им разница, насколько процентов повысились акции его компании? Какая разница, где отдыхала его жена этим летом: на Бора-Бора или Занзибаре? Какая разница сколько он накопил биткоинов за этот год? Какая разница, сколько их дочерей трахнул его сын – смотрите на своих.

Началась старая заезженная шарманка про Дилана Грина – добропорядочного седого мужчину, который проникся жалостью к несчастным, оставшимся без крыши над головой жителям, испачканным тёмным пеплом. Все это слышали от мэра. Никто из них не упомянул, что в городе предприимчивого Дилана задержали неисчерпаемые запасы угля, на которых он построил целую чёрную империю. Вовсе не жалость.

Персонаж, наверное, схожий с Арсением. Человек, дыхание которого положило основу ритму города. Он им руководил, а не пухлый мэр мило улыбающийся в сторонке. На самом деле он тут главный. Это он поставил глуповатого старика-семьянина на пост главы города. На самом деле лысый добряк – декорация. Её задача проста: недвижимо сидеть в кожаном кресле, пить дорогой виски и выслушивать гостей, приходящих в ратушу.

Казна города в большей степени составляла постоянные вклады Арсения. За это каждый чиновник, предприниматель или просто директор маленькой кафешки в безлюдном переулке чувствовал себя должным отцу Андрея.

Вот такая непростая монополия у милого на первый взгляд городишки.

Начался долгий список достижений компании и её вкладов в город за год. Сухие цифры и термины, не более.

После последнего предложения в списке (оно гласило о новой дорожной развязке посреди леса в северной части захолустья. Как раз недалеко разбилась Адриана.) началась скудная речь про, как неожиданно, молодое поколение. Распинаясь, Арсений громко заявил про важность подростков, которые, в свою очередь, оживились после блевотичной полчасовой речи. Смеясь, ребята, вспоминаящиеся мне скучающими на уроках алгебры, захлопали.

– Наше будущее – за молодыми! – словно умелый диктатор маленького государства крикнул мой дядя, наслаждаясь

громкими криками молодёжи. «Д-а-а-а!» – подняв пустую стеклянную бутылку из-под пива завопил один из «Адидасов» – Оглянитесь, какие же у нас разношерстные, не похожие друг на друга и интересные представители молодого поколения. Только представьте, сколько потенциала заложено в них как в фундаменте достойного стойкого общества!

– Пф, я предпочту сдохнуть. Это перспективнее, чем в будущем составлять фундамент этого захолустья – фыркнула Алина.

– Вот именно Али, ждите нас Бруклинские вечеринки и пляжи Санта-Моники! – позитивно поддержала подругу Каролина и женственно соприкоснулась с ней пальцами.

– У нас есть всё для этого: талантливая группа, по уровню своему дающая фору «Destiny's Child» или «Spice Girls».

– Интересно, он знает что все эти гёрлз-бэнды прошлого века давно перестали существовать? – продолжала иронизировать Алина.

– Тем более «Destiny's Child» чёрные, в отличии от наших ведьм – поддержала Каролина – Одна Бейонсе на плаву осталась.

– У нас есть смышлёные ребята, по уровню интеллекта догоняющие Гарвард.

– Одна из них, кстати, умерла – под нос буркнул Никита – А вы до сих пор боитесь сказать правду.

– У нас в арсенале талантливые спортсмены, не уступающие сборной NBA и FIFA.

– Лесть – сухо проронил Макс, правой рукой обнимая хрупкие плечи подруги.

– Наш город – город молодых! Они окружают нас со всех сторон и обозначают будущее: наши дети, внуки, племянники и крестники. Отдавайте им, без приступов жадности, частичку себя, чтобы в итоге получить частичку от них.

Эта фраза прозвучала циничней некуда.

– Я хочу чтобы на сцену вышел мой сын Андрей. Он подготовил обращение к сверстникам.

До ушей донёсся шёпот школьников. Все они начали обсуждать моего брата и высказывать свежие сплетни.

Как бы они к нему не относились, все послушно хлопали и ждали мальчика-мечту, подростка-идеала и просто красавчика, которым тайком мечтал быть каждый.

Мой двоюродный брат с самого утра носился с мятым листиком и пытался заучить «чистосердечное» обращение. Он всерьёз нервничал и надеялся не упасть в глазах родного отца.

– Андрей? – спросил ещё раз Арсений, осматривая толпу удивлённых школьников. Никто не отозвался. Дядя растерялся и остановив взгляд на мне. Я прочитал его как вопрос и пожал плечами, давая понять, что не знаю где шныряется мой брат.

Сегодня я понял что вообще его не знаю.

На сцену резко вылетел пожелтевший листок, медленно опустился и упал перед Арсением.

– Видимо Андрей к нам присоединится попозже – к микрофону, немного толкнув Арсения, подошёл мер. Арсений, в свою очередь, бросил строгий взгляд на гладкую лысину – Встречайте, представительницы молодого населения нашего города, а точнее его слабого пола: группа «Чародейки»!!!

Площадь заполнилась аплодисментами. Толпа бурно встретила местных поп-звёзд. Из-за импровизированных кулис, тут ими служили массивные железные палки в ряд, как модели на подиум вышли три девицы, ярко покрашенных и одетых в мрачные образы. В центре шла моя одноклассница.

– МЫ ЧАРОДЕЙКИ, и мы тут чтобы околдовать вас, загипнотизировать или может быть, приворожить – ласково мурчала Сабина, прислонив тёмные губы к микрофону. Тонким засыпающим взглядом она окинула оживленный зал.

– Время колдовства! – крикнула тёмная барабанщица – Раз! Два! Три! Четыре!

Блондинка бас-гитаристка начала перебирать длинными тёмными ногтями по тонким струнам красной электрогитары. Раньше, такие я видел у агрессивных рок-групп вроде «Kiss».

Африканка забила по ярко выкрашенной барабанной установке.

Сабина закрыла глаза и увлечённо начала петь. У неё оказался прикольный голос, если красивый тембр можно скудно назвать «прикольным». Чем-то отдалённо напоминающий Сию и Рианну. Казалось, он создан для какого-нибудь R&B

и, одновременно, трогательных баллад со сложными припевами.

На сцене размыли туман. Сзади установили картонные надгробные плиты и повесили бумажных летучих мышей. Песни у них что-то вроде рока смешанного с teen-попом. Первая песня на тему: «Будешь ли ты любить меня, когда узнаешь что я ведьма» – достаточно мелодичная баллада со взрывным припевом, вторая: «Ты увлекаешься скейтами, а я по ночам отрываю головы крысам» – напоминала песни из репертуара Nirvana перемешанные с хитами начала двухтысячных, но а третья их местных хит: «Я тебя приворожу» звучала как обыкновенный современный сингл. Заедающий припев, бит в куплетах, припев повторяется ещё пару раз, толпа громко скандирует: «Я ТЕБЯ ПРИВОРОЖУ!!!», а затем барабанщица резко откидывает палочки и начинает зачитывать рэп.

Толпа ликует: оказывается, рэп-куплета зачитанного чернокожей оказалось достаточно для взрыва. Ну а я слушаю и ощущаю себя обманутым. Будто строчки дочитаны не до конца. А где маты? Где такие родные и привычные рифмы про минеты и тверк? О'кей, я и не ожидал этого от школьной поп-группы.

Главное, для полного счастья публики, закончить читку многозначительной и запоминающейся строкой. «Мы молочный шоколад, последний ингредиент твоего зелья».

И потом очередной громкий проигрыш, скандировка сло-

ва по буквам:

«ХЭЙ!

Ч!

А!

Р!

О!

Д!

Е!

Й!

К!

И!»

На удивление, мне понравилась группа. Их песни интересны, их образы и стилистика выступлений тоже на высшем уровне. Солистка Сабина иногда пугала отстраненными безумными взглядами. Слишком уж вживалась в роль.

– Ребята! – я услышал знакомый голос брата, пробивавшегося в толпе к нам. Он поднял руку, так что если столпотворение людей поглотит его мы сможем прийти на помощь.

Андрей комично запрыгал. Студент с сальной головой прижался к другу и дал пройти очередной городской звезде: скандальному сыну миллионера.

– Мне нужно срочно кое-что вам рассказать – подойдя к нам он сразу же вцепился в рукав Макса

– Это «кое-что» не может подождать до конца песни? – ответил Макс, пытаясь перекрыть резко заигравшую мелодию.

Концерт в самом разгаре. Поклонившись под бурные аплодисменты, местные звёзды ушли со сцены и освободили место для потеющего мэра.

– Твой отец тебя убьёт – заметила Алина, нежно обняв парня – Все ждали тебя минуты три. Арсений выглядел как дурак.

– Нам срочно нужно отойти! – упрямо настаивал Андрей и схватил высокого друга за рукав.

– Я не собираюсь никуда отходить, концерт только начинается! – обрезал Макс, повернулся спиной к обеспокоенному Андрею и устоял на мэра, вытирающего пот.

На площади становилось холоднее. Лёгкий прохладный сквозняк разгонял жёлтые листья и поднимая их в воздух над толкающимися жителями города.

Все смотрели на мэра, он сделал строгое лицо и заявил:
– Этим летом от нас ушла юная душа – негромко начал он – Наша гордость, примерная ученица, дочь и настоящий ангел – мэр говорил это, будто плохих погибших детей не вспоминают на городских празднованиях. Попытайся за пятнадцать лет жизни на Земле победить в паре олимпиад и учиться на одни пятёрки. Может быть, тогда в рай попадёшь. – Весь город скорбит по тебе, Адриана. Нам не хватает твоей ангельской улыбки, твоего искреннего смеха. Ты навсегда с нами – не все зрители с такой же тоской относились к словам мэра, описывающего девчонку как родную дочь. Многие продолжали вести себя так, будто на сцене до сих пор

выступает подростковая рок-группа. Они плевать хотели на гибель незнакомого человека. Некоторые раздражённо скрестили руки на животе. Они не понимали, что забыло поминовение мёртвой среди весёлого праздника.

Конечно же, не все так считали. Я обратил внимание на Никиту, сжавшего ладони перед носом в кулак. Он застыл в молитве. Его глаза замерли на сцене, где обсуждали девчонку, которую он больше никогда не встретит. Исчезнувшую навсегда красотку Адриану, изменившую его жизнь.

Взгляд пошёл дальше по толпе и застыл на матери погибшей. Она закрыла глаза и облокотилась об ржавый железный забор, отделявший сцену от площади. По сухим щекам текли слёзы, капая на тёмные туфли. Строгая консервативная дама сломилась в последний момент.

Всхлипывая, одними лишь устами она произнесла сухое «прости». Интересно, за что примерной матери-карьеристке извиняться перед ушедшей на тот свет идеальной дочерью? «Прости» – проговорила она второй раз и подняла взгляд на мэра.

– Давайте же почтим память погибшей минутой молчания – после этой фразы нагловатые шумные подростки наконец стихли. Удручающая тишина, зависшая на площади, заставила замолкнуть каждого, не в зависимости нравилась ли Адриана им или они желали ей поскорей врезаться в дерево потверже. Сейчас абсолютно каждый, даже самодовольные хулиганы одетые в мрачные костюмы, уставились вперёд.

Заиграла грустная мелодия. За спиной мэра началось медленное слайд-шоу, одна картинка которого плавно перетекала в другую.

Все увидели улыбающуюся девчонку. Она сидела на белоснежной лошади и гордо закинула подбородок. «29.06.2018» – в правом нижнем углу находились прозрачные оранжевые цифры.

Адриана сияла. Тогда она не знала, что её ждёт через какой-то месяц с лишним.

Следующая фотография наполовину состояла из выставленных в кадр грамот. Погибшая показывала всем, сколько всего успела сделать за жизнь. Аттестат об окончании средней школы, на нём виднеются идеальные оценки. Она горда собой и прижимает грамоты к телу как Нобелевскую премию. Как оказалось, эти листы, которые она стремилась получить вкалывая часами, так и останутся листами покрытыми пылью и лежащими в дальнем уголке ящика с ненужной макулатурой.

Грамоты плавно превратились в бассейн с лазурной водичкой. Загорелая счастливая девчонка мочила в нём ножки и улыбалась фотографу. «10.07.2018» – последний отдых перед смертью.

Каждый новый слайд вызывал бурю эмоций и новые темы для размышлений. Во время жизни в вонючем городе у моря они казались просто ненужными и такими далёкими.

Она ушла. Совершенно резко и загадочно, после себя

оставив тонну вопросов. Что же случилось? Каждый, стоявший на площади знал, что уж точно не авария. Никто не хотел говорить об этом и выстраивать гипотезы, как и положено жителям провинциального города. Все боялись и считали эти разговоры безумными как обсуждение жизни инопланетян. Все о них слышаны, все о них задумываются, но зачем строить гипотезы и догадки вокруг неизвестности?

Прекрасная, молодая и такая счастливая. Примерная девочка, проживавшая каждый день отчаянно стараясь для будущего. Будущее не наступило. Лишь пустота, мрачная и беспросветная.

Я не отрывал взгляда от улыбки Адрианы и заметил резкое дребезжание в углу экрана. Вся фотка не спеша заполнилась помехами, словно её отображал бракованный проектор.

Фотография беззаботной девочки начала медленно выгорать и покрылась коричневыми пятнами. Двигающиеся помехи исказили изображённое лицо.

Всё прекратилось. Помехи перестали тревожить зрителей. На экране высветилась новая фотография, приведшая зрителей в форменный шок. По площади прокатилась волна удивлённых вздохов.

Шокированный мэр попытался прикрыть новый слайд, руками махая пожилому мужчине ответственному за проектор, но всё тщетно:

Новый слайд. Портретная фотография погибшей. На ней она довольно улыбалась. Смотрела в кадр или нет так и оста-

лось неизвестным, ведь умные коричневые глаза перечеркнули жирные пугающие кресты. На лбу девочки небрежно нарисована крупная сатанинская звезда. Кто-то поглумился над профессиональной фотографией умершей, должно быть, взяв её из социальных сетей. Смотрелось это жутко, будто бы двумя крестами из фото высосали всю душу. Кресты нарисованы настолько криво, точно в самом банальном фотошопе. Может быть даже на телефоне. Так, мимолётом.

Впереди послышался шокированный вздох. Толпа забеспокоилось. У каждого сердце забилося чаще, как только глаза опустились вниз и прочли надпись: «Спасибо что сдохла, сука».

С уст строгой матери девочки не сорвалось ничего кроме частых обеспокоенных вздохов. Её взгляд не отрывался от изуродованного фото дочери.

Никита нервно заёрзал на месте, встал на носки и готов был бежать в любую сторону, будто сейчас он сможет что-то сделать. Как главный герой комикса – снимет безвкусную кофту, а под ней латексный костюм. Улыбаясь вскрикнув «Справедливость! Добро! Любовь!» он взлетит в воздух и лазерным зрением спалит экран.

Его реакция почти идентична с мамой погибшей – лишь тяжёлые вздохи. Переминаясь с ноги на ногу он даже и не заметил как наступил на кед Макса.

Андрей открыв рот смотрел на написанное большими буквами слово «сука». Себе под нос он тихо проговорил:

– Началось... Это всё она...

– Что ты несёшь, кто «она»? – крикнула раздражённая Ка-ролина. Она отвернулась от сцены и скорчила преисполненное отвращением лицо, будто бы на экране показывали из-вращённое порно.

Андрей не успел и рта открыть, как один странный слайд перешёл в другой ещё более странный слайд:

Чёрно-белое фото, напоминавшее обложки ранних альбомов Мадонны. На нём изображён совершенно другой человек – не та милая девчонка. Перед нами появилась наглая и уверенная девушка с выразительными чертами лица. Тут её глаза не были зачеркнуты уродливыми крестами, а нагло смотрели в камеру. В пухлых губах погибшая держала сигарету, хотя нет, настоящий косяк как в хип-хоп клипах и фильмах, где пьяные главные герои садятся в машину и безудержно начинают дымить. Крутые, своенравные и полностью свободные. На этом снимке всему городу она казалась именно такой: дрянной испорченной девчонкой.

Из-под запрещённого наркотика почти незаметной струёй вылетал дым. Я представил мерзкий аромат, похожий на зловонное дыхание стоящего рядом пожилого мужчины.

«Что ты ещё от нас скрывает, маленькая ДРЯНЬ?» – спрашивала у мёртвой надпись над её головой.

«Удачно гореть тебе в аду!» – желала вторая, в самом низу фото.

Мать Адрианы, казалось, вот-вот потеряет сознание и

упадет в руки хлипкого мужа. Да он и сам готов упасть с минуты на минуту.

Мэр кричал растерянному бородатому деду, сидевшему за пультом управления. Уютно развалившись на стуле напротив допотопного ноутбука он выполнял ответственную работу человека, включающего самый дешёвый проектор.

Сейчас пожилой человек стоял над обтянутой густой сетью из проводов конструкцией и поочередно нажимал каждую кнопку морщинистыми дряблыми руками.

Мэр неразборчивыми предложениями пытался докричаться и обильно жестикулировал. Своим объемным силуэтом он хотел прикрыть экран, и возможно с его невероятно пухлым животом, надёжно хранящим в себе десятки литров пива, эта задача казалась весьма исполнимой – ничего не получилось.

Все видели новую Адриану. Такую непонятную и непривычную. Для привыкших к приветливому милому ребёнку жителей города всплывшее фото будто изображало потерянную сестру-близняшку. Она была другая: нахальная и опасная. Взрослая и вызывающая.

Для родителей увидеть такую дочь оказалось настоящим шоком. Они были не готовы когда вспоминали лучшие моменты проведенные с ней. Растворились в счастливых воспоминаниях во время минуты молчания. По телу мамы ходила стойкая дрожь. Руки тряслись в судороге. Образ «стальной леди» разрушился на глазах.

– Разломайте проектор! – крикнула Сабина растерянному деду. Она стояла в метре от обеспокоенного мэра и не заметила как по её щеке ручьём начала стекать чёрная тушь. Но дед не слышал её так же, как и не слышал мэра. Вот что бывает, когда берёшь на работу с техникой пенсионера.

Никита продолжал ёрзать на месте и не в силах сделать что-то полезное чувствовал себя ничтожеством (ничего нового).

Без плавного перехода на экране началось видео. Тёмные силуэты леса, освещаемые вспышкой телефона.

Перед оператором шагала Адриана, ласково обхватив волосатую руку, и вела его за собой.

Это была та же нахальная девушка, которую все увидели на предыдущем фото. Раскрепощенная и взрослая. Она шагала вперёд, потом обернулась и взглянула в камеру. Лицо расплылось в кривой улыбке. Оператор остановился, потянул её обратно и не дал идти дальше:

– Эй! Смелее! – начала она обиженным тоном – Я знаю тут место, где нас никто не найдёт. Ты и представить не можешь, какой там открывается вид на полную луну. Ты знал что сегодня полнолуние?

Толпа утихнув слушала слова Адрианы.

Никто не говорил, но многие осознавали, что для неё это одни из последних слов. А они заслуживают слушателя.

– Неужели ты опять забоялся косых взглядов этих безвольных людей? Гадких сплетников, всех обливающих гря-

зью за спиной! Они жалкие, омерзительные люди!

По площади прокатился гул обиженных реплик.

– Этот город – огромный прочный кокон. Попав однажды, из него тяжело вырваться. Этот город – зыбучий песок, медленно засасывающий в себя. Эти люди – агрессивные шипящие змеи. Они укусят, набросятся из-за спины и больно вопьются клыками в кожу.

Адриана мечтательно взглянула вперёд, продолжая ласково сжимать руку неизвестного.

– Ты знаешь, у меня иногда складывается впечатление, что каждый тут может меня убить. Ты улыбаешься? Правда звучит тупо, но каждый в городской черте форменный безумец. Это впечатление у меня складывалось годами. Кажется, что когда-то, в одну обычную лунную ночь вроде этой, моё тело могут найти окровавленным под густыми зелёными деревьями. Безумство? Может быть. Но каждый, ты слышишь меня? – напуганными глазами она взглянула в объектив. Её нос почти к нему прикасался – Каждый там способен на убийство.

Видео прервалось. Перед нами недвижимо повис чёрный экран. За те десять секунд толпа успела выговориться и прийти в себя. Это были самые громкие десять секунд за весь вечер.

Новое видео началось с бледного кадра – лицо Адрианы снизу. Она держит камеру дрожащими руками. Вверху виднеется густая зелёная листва. Мимо камеры пролетает сле-

зинка.

Зачарованная толпа наблюдала за странным видео.

Погибшая недвижимо смотрит вдаль, будто ожидает чего-то ужасного. Тишина – лишь её тяжелое дыхание.

Убедившись, что вокруг никого нет, она подняла камеру на уровень лица и взглянула на неё заплаканными глазами.

На лбу красной краской, небрежно протекавшей на переносицу, нарисован овал с двумя точками. Похоже на свиное рыло. Или на круглую розетку. Может быть этот кривой рисунок какой-нибудь символ.

Слёзы продолжали капать вниз. Девчонка всхлипнула. Отчаяние сразу видно по глазам, она растеряна и испугана.

– Я прошу каждого, кто смотрит это видео – тихим голосом начала Адриана. Почему-то это напоминало предсмертную речь – Ребята с моей школы. Дети, которые не понимают, что их ждёт впереди. Родители, чудом оставшиеся целы. ВСЕ, кто живёт там. Я молю вас прямо сейчас сесть в машину и на полной скорости уехать подальше от этого города. Умоляю, бегите пешком, убегайте. Они нелюди, кровожадные животные которых не остановит ничто – Адрианна всхлипнула ещё раз. Между бровями образовались глубокие складки – Они найдут вас. Они ВЕЗДЕ. Не верьте никому, слышите?

Адриана резко опустила камеру вниз. Издалека слышался шум.

Сзади неё показались десятки пламенных огней, стано-

вьясь ярче. Теплым светом они осветили густые листья.

Свет – точно огонь. Неужели самые настоящие факелы как из фильмов про средневековую Европу?

Адриана резко вздохнула, точно увидела что-то чудовищное. Это был вздох перед полным отчаяния громким криком. На нём видео оборвалось, на экране опять начались помехи. Из динамиков раздалось противное шуршание, оглушившее зрителей.

Они не подготовились к подобному потрясению. На уютном праздничном вечере подобные потрясения казались абсурдом.

Содержание видео по крипивости не уступало «Ведьме из Блэр» или «Паранормальному Явлению» с разницей в том, что всё показанное реально. Настоящая девочка, тело которой найдено за городом упитанным дальнобойщиком в пять часов утра. Он заметил разбитую машину, от неё на приличной дистанции лежало окровавленное тело девчонки.

Шуршание переросло в пронзительное скрипение. Спасаясь от скрипа мы прикрыли уши ладонями. Даже мэр, подбежав к проектору, встал на месте и схватился за голову.

Яркий красный прожектор осветил сцену. Сверху показалась длинная деревянная палка. Скорее всего, она была привязана к сцене как декорация.

Можно было подумать что так нужно: начнется шоу, выйдет школьный хор и запоёт кавер на песню из «Величайшего шоумена», толпа обрадуется и обо всём забудет.

Но эти багровые капли сразу же насторожили...

На паркет сцены начал капать ручей алой жидкости. Внизу образовалась небольшая лужица.

Все устремили взгляды на медленно выезжающую конструкцию, и через секунды поняли что она – самый настоящий церковный крест.

По площади раздались крики ужаса. Толпа запаниковала, каждый пытался бежать в разные стороны. Всеобщий хаос. Стоящие впереди люди всем весом налетели на меня. Мне не дали упасть на землю студенты стоящие сзади.

Крик не стихал. Все зрители пытались убежать. Началась немыслимая толкучка. Каждый думал, что прямо сейчас придёт его черёд. Каждый думал, что прямо сейчас станет следующей жертвой. То, что увидели мы, тёмным кошмаром отложится в памяти на всю жизнь:

На распятие железными острыми гвоздями прибито тело Давида – пухлого еврея; его тут знали все благодаря скандальному видео-мему на ютуб. Даже с приличного расстояния заметны многочисленные ножевые ранения. Из них литрами вытекает кровь.

Его лицо полностью ей измазано. Глаза закрыты, но при этом Давид внимательно наблюдал за паникой.

На животе глубоким порезом выточена латинская буква «V».

Меня окутывает страх. Дикая дрожь пробегает по всему телу каждый раз, как я вспоминаю те минуты. Тут со мной это случилось впервые – всепоглощающий страх, поедаящий клетки мозга изнутри. Не тот страх, при котором чувствуется лёгкая щекотка в животе, как от просмотра проходного ужастика про старый дом с приведениями.

Безысходность – самое страшное чувство, что может почувствовать парень вроде меня.

Я падаю вглубь тёмной бездны. Тело пережимает и сковывает, я зажат между двух крайностей. Этот город сводит меня с ума.

Засыпая я всматриваюсь в темноту и рассчитываю увидеть там мистический силуэт рыжей дамы. Смотря на кресты я вижу изуродованное тело Давида, возникшее перед всеми.

Мои сны всегда погружали меня в царство наихудших кошмаров. Чаще всего они неприятны до жути. Я видел неизвестного человека в маске, готовившегося вонзить нож мне в живот. Я не мог ничего сделать. Бежал в тёмном лесу и скрывался от кровожадной охоты. Переживал кровавую войну. Сквозь сон я понимал что застрял, надёжно заперевшись в мире фантазий, что существует по свои принципам и законам.

Я научился убеждать себя что это понарошку, что с первыми солнечными лучами кошмары перестанут существовать. А до этого нужно смирится и встретиться с кошмаром

лицом к лицу.

Ведь потом я просыпался в холодном поту и с облегчением осознавал что ночь окончена.

После загадочного убийства юного еврея улицы этого места казались мрачной обителью зла. По ним шатались слепые люди, не видящие мистики города, в котором живут.

Я счастлив, что у меня не было безисходных ситуаций. В моей жизни всегда была запасная тропа, ведущая к свету. Но тут меня буквально сбросило в круговорот страха. Я узнал, что такое быть обречённым, не способным сделать что-то для своего спасения, ведь это бессмысленно.

Худшие сны прививали это чувство с детства, в эту пятницу я прочувствовал его по-настоящему.

Ну а пока приходилось жить с ощущением что вот-вот должно произойти что-то страшное. Один раз «страшное» уже произошло, значит второй не заставит себя ждать.

Вчерашний вечер заполнился форменной тьмой для всего города, анархией и паникой, овладевшей всеми на площади.

Капли крови, стекавшие с деревянного креста сводили людей с ума. Они не видели никого, толкали друг-друга и убегали прочь по чужим спинам.

Море из людей превратилось в бушующий океан, каждая капля летела в разные стороны. Жуткий шторм. Чего они все добивались когда сломя голову убегали прочь? Будто бы их тоже собираются прибить гвоздями к кресту и вырезать

мистическую букву «V» на груди.

– “V”... – в моих ушах прозвучал удивлённый голос брата. Странный эпизод: пока вокруг него все кричали и пытались отвернуться от чудовищной картины, он открыв рот разглядывал глубокий порез, будто загипнотизированный видом крови – Леди V... – мямля повторил он. Его голос заглушал крик.

Леди V? Звучало непонятно (хоть и знакомо для меня), пока Андрей не объяснил нам что это значит. Загадочный аноним, подписавший себя так в письме с угрозами.

Желтоватая бумага, не особо приятная на ощупь... Мне посчастливилось подержать письмо в руке и увидеть жуткий напечатанный на машинке текст своими глазами. Неужели на моего брата положил глаз псих, способный на абсолютно бесчеловечное убийство подростка?

Стоя посреди безлюдной тёмной улицы, на которой лишь одна вывеска закрытой кофейни освещала мрак, мне в очередной раз стало ужасно страшно. Неопишуемая паника, будто бы тот, кто изуродовал тело пухлого парня стоит за спиной и угрожающе всматривается в мой затылок. Держа в руках мятый листок я то и дело оглядывался назад. Источником резких звуков оказывался сильный ветер, что выхватил с заполненного мусорника пластиковый контейнер и потащил его дальше по безлюдной улице.

Телефон разрывался от звонков напуганных родителей, узнавших об инциденте на концерте. Они и незнании где я

брожу.

А я просто не мог ответить. Все слова забыл. Как смски писать тоже забыл. Плёлся за братом и что-то мямлил, а в голове прокручивались кроваво-алые картинки.

Тот вечер навсегда отложится в памяти каждого, кто видел несчастного, покрытого паутиной из струй крови. Каждый будет видеть перед глазами безжизненное тело и слышать громкий крик, звеневший в ушах после того, как крест медленно выехал вниз.

Власти почувствовали себя настоящими придурками, перехитрёнными на глазах у всего города. Только вдумайтесь: кто-то смог повесить на железные цепи театральный церковный крест, украденный из местного драматического кружка ставящего «Страсти Христовы». Звучит достаточно непросто: протащить огромный реквизит на верхушку самодельной сцены.

Кровожадный убийца бродит рядом. Новая смерть молодого человека. Новое горе...

«Скоро вы все скажите спасибо благородной Леди V» – старый хриплый голос. Я чётко помню его, будто услышал три минуты назад. Психопатка пыталась громко заявить о себе в прямом эфире.

По голосу можно представить что ей не менее семидесяти. Тут одно из двух:

1). Или перед грустной одинокой старостью пенсионерка решила поубивать молодых. Веселья ради.

2). Или психопат имитирует голос старого человека ради запоминающегося образа (миллионы приложений по искажению голоса в помощь)

– Сегодня, когда я слушал подкаст перед концертом...

– Ты слушаешь подкасты? – хмыкнула Алина. У них всех была ужасная привычка перебивать друг друга.

– Ну, я решил послушать ваш местный подкаст, первый вылетевший в «iTunes», чтобы лучше познакомиться с городом.

– О май гад, кто знакомится с новыми городами через пердунскую болтовню? – ей Богу, хотелось замотать рот скотчем этой стерве, чавкающей очередной пластинкой «Тридент».

– Так вот, в студию позвонила старуха и представилась как Леди V.

– Я не думаю, что старуха будет перелазить через заборы чтобы ловко закинуть камень – дрожащим голосом заметил не на шутку напуганный Андрей. Он выхватил письмо из моих рук и нервно мял потенциальную улику.

– Старуха не стала бы на глазах у всего города вешать труп подростка – высказала Каролина и так очевидную гипотезу.

– Вспомните всех, кто может вас ненавидеть настолько, чтобы пойти на угрозы – обратился я к каждому.

– Ого, таких и не сосчитать – хмыкнула Алина, нервно взглянув на отводящего глаза Андрея, потупившего взгляд. Он никогда не опускал глаза вниз. Сегодняшний день стал переломным для всех.

Прийдя домой и поздоровавшись с родителями, я пробежал мимо гостиной и взбежал по скрипящей лестнице в свою комнату.

Закрыв глаза, я плюхнулся на кровать и с головой залез под одеяло. Стало темно. Непроглядная тьма, в которой виднелись капли крови на коже и гвозди пробивающие стопы и руки.

На теле проявились мелкие капли холодного пота. Пробежала дрожь. Мне стало невероятно холодно, будто сейчас, отбросив одеяло в сторону, я обнаружу себя на лысой горной вершине Мон-Блана, посреди которой одиноко стоит моя уютная кровать.

Я зажмурил глаза. С каждой секундой становилось ещё хуже. Я не способен думать и размышлять кто же мог оказаться психопатом, как в крутых детективах, где герой при виде трупа человека, с которым этим утром спокойно общался сидя за партой, спокойно щёлкает пальцами и называют убийцу, а трагедию пережевывает как мелкую семечку.

Пол закрипел: кто-то вошёл в комнату и не спеша подобрался ближе к кровати. Этот «кто-то» тихо сел на край кровати и положил тонкую руку на мою мокрую голову.

– Мне так жаль что ты это увидел – проронила моя мама, продолжая держать руку на голове – Первый день, а тут... – она вздохнула, словно пытаясь вобрать в себя весь воздух летавший по комнате. Я представил её лицо: она смотрит на

стены зелени слегка наморщив лоб и закусив нижнюю губу. Моя мама – вот кто был настоящей загадкой. Королева школы смогла стать заботливой мамой. Одев на себя корону на выпускном она думала что не снимет её до конца жизни. Возможно, иногда она её и не снимала, общаясь с окружающими порой грубо, бестактно и вызывающе. Бытует мнение, что братья (мой отец и дядя) специально выбирали себе жён, не умеющих сдерживать эмоции.

Моя мама по манере общения напоминала гламурную темнокожую репершу, каждое предложение проговаривала как дерзкий речитатив и умело обозначала роли окружающих.

Но она менялась. Весьма умело, кстати говоря. Заходя в мою комнату и сядя на краешек кровати она чувствовала себя как на проповеди и не могла лицемерить.

Когда-то, мама гордо надела усыпанную камнями корону и улыбаясь взглянула на своего короля. Рядом с ней махая всем рукой как принц Чарльз стоял мой отец. Самый популярный парень школы, вырастивший меня.

Сейчас их судьбы по виражам напоминали быстрые американские горки. Стоявший в толпе зажатый парень, которого местные задиры-мудаки вроде моего папы любили окунуть головой в толчок туалета превратился в олигарха. Красавчик-король стал трудягой среднего звена, за мешками под глазами скрывая многочисленные обиды на мир.

– Этот город опасен – проронила мама. «Мы должны

уехать отсюда» – я ожидал, что она скажет это и прикажет собирать вещи обратно в зелёный чемодан. Этого, на моё удивление, не случилось. Она лишь в очередной раз показательно глубоко вздохнула, встала с кровати и зашагала прочь – Спокойной ночи – ласково проронила она, после чего слышался хлопок двери.

Я остался один. Один наедине с тьмой и дрожью, окутавшей тело всё сильнее и сильнее.

«Да сохранит Бог твою молодую кровь» – отчаянный голос, кричавший изо всех сил. Загадочная старуха будто продолжала стоять над моей кроватью, взглядом просверливая белое одеяло.

Что она имела ввиду? Пустая фраза, проронённая из уст ночного кошмара начала играть новыми красками. Может быть тут чтобы выжить и вправду только Бог сможет помочь?

Я навязываю. Мне стоит расслабиться, закрыть глаза...

Ладонью я вытер стекающие капельки, смахнув их на покрывало. Поджав ноги под себя, я боялся расслабить их и дать вылезти из тёплого убежища.

Дрожь спала. Я провалился в сон.

Тёмная комната. Тонкое одеяло, под которым свернувшись в комок лежал потеющий подросток. Скрипящий шкаф то открывается, то закрывается сквозняком дующим из приоткрытого окна. Среди гор вещей, небрежно валявшихся в пыльных коробках, блеснули глаза, мрачная рука

приоткрыла дверцу.

Сладкое дыхание спокойного сна. Ни звука кроме размеренных вдохов спящего мальчика.

Мрачная тень вышла, и медленно наступив на пол вслушалась в тихий скрип под подошвой. Она застыла над недвижимым телом, улыбаясь стянув одеяло и осмотрев умиротворённое лицо, в блеске влажной кожи отбивающее свет луны, проникающий в комнату сквозь единственное окно.

Громкий звон колокола разлетелся по мрачной площади. Оранжевое небо, напоминавшее по цвету бушующий пожар. Тёмная жидкая грязь, в которой по лодыжку тонет моя ступня.

Я стоял в толпе, лица каждого в которой с интересом смотрели на развернувшуюся впереди картину.

Чёрные вороны кружили над головой, заглядывая тёмными как бусинки глазками в душу. Одна из них, под звучное «К-а-р-р!» села на деревянный столб, верхушка которого прослеживалась сквозь головы народа.

Она махала крыльями в разные стороны, будто призывая меня привстать на цыпочки и осмотреть столб.

Я по хамски хватаюсь за плечо стоявшей впереди незнакомки, её голову плотно скрывал белоснежный платок, и моментально возвышаюсь над всеми.

Перед взорами людей застыл крест, окутанный багровой кровью, капавшей вниз на чёрную грязь. Она медленно стру-

ится по тёмному дереву, выходя из тела закрывшего глаза тощего высушенного молодого парня.

Ручьи крови начинают течь быстрее. Словно тонкая паутина, капли охватывают всё тело несчастного. Они находятся в непрерывном движении, поглощая струями словно тонкими нитками бледную кожу.

Создавалось впечатление, будто они медленно твердеют. Кровь засыхала, превращаясь в темно-красный блестящий камень. Она образовывала на бледной коже глубокие ямы, словно железные цепи окутывали тело всё сильнее и сильнее. Казалось, вот-вот и струи крови разрежут тело на множество маленьких частей. Ужасное зрелище.

Несчастный распахнул глаза, первым делом непонимающим взглядом посмотрев на толпу, после чего наклонив голову взглянул на тело.

Тяжелые глубокие вдохи стали чаще. Его грудь то надувалась, то сдувалась как праздничный воздушный шар. С голубых чистых глаз рекой полились мужские слёзы отчаяния.

Толпа продолжала бесчувственно наблюдать за кровью, живущей своей жизнью.

Дикий громкий визг. Тонкий визг, заставлявший уши чувствовать себя как от ультразвука, которым секретное подразделение армии убивает врагов.

Визг напуганной свиньи. Это точно свинья, я узнаю эти звуки в любом случае. Узнаю, потому что испытываю дикую неприязнь к этому животному. Необъяснимая детская

фобия, от которой мне не удаётся избавиться на протяжении многих лет.

Да, ещё один страх, хранящийся внутри себя. Маленькие грязные безобидные существа, кажущиеся мне самыми чудовищными созданиями планеты.

Гребаная свинья продолжает орать.

Я продираю глаза, судорожно осматривая комнату. Белые стены залили ярко-жёлтые лучи восходящего солнца.

Свет, доносившийся из окна на целую минуту ослепил глаза, в непроглядной тьме которых танцевали тысячи огней после взгляда на солнце.

Прямо с омерзительным криком свиньи наступило утро. Новый день. Я надеюсь, он обойдётся без неприятных сюрпризов как прошлый.

Жирный желток медленно расплывался по моей тарелке, образуя ярко-жёлтое море, среди которого словно огромные круизные лайнеры плавали огрызки моего недоеденного хлеба. Порезанный белок напоминал острова. Жидкий кусочек справа – вылитая Новая Каледонией, а куски поменьше чуть правее – Борнео с едва заметной Суматрой.

Голова раскалывалась. Я чувствовал мерзкий звон в ушах, будто тот звук до сих пор громко звучал.

Странный сон. Будто я побывал в параллельной реальности, где вместо света небо горит пугающим оранжевым, а лю-

ди носят белые платки на головах.

Скорее всего, мои родители пережили не самую приятную ночь, как и я. Я даже представлял, насколько неприятную: каждый по очереди просыпался в собственном поту, вспоминая жуткое известие о убийстве. Идя вниз и скрипя дверью он будил другого родителя, в свою очередь продолжающего лежать с раскрытыми глазами и ждать пока первый родитель придёт с кухни издавая из своего рта аромат жирной салами. Дождавшись пока первый родитель заснёт на медленно высохшей простыне, второй родитель также идёт на кухню изучать внутренности холодильника. И так множество раз. **НЕСКОНЧАЕМЫЙ ЦИКЛ.** Я понял это по синим мешкам на глазах, добавляющим моим родителям усталого вида, и по гундосому тихому голосу, тон которого не смог задать даже кофе.

Интернет разрывался, окрасив свои просторы в траурный чёрный. Хэштеги «#молимсязаДавида» и «#чтослучилосьсАдрианой?» вышли в местные тренды Твиттера. Все постили одну единственную фотку Давида, доступную обществу: маленький клочок школьного альбома за девятый класс, посреди рамки которого виднелось пухлое уставшее лицо. Выставляя её все ставили хэштег и грустные смайлики.

Инстаграм взорвался. Люди выкладывали фото расчлененного тела, повисшего на кресте (зачем?). Администрация социальной сети и города быстро чистила все публикации, боясь напугать ещё больше и без того напуганных людей.

Мама молчала, смотря в окно и пережёвывая остывшую глазунью. Вот от кого, а от неё я не ожидал столь отстраненной реакции. Я видел картину, как только продрав глаза вижу собранный чемодан и лохматую напуганную мать «Уезжаем быстрее!», «Валим!», «Этот город проклят!» – короче, типичные представления о суетливых матерях, боящихся всего на свете. Но вместо своих фантазий я видел это: грустный поникший взгляд, крепко стиснутые губы, словно боясь что из рта вылетит неуместное слово; опущенный подбородок – кажется, она ссутулилась первый раз в жизни. Стройная осанка всегда выделяла её среди других перекошенных родителей. Должно быть, помогли занятия балетом в детстве.

«V» – всплыла перед моими глазами алая буква. От неё в разные стороны струились литры крови.

Возможно, главной причиной остаться был мой отец. Улыбаясь, он сидел с краю стола делая вид что город, где вчера убили подростка сущая утопия. А знаете из-за чего? Из-за того, что его зарплата тут выше чем в рыбацкой деревне в целых четыре раза. Он даже стал сидеть по другому: самодовольная, наглая осанка бизнесмена. Начал чувствовать себя по другому: ни как человек, чья рубашка жутко пропахла рыбой, а лицо похоже на то, будто пять минут назад у него умер кот. А как человек, который наконец начал получать удовольствие от жизни. Идеальный мужчина: напивая себе под нос мелодию из заедающей рекламы он быстро съел зав-

трак, пританцовывая выпил стакан кофе и напоследок чмокнул жену. Хотя у кого-то дела налаживаются.

Коридоры школы, из яркого шумного места встречи молодёжи превратились в тесную канистру с тёмной нефтью. Толпа стала сборищем траурных подростков, каждый из которых всем своим видом пытался показать, что скорбит. Для всех учеников имя «Давид» стало не тем звуком, после которого хихикнув стоило крикнуть «А, тот обдолбанный жирный еврей? Я видел этот видос». Для всех учеников его фотография стала не поводом для отпущения очередной пошлой шутки, а поводом чтобы сжать руки перед собой в искренней молитве. Вот так, лишь умерев на глазах у всех зажатый жирный парень стал горем города.

Его фото висело рядом с шкафом – всё тот же снимок из школьного альбома, где он печально смотрел в кадр будто вот-вот расплачется. Тот день он запомнил надолго, в отличии от довольных собой обидчиков из баскетбольной команды: перед фотографированием один из них толкнул толстяка лицом в противную грязь, реки которой мерзкой густой жижей текли у школы, с криками: «Мерзкие гадкие свиньи должны жить только так!» В то утро он где-то пол часа провёл над раковиной в туалете, пытаясь хоть как-то отмыть воющую жидкость.

И до сих пор, на висевшей тут фотке виднелись коричневые капли на воротнике серой кофты Давида. Всю жизнь

он был посмешищем, после случая на вечеринке превратившись в «популярное посмешище».

Сейчас же, над десятком горевших свечей и несколькими алыми розами склонилась почти вся школа, горюя за ушедшим навсегда. Лицемерили они – неизвестно, ведь как можно понять, толкал ли лицом в грязь Давида широкоплечий брюнет, сжавший в руках тонкую свечку и дотронувшийся до рамки фото, висевшего на железной дверце шкафа? Как можно понять, тыкала ли пальцем в растерянного ослепшего парня рыжая тонкая девчонка, по щеке которой медленно скатилась слеза?

Что можно сказать с уверенностью: каждый горевал по-своему. Кому-то жалко несчастного парнишу, кому-то страшно за своё тело, на котором сегодня же могут вырезать огромную букву. Вся школа превратилась в тёмное тихое море, в коем каждый склонив голову пребывал в чистом страхе. Каждый видел перед собой окровавленное тело. Каждый был в шоке.

Хотя нет. Не каждый. По всему коридору раздался стук длинных шпилек и шаги увесистых подошв. Мрачную толпу своим видом разбавляли нахальные мажоры, превращающие тёмную нефть в новогоднюю гирлянду. Подняв подбородок, каждый из них смотрел лишь в одну точку впереди. Выпрямив осанку, казалось, они хотели достать до потолка макушкой. Идя в одном ритме, одной и той же ногой они были словно клонированы с одного человека.

Серая куча людей рассасывалась, образуя тоннель для дефиле стабильной каждодневной сенсации.

Гордые ухмылки, довольные лица – они создавали интригу и скандал даже после смерти Давида, всем видом показывая насколько им хорошо.

На Алине обтягивающее чёрное платье с красно-зелёными полосками по бокам, на Каролине – ярко-розовый свитер с котом в паетках посередине, на парнях – толстовки и футболки с броской надписью на груди. «Гучи» – твою мать, я совсем забыл что сегодня за день.

Компания резво подошла ближе, продолжая ухмыляться, будто пару секунд назад они услышали постыдную шутку о моей персоне. Хитрые улыбки, словно шрамы, исказили лицо каждого (кроме Никиты; думаю, это и так ясно. Он выглядел ужасно.)

– И как вы это назовете? – с возмущением кинул я, уставившись на броскую кофту Кэр.

– «Как МЫ назовём»? – повторил Андрей, бегая глазами по моему телу – Где Гучи, брат? Ты не сможешь сидеть с нами за столом в этом! – пальцем он указал на мою скромную чёрную майку.

– Вчера, блин, произошло убийство, а вы думаете о Гучи и изо всех сил делаете вид будто вам посрать.

– Так нам и в самом деле посрать – удивлённо бросил Макс, не предавая привычки тарашиться на каждую проходящую в узких джинсах или мини-юбке. Каролина усердно это-

го не видела, или видела, но делала вид глупышки.

После равнодушной фразы Макс положил гигантскую ладонь на плечо Кэр (в сравнении с рукой Макса оно выглядело как плечо смурфика, придавленное лапой йети). Лицо блондинки поменялось, словно её резко ошпарило кипятком: она отклонилась от руки, глядя на неё как на разносчик проказы.

– Слушай, «господин здравомыслясть» – закатила глаза Алина.

– «Господин здравомыслие» – подправил я.

– К «господину здравомыслие» добавляется ещё и «мистер зануда» – продолжила она – Мы, скорее всего, единственные кто не боится выражать реальные чувства – она обвела рукой толпу, пялящую на наш спор словно смотря глупое ночное ток-шоу – Если мы и при жизни терпеть не могли пахнущего коровьим дерьмом жирдяя – после смерти мы не станем за ним горевать. Все в этой школе просто лукавят, оглянись! – вскрикнула она. Обернувшись, она начала обращаться к толпе, всё внимание которой и без этого было обращено на неё – Кто тут при жизни еврея не смеялся над ним? Поднимите руку, а?

Толпа замолчала, стыдливо опустив глаза в пол.

– Кто вообще считал его полноценным человеком, тут такие есть? – толпа всё ещё молчала, как собака, которую ругает хозяин за то, что она нассала ему в тапок – Вы ведёте себя сейчас как лицемерные жопы, думая что вы такие правильные. Каждый из вас – лжёт. И не надо делать из меня

дочь сатаны лишь из-за того, что я пришла на каблах в школу после смерти ученика – я только сейчас заметил, что она несла свои загорелые ноги на черных шпильках сантиметров девять в высоту – Вы превратили школу в похороны. Причём похороны человека, которого вы при жизни сравнивали с говном.

– Алина? – произнёс строгий женский голос за её спиной. Из кабинета на громкую речь вышла математичка, схватившись за живот, будто она и вправду беременна от рыбака из Ашана.

– Я всё сказала – закончила она, поставив жирную точку и обернувшись, увидя рядом с собой озадаченную учительницу.

– К директору – злобно произнесла она, продолжая держаться за живот.

Курс истории родины – был одним из тех самых предметов, которые были чересчур монотонны чтоб их ненавидеть, и чересчур скучны чтоб любить. Я с абсолютно странными эмоциями, описываемыми одним точным словом «никакие», зашёл в знакомый узкий кабинет формы треугольника и сразу же громко ахнул. Нелепый звук типа продолжительного «Ах-х-х!». Такие привыкли слышать от старух на грани маразма, но не от шестнадцатилетних пацанов.

Слава Богу мой прокол, в виде истеричного вздоха ужаса, никто не заметил.

Я посмотрел на два пустых места в третьем ряду. Одно из них принадлежало мне, а другое – человеку, которого буквально вчера распяли на кресте.

Оно смотрелось словно маленький уголок тьмы, медленно поглощая весь класс, точно если я там сяду – меня сразу же накроет чистый ужас. Странное чувство.

Я бросил рюкзак у парты, быстро сев на стул и зажав глаза. Я сидел рядом с местом мёртвого, и что с того?

«Стул – это стул, не стоит навязывать себе. Открой глаза и слушай урок...»

Я раскрыл глаза.

«Молодец. А теперь посмотри на доску, прочитай тему и попытайся расслабиться. Ты начал потеть, оу чувак, так ни одна чика не захочет познакомиться с тобой. Согласись, не одна чика не хочет знакомиться с потеющим параноиком. Это мерзко».

День Осеннего Возрождения – сегодня нашей темой будет праздник, с которым теперь у всех будут связываться ассоциации не только Большого Пожара, но и чистой паники, ужаса, страха...

– П-с-с, чувак – я помнил его голос. Он продолжал звучать в моих ушах, в то время как я смотрел на учительницу, ставшую посреди класса. Казалось, будто если я повернусь то увижу знакомое пухлое лицо, по которому стекают мелкие прозрачные капельки. Он хотел меня предостеречь

от них, людей которые сидя за второй партой смеясь проживают новый день не запоминая прошлый. Людей живущих только собой, людей живущих во взглядах десятков, сотен... Людей которым чужды эмоции. Он хотел меня предостеречь от моего же брата и его друзей.

– ... Если не хочешь быть выставленным на посмешище... – «На посмешище», «На посмешище» – эхо его голоса звенело в моих ушах. Запах чеснока. Запах его тела, далеко не самый приятный, он навис над моей партой будто Давид до сих пор тут сидит.

– Жуткая трагедия, которая поразила весь город... – учительница не успела договорить, презрительно взглянув на вскочившего с места молодого человека.

Я встал из-за парты, больно ударившись ногой и растерянно посмотрев на учительницу.

Шум, который создала моя невезучая левая нога отвлёк весь класс.

– Влад, Вам что-то мешает? – строго фыркнула она, обиженная на то что её лекцию грубо перебили.

– Да, простите пожалуйста, но я не могу сидеть за этой партой – историчка осмотрела класс, за минуту вынеся вердикт что свободных мест нет.

– Сядьте на место, как видите свободных стульев в классе нет – спокойно предложила она.

– Но я не могу сидеть тут – озадачено возразил я

– Я сказала БЫСТРО СЕЛ – завизжала она голосом как у

престарелого исполнителя шансона, или солиста хэви-метал группы – Твоим местом будет мусорник в коридоре, если ты сейчас же не сядешь и не заткнёшься – я подскочил на месте, словно в меня попала яркая громкая молния, и мигом сел.

Кажется, учительница истории весьма опасная фурия. Даже пугающая, чёрт возьми. Говорят, перепады её настроений похожи на виражи ролер-костеров: с отличием, что у неё оно всегда было плохим, переходя из плохого в сумасшедше-ужасное.

– Она просыпается с плохим настроением – объяснил мне Андрей после урока – Кормит злых, как она, котов, кусающих её пятки с плохим настроением. Едет в маршрутке с плохим настроением. Празднует день рождение, новый год, рождество, Хэллоуин с плохим настроением. Она сидела в утробе матери с плохим настроением. Она родилась с плохим настроением.

Она и вправду даже говорила будто зловонный скунс навонял под её носом.

Её жёсткие чёрные волосы всегда были взъерошены, создавая на голове картину форменного беспорядка, но когда она на меня громко накричала волосы взлохматились ещё больше.

Пересилив себя, весь остальной урок я старался не смотреть на место Давида. Кровавый крест сразу всплывал перед моими глазами когда я туда косился.

Нормально слушать урок не получалось: мои мысли заняты копанием в чудовищном убийстве. Кем настолько руководит месть, чтобы убить невинного подростка? Может быть это обычный сорокалетний извращенец, который решил вставить свою лепту в школьную жизнь, после очередного наблюдения за подростками из окна старого минивэна.

Моя фантазия разошлась, я даже представил его лицо: седая борода, глаза прикрывают солнцезащитные очки, купленные в отделе «всё до пяти долларов», во рту друг на друга облакачиваются стремительно гниющие коричневые зубы а волосы седеют с каждым днём всё больше и больше, скрывая настоящий возраст психопата и делая его более старшим на вид.

Но тогда зачем шизанутому мужику представляться женщиной? Старухой? Ха, должно быть маньяк-женщина найдёт больший отклик в обществе эпохи феминизма. Зачем угрожать моему брату? Чисто ради веселья, любой житель хотел бы помучать сына олигарха.

Сквозь свои теории я не улавливал слайд-шоу, которое учительница включила нам для более детального погружения в эпоху до большого пожара.

Довольные люди улыбались на чёрно-белых снимках, забыв вытереть со лба мелкие капли пота. «1901» – написано над мрачными слайдами. Рисунки карандашом, на которых изображён огонь поглотивший маленькие деревянные домики.

Безумная чехарда: фото жизни, на котором с серьёзными каменными лицами стояли жители сменялось рисунком пожара, в котором те самые жители бесславно погибли.

Учительница, облокотившись об свою ладонь скучая нажимала на кнопки ноутбука, зевая смотря на экран. Далее перед скучающим классом выплыло фото героя-спасителя-великого-легендарного Дилана Грина. Консервативный мужик в строгом костюме, штаны которого были явно малы. Аккуратная седая борода, будто выщипанная под линейку и меланхоличные глаза, смотрящие мимо камеры. Судя по дате, снимок был сделан в аккурат после смерти жены: британки с серьёзным приданным.

Сзади него начинались бескрайние жёлтые степи, на фоне которых стоял строящийся особняк.

Дилан был типичным представлением стандартного человека о строгом мужчине из Новой Англии, созданным словно по шаблону.

Стрелки часов, висевших над доской медленно подводили время к окончанию первого урока.

Послышался щелчок клавиши. Выплыло новое фото: старая ферма, напротив которой как небольшая гора возвышался стог сена. Недалеко расплылась лужа чего-то коричневого и омерзительного. Надеюсь, это не коровий навоз. Из лужи торчали острые вилы.

На переднем плане в три небольших колонны выстроились, видимо, работники фермы. Бедно одетые, как и полагается

тем кто трудится с раннего утра до поздней ночи. Невзрачные, серые, грязные. Их скучные взгляды и монотонные выражения лица не выделили бы этот кадр среди десятков таких же, что сегодня увидел класс во время уроков, если бы не одно загадочное «НО».

В третьем ряду, слегка встав на цыпочки, пыталась влезть в кадр женщина с до боли знакомым лицом. Я не мог её рассмотреть, но понимал, что где-то видел раньше.

– Извините, вы не могли бы приблизить фото к третьему ряду? – вежливо попросил я у скучающей учительницы, готовящейся к ожидаемому концу занятия.

– Ты меня сегодня вконец достать решил? – раздражённо фыркнула она, послушно приближая к третьему ряду кадр, немного покопавшись в функциях своего допотопного ноутбука.

Точно, мне не показалось. В кадре стола женщина лет шестидесяти. Грубое квадратное лицо, узкие сощуренные глаза. Я знал её. Прада, немного не в таком обличии.

Продавщица МаМа. Я не мог сам себе поверить, но я точно это понял. Стоя напротив фермы она выглядела младше, чем сейчас на лет тридцать.

Под фото была броская подпись: ферма Корнвальд, 1901 год.

– 1901 год... – тихо прошептал я, обратив на себя внимание сидевшей спереди блондинки.

Старухе чисто физически не могло быть (если предполо-

жить, что на снимке ей 60) сто восемьдесят лет. Это бред. Но в кадре стояла вылитая она. Та самая женщина, что вчера грубо выперла меня из заполненной котами лавки.

Это заметил не один я:

– Это же старуха из магазина! – крикнула девчонка с последнего ряда, указав пальцем на экран.

– Да-да, та, которая без проблем сиги продаёт каждому, даже первоклассникам – хихикнула неразговорчивая Сабина, обращаясь к своей подруге по группе – бледной блондинке.

Весь класс заполнился бурными обсуждениями, все узнали знакомое лицо местной психопатки-знаменитости. О лавке, воняющей кошачьим дерьмом тут слагали легенды.

– Может быть это её родственница – объяснила учительница, спокойно заметив неоспоримую схожесть.

– Такое сходство просто невозможно – сказал я – Она должна быть её сестрой-близнецом, чтобы хоть как то объяснить это.

– Так, успокойтесь все. Хватит шептаться! – крикнула Ангелина Васильевна – Это... это просто совпадение.

На меня загадочными глазами тарасилась женщина, жизнь которой можно было объяснить разве что бессмертием.

– Не может человек быть настолько похож – я не мог успокоиться, нагло закинув ноги на парту в классе экологии. Я вы-

брал этот факультативный предмет, и как оказалось не прогадал. Весь класс переместился на экологию в полном составе. Может, это было связано с тем что быть «асом» в жизни природы, зная сколько разлагается пластик в тропических условиях и чем питается дельфин при сильных течениях – это обалденно модно.

– Если тебя так тревожит эта старуха, то просто узнай что с ней не так – предложил Андрей – Хотя, это супер-глупо. Супер-пупер-дупер глупо.

– И каким образом? Завалиться к ней домой и задать вопрос: «Вам правда сто восемьдесят лет?» – иронично спросил я.

– Ну хотя бы начни с этого, я же тебя знаю как облупленного. Мой брат не успокоится, пока не узнает что не так с сумасшедшей старухой из вонючего магазина.

Я задумался, взглянув на ярко-зелёный плакат:

– Хочешь со мной? – предложил я.

– Нет брат, этим безумием занимайся без меня.

Всё это время Макс стоял рядом, уткнувшись в свой смартфон.

– Позови этого безумца – хихикнул Андрей, ударив своего друга по широкой и твёрдой как бетон спине.

– Чё? – подняв глаза спросил Макс.

– Хочешь вломиться в дом сумасшедшей старухи, узнав на самом ли деле она бессмертная? – пробормотал я

– Конечно – улыбнулся он, спустя секунду опять опустив

глаза в смартфон.

– Раз! Два! Три! Четыре! – громко отсчитывала Алина – Пять! Шесть! Семь! Восемь! – она свысока взглянула на последний ряд танцовщиц – Стоп! Стоп! Стоп! – громко крикнула она, перекрикивая новый латинский рэп-трек, вышедший на прошлой неделе – Это ни на что не похоже! Просто ни на что!

Вся задняя линия сразу же нешуточно напряглась. Они знали, что если Алина и остановила музыку, так это явно не к добру: это к жуткому крику и тонне унижений, следующих сразу за ним.

– Дорогая моя Альбина, выйди сюда – взглянула она на рыжую девушку в задней линии.

– Я Анжела – тихо ответила она.

– Мне плевать – грубо ответила Алина – Скажи мне, какое важнейшее мероприятие ждёт нас в конце сентября? А?

– Конкурс «Ай-Дэнс 2018» – уставившись в пол тихо ответила Анжела.

– Скажи мне, как я могу выпустить на сцену главного танцевального конкурса страны ЭТО – каждая из девочек, находившееся в зале с интересом наблюдала за тем как Алина потихоньку закипает – А теперь подумай, у нас тут девичий танцевальный кружок или драки сумо?

– Танцевальный кружок...

– Вот именно. Я хочу видеть от каждой женственность. Но

твой уровень танцев, как тебе объяснить, сойдёт только для танцев Леди-Боев в самом дешевом борделе Паттайи. Или может быть для шоу Драг-Квин, там привыкли смотреть на подобное уродство. Но сейчас ты просто в наглуую насилуешь мои глаза.

Каролина подошла к своей лучшей подруге и взяла её за плечо:

– Успокойся – шепнула она.

Но Алина не останавливалась:

– Изнасилование моих глаз – вот на что похожи твои омерзительные танцы. Ни страсти, ни пластики, ни секса. Ты танцуешь как заплывшая жиром кошатница, просидевшая всю свою жизнь дома, смотря телевизор и поедая пончики. Ясно?

Анжела кивнула.

– А теперь убирайся отсюда, и танцуй на кухне для своей мамки, которой также как и мне будет за тебя очень стыдно, Альбина.

– Я Анжела – всхлипнула она.

– Да мне насрать! – истерично завизжала Алина – Убирайся отсюда!!!!

Расплакавшееся девчонка мигом вылетела из зала.

Алина не любила когда в её танцевальном кружке халтурили. Она всегда реагировала на это визгами и унижениями, ведь это был только её кружок, трон который она иногда разделяла с Каролиной. Но не смотря на это, все мечтали оказаться на месте одной из танцовщиц. В этой школе это было

очень почетно. Все парни сходили с ума от девчонок танцующих там. Все глубоко убеждены, что там можно набраться женской красоты и сексуальности. И скорее всего, так оно и было. Танцы, поставленные Алиной добавляли девочкам уверенности и изящества.

Молчание в зале прервали чьи-то медленные саркастичные хлопки. Обернувшись, Алина увидела Андрея, своего любимого бойфренда.

– Обожаю смотреть на твои педагогические методы, просто кайф! – улыбался он.

– Андрей – агрессивность Алины будто рукой сняло, и она улыбаясь подбежала к своему парню, ловко вскочив ему на руки.

Самый популярный мальчик города и самая главная стерва города – типичная поп-пара, вызывающая у всех зависть.

Когда Алина зависая на руках Андрея начала показательно запихивать ему свой язык в рот, весь зал сразу же заполнился шепотками и обсуждениями.

– Как же меня это бесит – шепнула Алиса, местная видеоблогерша, своей лучшей подруге Еве, любительнице 90-х и знатному книжному червю (она ещё сыграет значимую роль в моей судьбе, вы увидите) – Показательно сосаться со своим парнем, у которого вместо мозгов половой орган, на виду у толпы. Сплошное шоу.

– И не говори – тихо чмокнула Ева – Когда-то эта Алина своё получит. Унижать каждого встречного и при этом вы-

ходить сухой из воды – это талант.

Популярность в этой школе синоним слова «ненависть». Обсуждать за спиной в этой школе кого-то – значит автоматически недолюбливать. По другому тут и не могло быть.

Если ты популярен, то значит что где-то за спиной тебе желают смерти десятки людей. Причём незнакомых. Это могут быть те, кого ты ни разу в жизни не видел. За то они каждый день по вечерам листают твою страницу в Инстаграмм и мечтают чтобы когда-то, когда ты высокомерно будешь идти в школу со своей подружкой-красоткой, тебя сбил автобус. Вот тогда у этих людей начнётся настоящая счастливая жизнь.

Макс вошёл в зал где проходила девичья тренировка и помахал девушке Каролине. К этой паре у общества было более сдержанное отношение. Ну а как может быть по другому?

Макс – целеустремлённый баскетболист, который всю свою молодость кладёт на достижение цели. Целыми днями тренируется и качается. Главная спортивная звезда школы. Гордость спорта всего города.

Каролина – пай девочка, которая никогда не смела нахамить кому-либо. Она всегда держала широкую улыбку на своём лице для каждого. «Добрый человек» – думали все окружающие. На самом деле это была философия родителей, заложенная в неё с самого детства. «Чем шире улыбка, тем больше денег» – говорила ей мама, заплетая косички. И это работало. В городе их компания имела шикарную репутацию, переманивая к себе ежегодно десятки спонсоров.

Макс, подойдя к своей девушке сразу же бросился целоваться. Но неожиданно для него, она сделала один шаг назад. Впервые за те полгода, что они встречались.

– Сейчас не время – улыбнулась она, отведя глаза в пол.

Ей не хотелось целоваться. Не понятно из-за чего. В её голове прочно засели прозрачные голубые глаза, тесно переплетающиеся в своём взгляде дерзость и грусть.

Валентин. Так его звали. Новая дилемма Каролины. Парень-загадка, появившийся в её жизни всего на пять минут, но успевший застрять в голове надолго.

Всё свободное время после уроков я нудно разбираю многочисленные пыльные коробки с моими вещами, пытаюсь хоть как-то вписать их в общий интерьер комнаты. Дизайнер из меня отстойный. Выглядело это всё как обычный не аккуратный подростковый бардак. Ну и пофиг. Обведя быстрым взглядом комнату я плюхнулся на кровать, взяв в руки книгу «Над пропастью во ржи», в которой после переезда знатно замялись корешки.

Я был у конца. Книга могла бы показаться до смерти банальной, если она не была бы такой жизненной.

«Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак». Чёрт, в этом есть своя доля смысла. Наверное, именно сейчас я чувствую это так сильно, как не чувствовал никогда. Хм, «над пропастью во ржи»... После по-

следней странички название заиграло по новому. Хоть и герой так и остался странным мудаком.

Обожаю лежать на кровати. Да, я знаю что мой возраст ещё не перевалил за семьдесят, чтобы любить это делать. Да, я знаю что в моём возрасте парни сбегают из дома, колятся и идут грабить банки. Но чёрт возьми, мне нравилось укутаться в белое мягкое одеяло и смотреть на солнце, медленно опускающееся за плотную стену елей.

Снаружи бродит убийца. Может быть, это тот кого я вижу каждый день в классе. Может быть, это старый седой педофил. Может быть, безумный религиозный фанатик. Всё может быть. Но как же я не хочу капаться в смертях. Быть детективом – всю мою жизнь это словосочетание казалось особенно заманчивым. Загадки. Опасность. Ощущение того, что твоя жизнь доверху набита поворотами, коих ты никогда не ждал.

В детстве я часто брал в руки бабушкину лупу, и после прочтения очередного тома «Братьев Харди» отдавался фантазиям. Сосед считал что соседский парниша чокнутый: «почему он залез на забор и думает, будто я опасный грабитель?». Одноклассники, теряя ручки и линейки под партами полагались на мой дедуктивный метод.

Тогда казалось, что встречать в неприятности и опасности – безумно круто. Настоящая жизнь – это жизнь наполненная приключениями.

Со временем это утверждение выползло из головы.

Передо мной, прямо перед самым носом разворачивалась покрытая мраком загадка. Страшная тайна, на которую все боялись взглянуть вблизи. Ни у одного человека этого города не хватало духу. Женщина, которая не стареет? Девочка, которая отчаянно пыталась убежать с места аварии? Распятый на кресте интернет-мем? Согласитесь, кому хватит отваги прикоснуться к стольким вопросам без ответа?

Впервые за жизнь мне не хотелось ни в кого играть. Я – обычный подросток. Я буду держаться на расстоянии километра от того треша что тут происходит. По канону жанра я должен всунуть любопытный нос в самую гущу. Не-а, не пройдёт.

«Вла-а-а-д» – протяжно, как сирена полицейской машины, завывала моя мама. Она хотела, чтобы я сходил за порошком.

«Порошок нужен так срочно?» – обиженно переспросил я.

А она такая: «А у тебя есть дела важнее?», а я такой «Ну я на кровати валялся». В общем, как не удивительно я нехотя выполз на улицу мечтая о тёплой уютной постели. Сам вид пустынной улочки городишки навивал жуть.

Солнце ослепило глаза, привыкшие к полумраку уютной комнаты. Птицы так горланили свои трели, что «пением» это явление не назовёшь. Они орали как в последний раз. Орали, будто секунду назад их подстрелили охотники. Орали, словно хотели мне что-то сказать.

Маленький воробушек пролетел мимо меня, чуть не вре-
завшись крохотной головкой в мой волевой открытый лоб.
Взмахнув крылышками, он поднялся ввысь и сел на телеви-
зионной антенне, торчащей из серой крыши нашего дома.

Ни одной живой души на улице так и не появилось. Пре-
красный уютный район, брошенный жителями, будто узнав-
шими о зомби-апокалипсисе. Ни одного соседа, который бы
мерзко сверлил какую-то дрянь во дворе, мешая окружаю-
щим. Ни ругающейся супружеской пары, кидающей в друг
друга посуду. Ни достающих детей, визжащих как не в се-
бя. Пусто. Лишь невысокие дома в два-три этажа, не смыкая
глаз наблюдающие друг за другом.

Да, моя фантазия одушевила их и сделала схожими на лю-
дей. У меня так часто. Может, я чокнутый. Скорее всего,
просто умею это не показывать.

Если бы дома тут ожили, они скорее всего стали офис-
ными планктонами, все разговоры которых сходились к рас-
суждениям о финансах. Они бы носили строгие серые вель-
ветовые костюмы, на которых часто цеплялась шерсть на-
зойливых кошек МаМа. По вечерам, они бы сплетничали,
ведь видели всё вокруг себя. Точно: опрокинув рюмку-дру-
гую скучные разговоры сменяли собой свежие сплетни.

Как обычно, поливалки напротив моего дома не умолкая
тархтели, опрыскивая ярко-зелёный газон, сделанный слов-
но из насыщенного изумруда.

Мой район был чистым, тихим, спокойным, но из-за этого

ужасно бездушным. Выверенные под линейку улицы, которые одна за другой оставляли на теле города серые полосы как у зебры. Невзрачные переулки, одинаковые дома, будто клонированные один за другим.

Никого. Лишь воробьи, прыгающие под летящими на них каплями. Они продолжали кричать, забыв о том что по идее должны мило петь, принося радость человечеству.

Этот ор прервала приятная мелодия. Какая-то птица отважилась начать издавать гармоничные звуки.

В клетке, висевшей над верандой старенького дома напротив взбунтовался яркий волнистый попугай. Казалось, что вот-вот и он взорвётся, ударяясь о стенки клетки и разлетаясь в разные стороны парящими в воздухе перьями.

– Тише – шепнул ему голос пожилой дамы. Только сейчас я заметил сидевшую в старом кресле чопорную леди, напомнившую строгую представительницу английского двора.

Очередной пожилой житель. В этом городе их более чем достаточно, что весьма странно. Из одной крайности возрастную статистику населения бросало в другую: тут, чаще всего, встречались ИЛИ подростки как я, ИЛИ пенсионеры как сидевшая передо мной женщина. Ни детей, ни студентов... Они тут были, но не в таком количестве.

Гордая старуха окидывала взглядом ухоженную клумбу перед своим домом. В её взгляде явно читалось: «О да, я ещё крута для своих лет», ведь двор был и вправду сказочный: яркие тюльпаны, которые словно повырвали с лучших Гол-

ландских заповедников и срочным рейсом привезли сюда. Рядом с ними улыбаясь застыли в разных позах стояли десятки маленьких милых гномов смотрящих на меня. Столько глаз, по идее, должны были веселить. Но меня все эти взгляды карликовых человечков весьма напрягали.

– Здравствуйте! – крикнул я, рукой махнув соседке. Этот жест явно лишний по отношению к старшему человеку. ОЧЕНЬ старшему человеку. Эхо моего голоса отбилося от домов, громко раздавшись по пустой улице.

– Подойди ближе, тебя плохо слышно – неторопливым тембром ответила старуха, голос которой звучал как у сорокалетней бизнес леди: слегка грубый, не слегка прокуренный, но очень уверенный и строгий.

Обойдя пышные клумбы и чуть не зацепив ногой гнома, дерущегося с жирной зелёной лягушкой и схватившего её за лапу (странная скульптура), я подошёл к крыльцу, наступив на первую ступень. Раздался звучный скрип. Доска под моей ногой просела на сантиметров пять, не меньше.

Попугай не замолкал. Он напугано кричал, раскачивая клетку в разные стороны.

– Тише-тише – продолжала успокаивать его соседка, распрямив замявшуюся у себя на ногах юбку дрожащими руками.

– Я Влад – представился я, слегка улыбнувшись. Знакомая с соседями непринуждённая улыбка обязательна, но чересчур расплываться в ней не стоило. Находить золотую се-

редину у меня получалось, судя по лицу старухи, которое медленно украсила широкая улыбка. Её зубы весьма классно сохранились, выстроившись в ряд и выглянув наружу – Я ваш новый сосед.

– Ах да – вздохнула она, словно тут же меня узнала – Я о тебе слышала. Приезжий мальчик.

– Слышали? – переспросил я.

– Да. Тут много болтают, знаешь ли. Люди любят болтать. Им это нужно – моя новая знакомая завелась как старая музыкальная шкатулка – Особенно в этом городе и в это время. Приезжий мальчик и обсуждения его личности хоть как-то могут отвлечь всех от страха.

– Неужели?

– Именно. Люди не хотят смотреть правде в лицо. Они хотят без конца молоть языками и сочинять новые сплетни. Ты же племянник Арсения, ведь так?

– Да... – проронил я, наблюдая за кривой улыбкой дамы, осматривающей меня своими резвыми глазами. Громкая музыкальная шкатулка на секунды умолкла, чтоб потом опять завестись.

– Может быть тебе понравится в этом городе. Может быть – своим строгим голосом продолжила она. Только сейчас я почувствовал как из её рта разит крепкими сигаретами – Я много путешествовала. Жила в Германии, плавая каждый день в купальнях Баден-Бадена, в Индонезии, провожая закаты Явы каждый вечер, в Австралии, кормя с ладошек кен-

гуру – в тембре голоса старухи звучало «О да, я несусветно крута» – Но я всегда возвращалась. Этот город как магнит, он манит назад. Каким захолюсьем он бы не казался.

Она причмокнула губами, переведя взгляд на попугая.

– И ты теперь один из нас. В тебе навсегда засел магнитик.

Прозвучало это как проклятие.

– Кстати: я Жанна. Жанна Аркадиевна.

– Очень приятно, Жанна Аркадиевна – проронил я встав с скрипящей ступени и готовясь попрощаться раньше, чем Жанна успеет опять открыть рот.

Не успел.

– Жанна, мне опять звонил тот напыщенный паршивец, ещё одна неуплата и мы будем ночевать в коробке от телевизора у вокзала – через дверь, скрипя старыми досками, на веранду вышел пузатый старик. От этой особи воняло перегаром. Сигареты и перегар, перегар и сигареты – их брак прекрасно друг друга дополнял, создавая уникальный аромат под названием «гниющая печень».

– Я думаю сейчас не лучшее время, Григорий. Ты посмотри, к нам пришёл племянник самого Арсения.

– Хм, Арсения говоришь? – на лице старика появилась ехидная кривая ухмылка, которой он явно стремился показать своё мнение о моём дяде. У него получилось. Местного богача тут ненавидели все, и я не удивлён что услышав имя моего дяди лицо старика скривилось будто на его пороге стоял самый ужасный человек мира.

Григорий переминался с ноги на ногу, продолжая скрипеть досками.

Посмотрев на старика, я понял что он был слеп: на глазах одеты чёрные очки, а передвигался он за счёт палочки, как у крота из сказки про Дюймовочку.

Облокотившись об трость, старик снял очки и я увидел, что на месте, где у обычных людей ВСЕГДА есть глазные яблоки, у него не было ничего. Просто пустота. Удручающее Н-И-Ч-Е-Г-О. Мне показалось что я видел его лысый затылок изнутри. Как вообще такое возможно? Я как человек, у которого всегда были хорошие оценки по биологии и сто процентная посещаемость знал, что такого в природе быть не может. А если и может, то это настоящий феномен. Мой взгляд застыл на глазах Григория, точнее, на месте где они должны были быть.

– Влад, я думаю ты, как приличный мальчик, должен знать, что это не прилично так рассматривать людей с дефектами внешности – осуждающе сказала Жанна, продолжая разглаживать юбку.

– Да не беспокойся, увидев мои глаза, точнее, ничего не увидев, любой будет пялить пол часа – хмыкнул Григорий, ещё шире раскрыв веки давая понять, что голова его пуста.

Что вообще?

Моя скула дёрнулась. Я представил себе что в его черепной коробке вообще ничего нет, как в надутым воздушном шаре. Скула дёрнулась во второй раз. Всё лицо заходило то

вверх, то вниз. Жанна это заметила, расплываясь дальше в своей хитрой улыбке. По одной лишь ухмылке было ясно, что эта женщина всю жизнь считала себя умнее окружающих. Хитрыми глазами она не переставала оценивать каждого проходившего по дороге мимо её крыльца. Она была в восторге, считая себя прекрасным садоводом, путешественником и просто человеком.

Попугайчик никак не закрывался, и пение, которое сначала показалось мне красивым, сейчас действовало на нервы и резало по ушам.

Дрожь, начавшая бегать по телу после взгляда на глаза старика, которых не было, не отходила. Я, отойдя подальше от скрипящего крыльца улыбнулся семейной паре в последний раз:

– Мне надо бежать, а то родители начнут волноваться.

–Пока Влад, храни магнит внутри себя с аккуратностью – пожелала мне Жанна. До сих пор её метафора с магнитом казалась мне странной.

Старик, одев чёрные очки смотрел совсем в другую сторону.

Я вышел с уютного двора и пошёл дальше по безлюдной дороге, взглянув на загадочную семейку в последний раз.

Встав с кресла, Жанна подошла к шатавшейся в разные стороны клетке и распахнула дверцу. На крыльцо вылетел желтоватый волнистый попугайчик, и взмахнув крыльями вспорхнул на крышу. Наконец он умолк. Лапами обхватив

водосточную трубу, птица повисла над клумбой и тёмными глазами размером меньше бисера смотрела мне в след. Какие умные глазки. Такие маленькие, но такие выразительные, будто вот-вот и он прокричит вслед прощание.

– Али, ты же знаешь зачем я пришёл? – обнимая свою девушку спросил Андрей, дыша ей в волосы.

– И зачем же? – игриво улыбнулась она, прекрасно зная, чего её бойфренд добивался.

– Я хочу увидеть обворожительней танец своей подружки – сказал он, подарив загорелому телу быстрый тёплый поцелуй, от которого на коже Алины проступили мурашки.

– И ты его увидишь, будь уверен – отозвалась она и вырвалась из объятий. Все танцовщицы её кружка продолжали наблюдать за диалогом самой популярной пары школы.

– Сейчас будет практика. Смотрите и поглощайте как надо танцевать, выдрочки – сказала Алина поставив первый попавшийся трек в её плейлисте. Это был быстрый зажигающий женский реп.

Она вышла в центр зала и начала двигаться. У неё это получалось идеально, будьте уверены – танцевала она как надо. Во время танца всё тело находилось в движении, от волос до кончиков ног.

Начала она свой танец с быстрых обворожительных движений бёдрами, подсмотренных у Ники Минаж. Взмахнув волосами (она так делала часто: специальный привлекающий

внимание манёвр) Алина упала на колени, продолжая соблазнительно двигаться.

Андрей стоял и не отрывал взгляда от этого приковывающего внимание танца, ведь он был именно для него. Девушки также замерли и внимательно рассматривали каждое движение.

В свои семнадцать Алина танцевала как настоящая королева танцев. На танцполе она ослепительна как и в жизни.

Дотанцевав она остановилась, напрашиваясь на аплодисменты. Как и предполагалось, они посыпались шквалом после последнего движения.

– Каролина, теперь давай ты станцуешь для Макса! – крикнула Алина, вытаскивая свою подругу за руку на танцпол.

Каролина неуверенно стала посреди зала, ожидая когда включат музыку. Ей попался более медленных поп трек. Взмахнув своими светлыми волосами, Каролина встав спиной к Максиму начала медленно приседать, максимально оттопыривая свою объемную гордость сзади.

Как и подруга, она танцевала как мастер: безудержно и вызывающе ослепительно. Закрыв глаза она представляла как на неё смотрят миллионы восторженных взглядов, желающих её одну. И это чувство вдохновляло. Танцевать для двух подружек – любимое занятие.

Раскрыв глаза и поймав на себе азартный взгляд Макса, в котором она ясно прочитала увлеченность, что-то перемкну-

ло внутри Каролины. В мыслях резко промелькнули загадочные глубокие глаза, в которые она вчера всматривалась. Валентин плотно застрял в её голове. Лысый парень, образ которого вспоминался частями. Нахальная ухмылка. Грустные глаза. Сильные накачанные руки, сквозь рукава тёмной кофты просматриваются пухлые синие вены. Каждая его часть запала в её сознание. Она помнила всё до малейших деталей. Все эти части собрались в один неотразимый пазл, вставший перед глазами чётким миражом.

Не дождавшись окончания музыки Каролина резко остановилась, взглянула на удивленную толпу и вышла из зала.

Провожая её взглядом, никто и слова не смог проронить от удивления.

Музыка продолжала играть. Толпа замерла, смотря вслед блондинке.

– Я совершаю ошибку – шепнула Каролина, хлопнув дверью.

Тишина.

Ровно ноль машин проехало мимо меня за время променада в магазин.

Увидя серое старое здание «Лавки у МаМа» я ускорил шаг. В нос ударил резкий отвратный запах ссанины. Он вылетал наружу через каждую щель, каждую трещину, коими полностью усыпана стена дома.

Мне не хотелось заходить внутрь и покупать там моеющее.

Просто не хотелось и всё тут. Магазин оставил чертовски плохое впечатление, так что увидев потрескавшуюся вывеску я отвернулся, решив не жалеть себя и пройтись к супермаркету. Ну и что, что Гугл карта показывала «15 минут пешком» до магазина. Ну и что, что в городе орудует убийца а на улице ни души.

Поливалки. Птички. Серые дома. Поливалки. Птички. Серые дома. ПОЛИВАЛКИ. ПТИЧКИ. СЕРЫЕ ДОМА. Этот район до ужаса напрягал. Я попал в пустыню однообразных серых сооружений, лабиринтом окружающих меня.

Кажется, тут вполне реально медленно начать сходить с ума. Ни звука. Ни души. Форменный вакуум.

Я прошёл мимо старого заброшенного здания, окна которого плотно закрыты деревянными досками. Из них в разные стороны торчали острые гвозди.

Изрисованный уродливыми граффити, пахнущий огромной свалкой и выглядящий как удручающая руина дом портил своим видом ряд аккуратненьких одинаковых домов. Словно хулиган-панк в толпе банкиров. Чёрный, словно его стены пережили ужасный пожар. По яркому красному «BANKSY», написанному краской над главным парадным входом, можно понять что заброшенное здание служило пристанищем для наркоманов, гопников, любителей заняться сексом в Богом забытом месте и прочих противоречивых молодых людей, которых тут называли одним собирающим словом – «отбросы».

На крыше, от которой с каждым днём отпадало по одной черепичной плитке, сидела тёмная ворона, смотревшая вниз. К ней медленно подлетала вся её семья. Одна, вторая, третья... Их становилось всё больше, пока целая стая не заняла крышу заброшки.

Я остановился, всматриваясь сквозь доски внутрь дома. Наверное, то самое место про которое местные ребятишки сочиняют страшилки. В маленьких городках такое любят.

Именно тот самый загадочный «дом монстр» из классических ужастиков. Я прям видел, как из его дверей, над которыми выведено банальное «BANKSY» большими буквами, выбегает ребёнок одетый в белую уютную пижаму. За ним ещё один мальчик, догоняющий братика. За этим всем, улыбаясь и попивая чашку чая наблюдает мать, которую в фильме, скорее всего, сыграла бы Николь Кидман. А за мамой, которая наблюдает за детьми наблюдал бы фантом, который в конечном итоге всех бы убил. Конец. Все фильмы про дома с приведениями заканчиваются так. По телу пробежала дрожь. Со стороны я, должно быть, смотрелся как психопат. Парень, уставившийся на вонючую развалюху и фантазирующий о семье, живущей там раньше. Хорошо, что наблюдать за мной некому.

Наверное.

Высокие тёмные стены дома скрывали за собой просторный двор, с которого стаями вылетали десятки ворон.

Тишина. Только карканье.

Резкий крик, перебивший тишину и испугавший ворон.

– Помогите!!! – напугано кричал голос. Детский голос. Голос мальчишки – Помогите пожалуйста!!!

Мольбы о помощи эхом раздались по пустой улице. Я был один. Один с терзаниями: идти ли на крик, когда по городу разгуливает убийца?

– Помогите!!!!

Стоит ли рисковать, ради незнакомого ребёнка?

– Помогите ПОЖАЛУЙСТА!!!!

Неужели никто не может прийти на помощь? Оглянувшись, я точно понял что никто.

– УМОЛЯЮ!!!!

Может вызвать полицию? К времени их приезда ребёнку не понадобится помощь.

Вдох. Выдох. Я пересилил себя, смахнув ладонью пот проступивший у начала волос.

Крик доносился с заднего двора развалюхи.

Спиной я прижался к стоящему у забора толстому дубу. Кажется, я был незаметным.

Посреди густо обросшего высокой травой и зелёным мхом двора мелькали знакомые лица: хулиганы с концерта. Те самые «АДИДАСЫ».

Стоя посреди зарослей высоких сорняков два парня в чёрных костюмах выворачивали руки мальчику, которому максимум можно было дать одиннадцать.

Пухлый и безобидный паренёк, тот самый типаж ездящего на четырёхколёсном велике и жующего жирную булку с корицей ребёнка.

По щекам мальчика вниз сбегали слёзы. Его лицо плотно прижато к высокому муравейнику, кишашему крупными быстро бегающими муравьями. Где-то с десятков владельцев муравейника запрыгнули на детское лицо, топчась мелкими лапками по пухлому телу.

– НА ПОМОЩЬ! – завизжал мальчик, пытаясь вырваться из хватки хулигана. Всё его тело плотно покрыли маленькие насекомые, заставляя изворачиваться как кота, по которому бегают блохи.

– Закрой свою хавалку, притырок малолетний – сквозь зубы бросил обидчик. Рыжий парень с волнистыми волосами. Лицо его плотно укрывали мелкие веснушки. Увидя такого на улице, можно сказать что он увлекается бабочками, или собирает талончики от трамвая, но никак не задирает младшекласников. Такие, обычно, сами оказываются предметом насмешек. Видимо, он решил опередить закон социальной пирамиды.

– Жри муравьев!!! – выкрикивал он, труся густой шевелюрой как в рекламе «Pantene». Одна лишь фраза вызывала у меня устойчивую неприязнь к подонку.

Ненависть. Он будто бы проникался чистой ненавистью, наслаждаясь криками. **Наслаждение.** Ему нравилось наблюдать за тем, как огромные муравьи бегают по шее маль-

чишки. **Жестокость.** Он даже глазом не моргнул, слыша мольбы о пощаде.

Гандон.

Его напарник, абсолютно не выразительная блеклая тощая личность выполнял роль ассистента. Он прижимал лицо мальчика всё сильнее и сильнее к земле, наблюдая за бунтующими насекомыми. Они в ярости. Их убежище, которое выстраивали сотни живых существ грёбаных три года разрушено. Уничтожено одной пухлой щекой.

Обкусать с ног до головы разрушителя им мало. Они хотели обгрызть его косточки, съесть и оставить пустое место от молодого тела.

Видимо, они уже начали приводить в исполнение свой ужасный план мести.

– Ай!!! – вскрикнул мальчуган, вскочив и ударившись головой о подбородок рыжего.

– Жри их! – у гандона заела одна фраза. Создавалось впечатление, будто никакого другого словосочетания кроме «Жри муравьев!» он не знает – Жри! Жри! – рукой он обхватил лицо паренька, пытаясь вручную разомкнуть челюсть.

Я молча наблюдал за ужасной картиной, правой ногой наступив на деревянный сучок, треснувший под подошвой. Хулиганы не услышали. Они чересчур заняты унижением.

Им нравилось это, они получали удовольствие наблюдая за конвульсиями паренька. Это пугало. Они были одержимы.

– Не хочешь жрать, мы тебя накормим – хихикнул рыжий.

Такому хохоту позавидовал бы сам Джокер. Он взглянул на напарника, крикнув – Помогай!

Гандон номер два вцепился руками в крепко сжатый рот и распахнул его. С глаз паренька бежали слёзы.

Рыжий взял несколько муравьев в руку, сжав её в кулак. Немедля, он закинул ползающих озлобленных тварей в рот мальчика.

Гандон номер два отпустил руки. Челюсти бедолаги крепко сжались. Он стал кашлять, сев на корточки и пытаясь выплюнуть насекомых.

– Ну и как они на вкус? – улыбнулся рыжий, наклонившись к жертве – Готов к второй порции? – мальчик попытался вырваться, на что хулиган грубо его оттолкнул, дав телу упасть на кишашую муравьями землянку.

Дуэт психов расхохотался, смех эхом прокатился по пустынному двору.

Вторую порцию я не смогу перенести. Даже и боюсь подумать насчёт паренька.

С надеждой я выглянул на улицу, в очередной раз убедившись что она пуста.

Гандон номер один собирал новую охапку муравьев.

Делать нечего.

Вдох. Выдох.

Я вышел из-за дерева, громко крикнув:

– Эй, рыжий! – хулиган машинально выпустил из рук насекомых. Они в свободном падении полетели вниз – Отпу-

сти парня!

– А ты у нас из фонда защиты неполноценных жирных детей? – улыбнулся он, осмотрев внезапно выросший перед собой силуэт.

– Я из фонда уничтожения конченных рыжих мудаков – о да, не плохо я это сказал. «Рыжих мудаков» – пафосненько.

– Значит, мне придётся засунуть в твой рот парочку таких же мелких злых засранцев – он продолжал улыбаться, показательно закатывая рукава чёрной кофты, пронизанной, как стрелами, несколькими белыми полосами. Противник готовился к бою, пытаясь хоть чуть-чуть напугать меня, забывая о том, что он выглядел как ирландский малыш, тело которого выросло, а вот лицо не менялось с двух месяцев.

– Оу, рыжик, я засуну муравьев в твою наглую жопу намного раньше, чем ты подойдёшь ко мне – о да, сегодня я был хорош. Мой пафосный рот извергал крутые фразы со скоростью главного персонажа боевиков из девяностых. Я чувствовал себя Эшем в третьей части «Зловещих мертвецов». Как он там говорил? Точно, «подсласти мне губки, детка», «увидимся на том свете».

Рыжий рванул на меня, начав размахивать несуразными кулачками в разные стороны. Если я не ошибаюсь, он на года два старше меня. Учился в выпускном классе. И на что я рассчитывал? На то что резко стану невероятно сильным за несколько секунд?

В детстве я три года ходил на дзюдо. Вообще, я много куда

ходил. Моя жопа, желающая уметь всё мелькала везде.

В том кружке, сэнсэй одетый в белое кимоно учил детей заученным приёмам. Я не уверен что в моей памяти хоть что-то отложилось. Зато, я помню как считать по китайски. Или японски. Или корейски. «Ич... Ни... Сан...» – ...далее не помню.

Спустя секунды рыжий был передо мной, одной улыбкой говоря: «Тебе полная жопа, готовь рот к муравьям». Замахнувшись, он сделал первый удар и сам того не ожидая промахнулся.

Я уклонился, резко сбив его с ног одной подсечкой. Твою мать. Опыт остался. Я на механике отработал заученную в восемь лет комбинацию. То самое чувство, как в фильмах про супергероев, где обнаружив свои силы впервые главный герой стоит пол часа смотря на руки и кивая головой. Во всех супергеройских фильмах есть такое. Такое же чувство было у меня, я смотрел на свою левую ногу и совсем позабыл о напарнике хулигана.

Парень ринулся с места. За секунды, след мальчишки «булочка-с-корицей» простыл, оставив разбомблённый муравьиный город после себя. Рыжий, не медля встал с земли.

Именно тут, я понял что пора делать ноги. Обернувшись, побежал к углу здания, краем глаза видя как по дороге пронёсся красный экономный жук. Чёрт.

Почти выбежав на большую дорогу я отключился. Из угла заброшенного здания выбежал рыжий, прям мне на встречу.

Секунду назад он не спеша вставал с земли и подбирал сопли. Как такое возможно? Кажется, с такой скоростью не бегают ни один олимпийский чернокожий бегун.

Мистически быстрый рыжий долбанул меня с такой силой в живот, что сделав последний вдох я плюхнулся на твёрдую землю, потеряв сознание.

«20 ноября 2017 года

Привет, дорогой дневник.

Я думаю ты знаешь, что сегодня за день. Ты должен помнить. Каждый год, приходя со своих «невероятно весёлых» вечеринок я открываю твои слипшиеся страницы, воняющие похуже чем пот недомытого задрота и записываю свои эмоции. Почему бы не купить нормальный скетчбук, по типу тех, что носят наши девчонки подмышками подмигивая парням и вставляя себе огрызки туалетной бумаги в лифаки? Хороший вопрос, но ты пока радуйся, что в тебе делает записи шестнадцатилетняя девчонка, а не старый обезумевший чернокнижник.

Вести блог было плохой идеей. Почему? Да потому что он никому нахрен не сдался. Может, это даже к лучшему, ведь увидев моё гневное письмо, в котором я пытаюсь втолдычить в бошку Никиты все прелести фрэндзоны, он бы разозлился на меня на всю жизнь. Он никогда не понимал суть этого простого слова из пяти букв: Д-Р-У-З-Ь-Я. Смысл же ясен? Ясен.

За день до моего треклятого СДСДР (скучного до смерти дня рождения), когда мы делали у него на кровати математику он попытался чмокнуть меня. Даже не чмокнуть, как бы объяснить, по жесткому «отчпокать». Как я поняла, что меня хочет лучший друг с трёх лет? ХЗ. Ты бы тоже понял.

Самое страшное, что он мне походу тоже начинает нравиться. Я не могу это объяснить. Он похорошел, переродившись из маленького упырёнка в возмужавшего, чуть-чуть привлекательного упыря. Но это всё равно мерзко, думать о том что между нами что-то может быть. Это как представлять, будто целуешь в засос своего младшего братика. Сродни инцесту. Фе-е-е-е!

Итак, мой СДСДР. Тут всё без сюрпризов. Был заказан столик на десять мест в кафешке, пахнувшей как бордель (серьёзно, там впрямь пахло влагалищем), оно убийственно скучное.

Понятное дело, пришла хренова тысяча людей имён которых я не знаю и знать не желаю. Им всем за тридцатник. Вот это вот настоящий провал.

Мамины подружки лезли мне в глаза как спам-реклама в гугле. Знаешь что подарили мне эти сучки? Книжку «Серьёзный разговор с девчонкой об ЭТОМ». Об ЭТОМ, КАРЛ!!!

«Во время первого попадания полового члена в вагину, девушка испытывает неприятные ощущения». ДА ЛАДНО БЛЯ! Это то же самое, что подарить футболку с надписью

«Я аутистка, помогите».

Был один папин друг. Дядя Рома в первые десять минут (как всегда) рассказал тупой анекдот про секс и чукчу, после чего все мамыны сучки смотрели на него как на заражённого вирусом Эбола.

А теперь главная новость дня. *Барабанная дробь*. Без чего не обходится ни один СДСДР Адрианы? Свечи на торте? Хрен. Песня «happy birthday» хором? Хрен. Истерика и пинок матери, слетающей с катушек? БИНГО.

На этот раз схема потерпела изменения: ЛП укусила меня своими зубами, стоявших семье три месяца моей учёбы в колледже. Зубы целы. Кожа моей руки – нет.

Что ты предлагаешь? Снять слепок укуса и идти к копам? Уже пыталась. Не вариант.

Прийдя в своём любимом гнусном пиджаке, который она будто украла у лежавшего в Нью-Йорском метрополитене бомжа, моя любимая маман делала всё, чтобы понравиться своим сучкам. У неё всё получалось. Образ паиньки-умнички-Адрианы стоял на режиме «ON», до тех пор, пока одна из сучек не услышала то, что ей стоило услышать.

Короче говоря, что паинька-Адриана сказала назойливой стерве – не важно.

Важно то, что после моей реплики ЛП повела меня в одну из кабинок пахнувшего так же, как и кафе (немытой вагиной) туалета и вымолвила:

– Что ты себе позволяешь, идиотка конченная? Ты хоть

знаешь КТО она?

Она схватила меня за руку, вцепившись в кисть своим длиннющим и безвкусным маникюром. Маникюры у неё всегда ужасные были. Как и её факт существования в целом.

Я стала вырываться под звуки:

– Ты мне всю жизнь отравила одним своим рождением – и про себя петь «Happy birthday to you!» в голове танцую джигу-дрыгу.

Ненависть, что прилила в её глаза надо было заснять на камеру и выставить в Лувре с табличкой: «Злая и ненавидящая всё тупая сука». Закончилось это всё тем, что она меня укусила. Со всей силы. Сначала за шею, быстро, как комар, а потом за руку, как кровопийца-вампир, только если бы он был безумной тупой сукой.

А теперь без шуток. Моя мать переходит все границы. Однажды, она просто может взять нож и долбануть туда же в шею. Она способна на убийство своей дочери. Клянусь, даже глазом не моргнёт.

Так что, дорогой дневник, не удивляйся, если мой труп где-то через годик будет найденным лежащим в своей же крови где-то в самой отбитой залупе этого места. Надеюсь, ты дашь показания полицейским, сказав что АДРИАНУ НА САМОМ ДЕЛЕ ЖЕСТОКО УБИЛА МАТЬ.

Хах, не пугайся. Я же шучу.

С днём рождения меня!

Спокойной ночи»

Глава 4 #КукольныеДомики

Я открыл глаза, глянув в потолок. На улице стояли просвещаемые несколькими фонарями сумерки.

Там, у уютных деревянных стульчиков и небольшого пахнущего гарью мангала пел с десятков неугомонных сверчков. Может быть именно они меня разбудили?

– Влад? – с надеждой бросила мама, обхватив нежной ладонью мою руку. Всё это время, что я лежал в отключке она была рядом. Она всегда была рядом.

Я посмотрел на неё. Доброе, милое лицо, искренние глаза, на которых виднеются мокрые капли, смотрят прямо на меня. Даже в темноте, над ней будто загорелся яркий светлый нимб. Мой ангел-хранитель. Сейчас она казалась мне лучшим человеком в мире. Хотя, это предложение лучше писать без «казалось».

Она продолжала сжимать мою руку, но болью это чувство назвать нельзя было. Я чувствовал тепло человека, любящего меня всем сердцем. Её сердцебиение, проносащееся по венам.

Я поднялся, сев на край кровати рядом с мамой.

– Что случилось? – протерев глаза спросил я.

– Ты не приходил с магазина почти сорок минут, не отвечал на телефонные звонки, я отправила отца пройтись посмотреть где ты. Он нашёл тебя лежащим у заброшенного

здания. Ты не хочешь рассказать что случилось?

– Я просто подрался с гопниками, мам.

– Подрался? – недоверчивым тоном переспросила она, ослабив хватку и разжав кулак.

– Ну ладно, меня побили.

– Надин мне рассказывала, что тут таких шатающихся без дела огрызков навалом. Она говорила тебя предупредить. Я пол часа слушала рассказ о том, какие опасные парни в «адидасах».

– Я вообще, кинулся ребёнка защищать – похвастался я, вспомнив свой героический подвиг. Подняв подбородок я дерзко кинул: «Эй, рыжий!», и вообще всё шло как по маслу, если бы... Если бы он не телепортировался за секунду выйдя из-за угла передо мной.

– Врёшь – улыбнувшись бросила моя мама.

– Нет, эти козлы скармливали ему огромных муравьев

– Муравьи не могут быть огромными – хихикнула она –

На то они и муравьи.

Я встал с места, схватившись за живот. Казалось, будто в него засунули тяжелейший камень, заставляющий меня согнуться и схватится за пресс, на котором виднелся красный след от кулака рыжего «адидаса». Хотелось вырвать.

– Посмотри на себя в зеркало.

Подойдя к двери и обратив внимание на своё жалкое отражение, я сразу же обратил внимание на лоб. На нём чёрным маркером крупными печатными буквами было выведе-

но «ХЕРой дня». Именно через «Х».

– И почему же ты это не вытерла? – рассмеявшись спросил я.

– Я пыталась, но не получилось, попробуй смыть надпись в ванной с мылом и вазелином.

Я зашёл в свою личную ванную комнату, пронзительно скрипящая дверь от которой находилась слева от входа в спальную.

Мама осталась сидеть на моей кровати с жалостью смотря в след. Ненавижу, когда на меня смотрят с жалостью.

Выглянув в окно, которое перекрывали густые ветви росшей рядом сосны, я открутил кран, повисший над белоснежной широкой ванной, и открыл горячую воду.

Сняв с себя футболку и шорты, я медленно стал залезать в маленькую лужицу горячей воды, обжигающей мне пальцы. Они покраснели от резких ощущений, я присел, ожидая как вода полностью укроет тело.

Я был уставшим. Поникшим, быстро смотря на себя в зеркало и улыбаясь, делая вид что всё хорошо.

Ничего хорошего не было.

Девы – «Заядлые оптимисты, которые способны видеть хорошее даже там, где его нет». Лживый гороскоп в очередной раз нагло соврал.

Резкие перемены настроения. Их я чувствовал совершен-

но редко. Сегодня был тот самый случай, когда после болезненного удара рыжего гопника мне хотелось с головой уйти под воду и не вылезать. Я хотел спрятаться. Это место странное. В нём сквозила тайна.

Жуткие надписи прервавшие слайд шоу. Загадочное видео. Чёртов труп распятый на деревянном кресте. Гопник, бегавший со скоростью гепарда или имевший брата-близнеца, ожидающего за домом.

Это всё удручало. Со всех щелей тут сквозило неуловимое ощущение опасности, видимо, принесённое первым холодным осенним ветром.

Моё тело было полностью в горячей воде, наслаждаясь высокой температурой и не замечая, что вода начинает меня легонько обжигать. Я опустил в неё с головой, взяв в руку мыло, потом попытался стереть своё клеймо. Статус, читаемый буквально по лицу. «ХЕРоЙ дня» – что же, весьма остроумно как для городских гопников-бродяг.

Я задержал дыхание, пытаюсь остаться под водой подольше. Тут так убаюкивающе тихо.словно в безвоздушном вакууме. Все мысли восстанавливались в единую кучу. Мне стало лучше, словно после короткой регенерации.

Такие смены настроения – весьма странное явление моей жизни. «Клик!» – и всё снова хорошо. Я снова примерный мальчик-подросток, улыбаясь шагающий по городу.

После душа я решил плюхнуться на кровать, уютно уло-

жив голову на воздушную подушку, а в руках над собой держа телефон.

– Чего не отвечаешь, упырёныш? – в Ватсап мне писал мой старый лучший друг Алексей, которого я забыл как самый последний гавнюк. Я фиговый друг.

– Хэй – ответа долго ждать не пришлось. Он подключился меньше чем за тридцать секунд.

– Хэй. Я заждался описаний богатой жизни твоего брата. Ты уже ел роллы с сисек китайской модели?

– Не-а, пока что мечтаю. А как продвигается батл за блондинку из старшего класса? – с улыбкой на лице я вспомнил как во время видеозвонка он мне рассказывал за свою новую любовь. У него она обновлялась стабильно раз в день.

– Что за блондинка? А, та у которой грудь меньше чем твой кулак?

– У меня ОГРОМНЫЙ кулак.

– Да, наверное больше чем у неё грудь. Ты видел новый прикол? Дух, который пишет всем угрозы в ВатсАп. Это очень крипово. Он мне написал что всё про меня знает.

– И что же?

– Что я сорокалетняя домохозяйка живущая вместе с коровами в ферме посреди поля. Безошибочно.

– Мне хватает криповости тут. Вчера во время концерта весь город увидел распятый труп.

– ТРУП?!?!?? Подробнее, это круче чем жрать роллы с азиатских сисек.

Я не хотел описывать вчерашний вечер. Каждый раз, вспоминая его я содрогаюсь, словно моё тело резко охватывает холодный ветер.

Я просто закрыл ВатсАп и вышел из переписки. Я хреновый друг.

Зайдя в Твитер в ленте оказался пост Каролины, которая в сети себя озаменовала @karolinka_babydoll. Розово. Ванильно. Гламурно. Как и полагается.

В пост она вставила стих Есенина про одиночество и бестолковую любовь. Не думаю что она отважилась его прочитать до конца.

Пост уже набрал триста лайков и более пятидесяти комментариев плана: «Детка, почему ты загрустила?», «Красотки не плачут» или «Мне сегодня приснилось что ты меня зафоловила. Мечты...» – фу. Местная звезда, по влиянию в социальных сетях дающая тут фору Кайли Дженнер и Селене Гомез.

– Хэллоу, я жду подробности про труп.

Сверху бело-синего фона показалось быстро всплывшее уведомление.

– Были ли у него выпущены кишки?

– Он был реально распят как Иисус?

– Алло, господин МОРОЗ, включать свой мерзкий мороз будешь на богатого братца, как только вылижешь грудь азиатки от васаби.

Если бы Алексей был нормальным человеком, в каждом

его СМС была бы тонна гневных смайликов. Фиолетовые чертята, смотрящие прямо в душу. Но он никогда их не ставил. Его фишка: сухо и без красок.

Я открыл ленту @karolinka_babydoll в Инстаграмм. Селфи, селфи, полный рост, селфи, селфи, селфи с Максом, полный рост. Она обожала себя больше всего в жизни. И почему бы не обожать? Идеальная фигура, белые волосы и ноги, созданные как по заказу. Девочка-идеал. Обычно, такие имеют характер похуже чем у жены дьявола. Похуже, чем у всех вместе взятых бестий греческих мифологий. Такие как она чаще всего сучки по жизни: прямолинейные, высокомерные и неприступные, как Алякатрас.

Но она была другая, или хотела быть другой. Она пыталась угодить всем, начиная от идущих мимо прохожих и заканчивая своими друзьями. Маска ангела, каким-то образом затесавшегося среди компании чертят, никогда не снималась с неё.

Самая популярная девчонка в школе и в социальных сетях, даже самые нелепые и странные её посты были интересны всем окружающим и собирали кучу актива. «Ты видела что она вчера выставила?», «О да, я в полном восторге от её нового купальника», «Вы видели новый Твит Каролины? Он такой остроумный», «Говорят, после вчерашнего чек-ина прибыль ресторана «Киото Суши» возросла в два раза», «Мне кажется, на последних фотках чаще всего она использует фильтр С3. Это точно С3» – миллионы мнений,

обсуждений, догадок и прочей чепухи исходило от всех её фолловеров.

Настоящая звезда социальных сетей, за жизнью которой следила куча незнакомцев. Весьма жутко, если задуматься. Они комментировали её эпиляцию, высказывали свои пожелания по поводу её личной жизни и следили за тем, какую канцелярию она выбирает к новому учебному году.

Раз в неделю она проводила «Подписчики управляют моей жизнью». Полная чушь, только вдумайтесь: идя на свидание со своим бойфрендом первым делом она постила стори, в котором предлагала зрителям выбрать цвет помады. Потом тон тонального крема. Затем платье. Встречаясь с ним она спрашивала, куда идти: в кино или в ресторан. Идя в кино, она спрашивала какой вкус попкорна выбрать. Какой фильм посмотреть. И в конце концов, где проводить ночь: у Макса или у неё. Безумие. Всех этих людей она отваживалась пускать в жизнь, не боясь давать им управлять своими поступками.

На вопрос «Как я отношусь к Каролине?» я бы сказал, что пока не знаю. Она создавала впечатление бездумной блондинки, мысли которой летали в облаках. Она всегда была будто не тут. Где-то далеко, мечтая о том, какую шляпу одеть на следующий пост. Каждый миг своего бытия она снимала в стори, при каждом удобном моменте она делала селфи. Но не для запечатления прожитых эмоций. Всё это она делала чтобы другие в полной мере смогли оценить чертовски классную жизнь девчонки.

По внешности она напоминала Бритни Спирсо-Перис Хилтоно подобных девочек из 2006 года, будто вот-вот и она вскочит на парту начав петь «Hit me baby ONE MORE TIME», труся белыми невинными косичками в разные стороны.

Она очень пыталась быть полной противоположностью своей подруги Алины: хотела выглядеть как милая наивная блондинка. Идеальная девчонка: красотка, любящая собак с прекрасным, добрым характером. Хлопая своими невинными зелёными глазками она всем прививала образ, называющийся: «Я не стерва, нет! Я просто модная блондинка с популярным инстаграмом». И, скорее всего, я не имею права её осуждать: возможно она и правда была хорошим человеком. Возможно.

Как вы уже могли догадаться, её семья была супер-обеспеченная. Её отец занимался перевозками угля в другие страны. Только благодаря консервативному мужчине, каждый день одевающему строгие дорогие костюмы, отдалённые северные острова Канады и Тирольские деревушки не замерзали, превращаясь в ледяные города-призраки.

Белая улыбка, педантичный и переодически мерзкий характер: в жизни этого мужчины всё должно было работать с точностью швейцарский часов. В отличии от остальных друзей-миллионеров, жену он выбрал не по размеру бюста, а сродни себе. Он не боялся начинать споры о экономике и политике с красивой интеллектуалкой. Голубоглазая, слегка

строгая и очень милостивая. Она совмещала в себе красоту и мозги с отношением пятьдесят на пятьдесят.

И именно у этой пары родилась она: Барби в человеческом теле.

Жили они в большом трехэтажном белоснежном доме, будто вымытым моющим с зубной щеткой, на заднем дворе которого находился огромный бассейн с лазурной водичкой, который знал каждый подписчик Каролины по многочисленным фото в купальнике у него.

Тихий вечер. Молодая луна, которая можно было рассмотреть в полной мере лёжа на просторной мягкой кровати, сверху которой нависал объёмный светлый балдахин: как бы ей хотелось снять его и спалить в огромном костре, уничтожив эту безвкусицу.

– Я чувствую себя, блин, как Скрудж Макдак! – заявила она на своё четырнадцатилетие.

В руках Каролина держала «Завтрак у Тиффани» Капоте в твёрдой обложке, с лёгкой улыбкой на лице перелистывая страницы. Классический фильм с Одри Хэпберн был её любимым. Персонаж Холли Голайтли, для неё был эталоном женственности.

Сквозь щель через слегка открытое окно проникал холодный ночной воздух, щекоча стройные ноги и периодически открывая деревянную дверцу шкафа, который, как и всё в её комнате, был едко-розового цвета. Как все кукольные домики. Этот оттенок стал её порядком раздражать. Почему

«стал»? Уже в девять лет он казался ей ужасно нелепым.

Она всегда здесь себя чувствовала будто милая идеальная куколка, за жизнью которой наблюдают десятки. Она словно была заключена в чём-то стройном теле, сделанном из пластика. Это была не она – та кукла Барби, живущая в раскладном идеальном домике.

Классический роман Капоте пролетал сквозь голову Каролины, которая была занята совершенно другим. Весь вечер она вообще не могла контролировать свои мысли. Даже за ужином с родителями она не смогла выдать из себя даже привычную фразу: «Как прошёл ваш день?», она сама не понимала в чём причина её задумчивости. В голову приходил отрывками вчерашний концерт. Что-то на нём её сильно зацепило. Может быть те видео вселяли ей нешуточный страх? Или вид трупа, по телу которого ручьём стекала кровь? Или тот загадочный лысый парень залез в её голову и никак не хотел выходить?

Его взгляд, улыбка до сих пор стояла перед её глазами. История жизни Холли хоть и нравилась Каролине, но сейчас она проходила мимо неё, из-за этих воспоминаний.

Чёрный костюм, подчёркивающий белизну бледной кожи. В её голове будто бы поселился фантом, всплывающий разными картинками перед глазами. То прозрачные, как хрусталь, глаза. То пухлые, как два пуфика лежащие один на другом, губы.

Её мысли прервал стук в окно. Посмотрев на него, она

вздрыгнула, увидев знакомое лицо, сидевшее на карнизе рядом с высоким каштаном, прораставшим во дворе за окном розовой комнаты.

Загадочный хулиган Валентин, который после вчерашнего концерта так прочно застрял в её голове. В руках он держал пять красных роз, шипы на стеблях которых впивались в его ладонь. Но он и не подавал виду, улыбаясь будто сейчас лучший момент его жизни, как только она посмотрела в его сторону.

Он постучал ещё раз, продолжая сидеть на шатком карнизе.

Не спеша встав с кровати, Каролина подошла к окну. Что-то остановило её. Она встала в метре от него и задумалась, засмотревшись на лицо незнакомца.

Он постучал ещё раз.

По телу девушки побежали мурашки. Чего она медлила, встав словно каменная скульптура? Ведь это то, что ей так нужно было прямо сейчас. Он, незнакомец поселившийся в её голове бледным силуэтом. Он бы не давал ей нормально жить дальше, всплывая перед глазами в самые неподходящие моменты. Он нужен ей, хотя бы для того, чтобы навсегда выгнать его со своего разума.

Блондинка распахнула окно, впустив в комнату свежий ночной воздух. В его аромате перемешался запах стоящего рядом леса, ядовитого дыма угольных шахт и едкая хлорка, которая всегда делала глаза уродливо-красными после купа-

ния в бассейне.

Его синяя подсветка, напоминавшая оттенок аквамарина освещала сад внизу.

– Что ты тут забыл? Ты напугал меня! – раздражённо выпалила Каролина, заглянув в те самые глаза дивно мешающие в себе десятки оттенков разных эмоций. И как у него это получалось?

«Даже и не думай включать очарование» – про себя проговаривала она, стараясь уколоть нового жителя её головы более чем розы, что он держал в руке.

– Прости, я хотел поговорить с тобой...

– Если мой отец увидит тебя здесь, он задушит тебя голыми руками! – в ярости крикнула она.

– Каролина, вчера на концерте я забыл тебе сказать, что ты мне очень нравишься. Может быть ты меняпустишь внутрь?

Недолго думав она ответила:

– Ладно, залазь. Только не топчи подоконник!

Валентин приподнял свои испачканные белые кроссы над розовым подоконником Каролины, и спрыгнув, начал увлечённо рассматривать комнату. Сам того не заметив, он по глупому открыл рот удивляясь размаху одной спальни, которая по площади в три раза превосходила его тесную комнатёнку.

– У тебя роскошная комната. Я такие видел только в фильмах с Перис Хилтон. Каролина расхохоталась:

– Ты смотришь фильмы с Перис Хилтон?

Валентин засмутился:

– Нет! Нет! – хмыкнув обиженно отрицал он – Я не это имел ввиду...

– Всё! Ничего мне не говори – Каролина продолжала смеяться – И как тебе «Блондинка в Шоколаде», ценитель гламурного девичьего кино?

– Да ладно тебе...

В комнате зависло молчание. Как бы он хотел, чтобы идеальная блондинка, стоящая перед ним, рассмеялась ещё раз. Этот заразительный искренний смех, который исходит откуда-то изнутри. Она не прикрывает рот ладонью, как это делают остальные девушки. Она не старается смеяться потише, дабы избежать чужих косых взглядов. Она смеётся как привыкла, просто наслаждаясь моментом. Это чертовски импонировало.

Они оба улыбались и смотрели друг другу в глаза.

В воздухе Валентин чувствовал запах Каролины. Кокосовый лосьон и сладковатые девичьи духи создавали вокруг неё личный, неповторимый аромат. Она уникальна.

Его глаза пробежали по огромной кровати, на подушке которой вверх обложкой лежал «Завтрак у Тиффани».

– И как тебе Капоте? – для поддержания разговора спросил он, продолжая смотреть в добрые уверенные глаза, не моргая смотрящие на него.

– Я обожаю эту книгу. Раз третий перечитываю. Холли для меня – идеал женской харизмы – «Удивительно – про

себя подумал Валентин – Как у самого идеала может быть свой идеал? Безумство. Зачем ставить перед собой кумира, когда ты сама кумир десятков людей?».

– Как ты умудрился залезть на такой высокий каштан?

– Это плёвое дело для меня, поверь – криво улыбнувшись, за своей спиной он пытался достать из-под ногтей тёмную кору дерева.

– Так... Ты хотел мне что-то сказать, судя по розам, которые вот-вот и продырявят твои пальцы.

Валентин опустил взгляд вниз, заметив как глубоко шип цветка проседает в кожу. С ней вся боль не чувствовалась. Она становилась неважной как только он слышал её смех. Звучит банально, но он и правда был как обезболивающее.

– Да, точно. Понимаешь, это было что-то типа любви с первого взгляда.

– Ты что, один из тех безумцев, что верят в любовь с первого взгляда?

– Судя по всему, один из них...

– Не хочу расстраивать вдохновлённого мелодрамами брутального романтика, но любви с первого взгляда не бывает – вдохновлённая улыбка Валентина начала сходить с лица.

– Ты наверное слышала много о моей отвратительной репутации. И это моя вечная дилемма по жизни. Когда я хочу с кем-нибудь завести разговор то в их глазах вижу только: «Эй, парень. Я за тебя слышала много нехорошего». Некоторые так вообще шугаются и начинают убегать. Один раз в

мои глаза пшикнули газовым баллончиком – он помнил те чувства как сейчас: глаза покраснели и начали жечь, будто вот-вот и вспыхнут огнём. Это была теннисистка из параллельного класса: запуганная высокая поклонница автозагара последовала рекомендации матери, нося с собой средства защиты чтоб обороняться от назойливых хулиганов.

Безумная теннисистка прослыла легендой по всем мужским туалетам школы, ссушие в которых не хотели получить порцию адски щипающего спрея себе в глаза.

– Это должно быть не сильно приятно... – сочувственным тоном заметила Кэр.

– Конечно это не приятно. От этого треклятого баллончика глаза как-будто горят. Ну я не об этом: в твоих глазах было кое-что другое. Я заметил тебя ещё до того как ты меня толкнула. В школе ты сидишь на самом видном месте в столовой, на тебя даже свет по-другому падает, и каждый день я смотрел на тебя пытаюсь даже и не думать о том, чтобы подойти и завести разговор. Ну у меня не получилось, как видишь. Ты пришла сама, и я понял, что это что-то значит – в другой ситуации, Каролина закатила бы глаза и сквозь зубы процедила: «Это ничего не значит». Но не сейчас. Она делала глубокие вдохи, будто её неожиданный гость всасывает в себя весь кислород – Твой запах, твоя манера идти и смех. Ты идеал девушки.

– Смелое заявление.

– Я просто не понимаю, как идеал может создавать себе

свой идеал.

– Не боги горшки обжигали – сказав это, Каролина поняла что её взгляд чересчур долго замирал на глазах гостя. Должно быть со стороны это выглядело странно. Но не для них. Они вцепились в друг друга своими глазами как железными цепями. Крепкая хватка не собиралась слабнуть.

– Просто дай мне шанс, прошу – Валентин очень нервничал, ведь это его первое в жизни признание в любви. Подобные слова раньше он никому и никогда не говорил. И думал что не скажет, до того как в его спину локтем случайно врезалась она.

Его руки вместе с розами лихорадочно тряслись, горло пересохло, а голос с каждым словом становился нелепее и нелепее. «Должно быть, я выгляжу как конченный параноик» – про себя заметил парень, опустив цветы бутонами в пол.

– Хах, залезть в окно и подарить розы – не самый оригинальный способ признаться в любви – Каролина, хоть и пыталась иронизировать, но ей, если честно, не хотелось ранить чувства этого парня, ведь он нравился ей взаимно. Очень странное притяжение, начавшееся с самого первого взгляда в хрустальные глаза. Необъяснимо, он просто застревал в голове как паразит, выедающий мозг изнутри и создающий в нём глубокие тоннели.

«Нет-нет-нет. Даже и не думай о том, что у вас что-то получится» – Каролина номер два, которая по сущности своей

была занудной брюнеткой, перебила её мысли.

«Но я просто не могу перестать о нём думать».

«Значит, думай дальше. Подруга, ты чё, забыла кто он?»

«Ужасный маньяк садист психопат жестокий мудак» которого ненавидит весь город больше чем кого-либо».

«И что мне с этого? Слухи всегда живут и их ничем не убьёшь».

«Ладно, я расставлю по полкам. Сейчас, перед тобой дрожа как маленький пугливый ёжик стоит человек, которого ты просто не знаешь. Первое – в слухах всегда есть доля правды».

«Он не может оказаться настолько ужасным».

«А кто тебе докажет, что это не он распял несчастного жирного еврея на кресте? Может быть, вздрочнув при этом».

«Фу Каролина, ты омерзительна!».

«Спасибо Каролина! Во вторых, если о ваших отношениях узнает город, то репутация твоей семьи упадёт со скоростью шаткого карточного домика. Ты этого хочешь?»

Вся её жизнь – забота о репутации. Её образ – продуманный коммерческий проект. Да-да, созданный специально для того, чтоб впоследствии принести компании родителей больше денег. Согласитесь, нести свои деньги людям, у которых дочка невероятно милая и добрая красотка гораздо приятнее, чем если бы она была покрытой угрями и заплывшей жиром от дешёвых бургеров грубиянкой.

Увидеть рядом с девочкой-идеалом антагониста для каж-

дого, живущего в этом захолустье – сродни автоматом записать имя «Каролина» в список врагов красной гелевой ручкой.

Ещё с самого детства она слышала советы от мамы и папы: они твердили ей что высокомерное, стервозное поведение как у её лучшей подруги Али – разрушает впечатление о семье. Высокомерная холодная стерва понизила акции своих родителей на пять процентов одним лишь своим поведением. А это где-то минус двадцать пар туфель Джимми Чу от огромной коллекции.

Горожане – основные клиенты.

«Когда Алина толкает кого-то – ты подними, когда она кого-то жжёт – ты потуши. Когда она кого-то унижает – ты похвали. Буть выше, дочь» – без умолку твердил ей отец.

Вот она, философия блондинки сошедшей с грёз каждого парня – поднимай, чтоб тебя впоследствии не толкнули, туши, чтоб тебя потом не подожгли, хвали, чтоб тебя не облили коровьим дерьмом – это же так просто, да?

Она уже представляет, как отреагируют родители на человека, имеющего самую ужасную репутацию в городе. Уголки маминых губ нервно задёргаются, а затем поджмутся. Заикаясь, папа вымолвит брызжа слюной в разные стороны «К-к-кто эт-т-то?»

Не то что её бойфренд, с которым она уже полгода. «Как дела у Максика?», «Как прошёл последний матч у Максика?», «Оу, последний бросок Максика в кольцо был ше-

деврален» – он нравился её родителям. А как может не нравиться настоящая звезда? Красивая, широкоплечая. Каждый местный готов был на руках его носить за то, что благодаря ему местный спорт не потонул в зловонной пучине бездарности.

Другой разговор – Каролина к нему ничего не испытывала. Глядя на него внутри п-у-с-т-о-т-а. Картонный мальчик, внутри которого летает ветер. Его лицо описывало Макса за секунды: все силы отдаёт спорту, добрый и любящий себя. Но это не тот, кого она хотела видеть рядом с собой.

Плоский мальчик.

Он не мог её также прицепить, словно огромный тёмный «гелик» везёт на прицепе аккуратный розовый кабриолет, как Валентин. Она не могла перестать видеть его перед собой. Как это назвать? То частями, то цельной картиной...

– Я понимаю, мы совершенно из разных миров, у меня абсолютно другая репутация.

– Но ведь запретная любовь всегда самая сладкая – дополнила Каролина, не поняв, зачем она сказала то, о чём думала, вслух. – Если честно, ты мне тоже понравился – после этой фразы Валентин на секунды потерялся. Что? Такой как он смог понравиться такой как она? – Но я ведь даже толком с тобой не общалась, я не знаю тебя... И вообще, что подумают люди, когда узнают что мы пара? Мои родители будут в шоке, они не разрешат мне даже подходить к тебе.

– Им не обязательно обо всем знать.

– Но правда все равно всегда всплывает наверх. Особенно в моём случае.

– Почему в этом городе всегда так парятся о том, что думают другие? Разве ты хочешь прожить свою жизнь не для себя, а для кого-то? Совершенно чужих людей, которых ты даже не видела и вряд ли увидишь?

– Это наш бизнес.

– Хочешь прожить с человеком к которому ничего не испытываешь? С гордым челкастым баскетболистом? Он пуст. Я же тебя насквозь вижу, это не для тебя – «будто с языка снял» – подумала Каролина.

– С чего ты это взял?

– Я фолловлю тебя в твиттере.

– Но... – Валентин не дал Каролине договорить, громко затараторив:

– Всего ОДНО СВИДАНИЕ! Пожалуйста!

Карлина молчала и смотрела в окно. Синяя подсветка освещала зелёные листья клёна, один из которых сорвался и полетел к окну комнаты.

– Умоляю!!!

– У меня есть парень. Я не могу с ним так поступить.

Каролина подошла к открытому окну и взяла листочек в руки.

– Бояться расстаться с человеком, чтоб не ранить его чувства – это глупо.

– Да что ты знаешь! – воскликнула Кэр, взмахнув лист-

ком – Тебе не узнать, что это такое: быть бизнес-проектом. Сущей глянцевой куклой, живущей в кукольном домике и встречающейся с таким же пластиковым Кеном, внутри которого – ничего.

– Ещё не поздно разрушить свой кукольный домик, Кена выкинуть на свалку и заполнить пластиковую пустоту внутри – Каролина смяла кленовый лист в руке – Сейчас как раз время.

Свидание с загадочным хулиганом... Что ж, интересный эксперимент. Звучит романтично.

Может и вправду, пустота внутри идеального тела Барби жаждет быть заполненной? Она не может спокойно носить её дальше. Она знает чего хочет, чтобы чувствовать себя счастливой. И тот, кого она хочет стоит прямо перед ней и надеется услышать «да!».

– Я согласна – сухо проронила она. «Может быть это ошибка?»

– Йес-с-с! – вскрикнул Валентин, подпрыгнув на месте.

Испугавшись, Каролина обхватила руками чёрный спортивный костюм и шепотом возмутилась:

– Заткнись! Ты хочешь чтобы сейчас в комнату с дробовиком вбежал мой отец и прострелил тебе лысину?

– Я по-другому представлял своё знакомство с родителями – Валентин, расплывшись в улыбке опустил глаза. Хрупкие руки вцепились в его костюм. Он чувствовал её тепло. Чувствовал дыхание, пахнущее сладковатой вишней. Запах

доносился изнутри. Может быть она сама как сладковатая вишня?

Резкая близость.

Каролина одёрнула руки будто от горячей сковороды.

– Куда ты хочешь пойти на наше первое свидание? – он не мог поверить, что с его уст соскочила эта фраза. Этот вечер стал похожим на чудо. Чертовски правдоподобно отыгранный спектакль.

– Ты джентельмен, тебе и выбирать.

– Что насчёт «Пауков Сумрака»? – это место служило закуской для всей молодежи города, все свидания и встречи зачастую проводились там. Культовое заведение местного масштаба.

– Окей, подходит.

– Завтра, в восемь часов я за тобой зайду.

– Не смей за мной заходить! – крикнула Каролина, и поняла, что это было чересчур уж громко – Я прийду туда сама – она посмотрела за широкую спину, на открытое окно – А теперь срочно вылезай из комнаты, пока нас никто не увидел – шепнула она.

Валентин перевесился через карниз, стараясь не пачкать его грязными кедами. Обернувшись, он улыбнулся последний раз, после чего прыгнул. Секунда – и загадочного гостя будто не было. Лишь его запах остался летать по комнате. Бюджетный одеколон «Old Spice». Да, это был он. У Кэр прекрасное обоняние.

Локтями уперевшись об подоконник Каролина перевесилась, посмотрев вниз. Господи, как же там высоко. Метров десять, не меньше. Спрыгнув с такой высоты можно легко переломать ноги как спички.

Но этого не произошло. Двор был пуст. Голубая подсветка осветила мрачные клумбы. Неожиданный гость испарился. За секунды. Как это возможно?

Она осталась в своей комнате совсем одна, поймав себя на том, что мысли о Валентине сами лезли в голову. Это больше походило на болезнь. На одержимость. Он продолжал стоять перед глазами, на том же месте, у подоконника, и любопытным взглядом окидывал её комнату.

Его неординарность так зацепила. Он не пуст. Не Кен для Барби из кукольного домика. Он настоящая личность, личность, прочитав которую по одному лишь лицу очень не просто.

Как можно прослыть хулиганом перед всем городом, и при этом оказаться достаточно интеллигентным человеком? Умные глаза. Спокойная речь как у ведущего. Как можно назвать этого парня бунтарём?

«Мальчишка загадка», «Любитель Перис Хилтон» – когда Каролина его вспоминала, она то и дело расплывалась в довольной улыбке, непроизвольно смеясь.

Каролина подошла к зеркалу, взглянув на довольное лицо. Она была счастлива. Её руки до сих пор помнили какой его

тёмный спортивный костюм на ощупь.

Может быть, мысль о том, чтобы сейчас же босиком выбежать на улицу и трусцой пробежаться к дому Макса не была такой безумной? Она бы нажала на кнопку, слушая громкий звонок и замерзая подпрыгивая с ноги на ногу как горная коза, а когда дверь бы отварилась, она ляпнула что-то вроде «Извини. Нам не по пути». Она уже видела это лицо. Лицо человека, что знакомо с трёх лет. Лицо человека, который любил её. Она знала, что он любил её. Он всегда любил её, ещё с трёх лет.

Каролина закрыла окно, и холодный сквозняк прекратил кучами заваливать в комнату.

У подоконника остался тёмный слегка заметный след. Его белые грязные кеды. Он всегда их носил. Он был собой. Не мальчик-картонка. Не мальчик-пустышка.

Он имел свой стиль, не боясь показаться окружающим безумцем. Он жил, как хотелось ему. Этого так не хватало Каролине.

«Тук-тук» – Кэр услышала стук в розовую дверь её комнаты. Быстро плюхнувшись на кровать, она взяла книгу в руки и скрестила ноги.

– Войдите – мило крикнула она.

– Каролина, я пришла пожелать тебе спокойной ночи – приоткрыв дверь, мама заглянула в комнату Барби. Она всегда заходила к ней перед сном. Привычка детства. Заботливая мать из всех сил пыталась давать любовь за двоих, ведь

отец никогда не желал спокойной ночи дочери. Чаще всего его просто не было дома. Он очень занятой человек, всё своё время отдающий бизнесу. И если уж у него находилось время для дочери, у неё начинался настоящий праздник. Она любила своего отца, по-настоящему – Как прошёл твой день? – поинтересовалась мама, подходя ближе к кровати.

– Прекрасно. Мы с Алиной сегодня заказали маникюрщицу к ней домой после уроков – похвасталась Кэр, протягивая ладонь показывая новый фиолетовый маникюр – Говорят, этот цвет сейчас в тренде. А твой день как?

– Отлично, как всегда в делах и заботах – мама засмотрелась в глаза дочери и заметила – Тебя что-то тревожит, я это вижу.

– Ты права... – задумалась Каролина – Давай чисто гипотетически: мне понравился один парень, который не понравится окружающим.

Мама взяла её за руку.

– Ты же знаешь, что в нашей семье главное – чтобы он понравился окружающим. Ты это понимаешь?

– Понимаю... Но... – она не успела окончить предложение.

– Вот и славненько. Сладких снов, дочь – Мама поцеловала её в лоб и пошла к двери. Вдруг, её взгляд словил почти незаметный тёмный след от мужского кроссовка.

Кто-то был в комнате её дочери. Каролина что-то скрывает.

Взгляд застыл на тёмном следе. Мать взглянула на дочь, увлечённо читавшую книгу, затем на след, потом опять на дочь – и вышла, хлопнув дверью.

Каролина, сразу же после хлопка, отбросила книгу в сторону. «Завтрак у Тиффани» не мог нормально восприниматься во время настоящего водоворота мыслей.

Она зарылась в приятное мягкое одеяло и не переставала думать о Валентине. Улыбка. Хрустальные глаза. Спортивный костюм. Улыбка. Хрустальные глаза. Спортивный костюм. УЛЫБКА. СПОРТИВНЫЙ КОСТЮМ. ХРУСТАЛЬНЫЕ ГЛАЗА. Опять его части виднеются в темноте под тёплым одеялом. Чёртова одержимость.

Каролина отбросила белоснежное одеяло на пол и опять подошла к зеркалу, взглянув на своё отражение.

Решено, с этого момента ей наплевать что скажут люди. Она будет жить как захочет, любить кого захочет, и не парится о том, что скажут ее подписчики когда увидят, что она ходит на свидания с гопником.

– Этот вечер – навсегда изменит мою жизнь – улыбаясь сказала своему же отражению Каролина – Сегодня пластиковая кукла умерла. Вместо неё выходит настоящая Кэр.

– Теряешь форму, Макс. /ко-ко-ко-ко/ Бегаешь со скоростью черепахи. /ко-ко-ко-ко/ – возвращаясь домой Макс пинал лежащие на дороге мелкие камни, кривляя своего тренера – Лучше расскажи всем про свой простатит, жалкий

старпёр.

Несколько фонарных столбов разместились вдоль улицы и освещали дорогу.

Он один, по другому и не может быть в этом городе. Тишина, которую прерывать решались лишь распинаящиеся сверчки сидящие в кустах.

День выдался паршивым. Почти паршивым. 50/50. Подкачка в зале хоть как-то вытянула его из глубокой бездны заполненной рутинной. Одев наушники и включив старый альбом Канье Веста Макс полностью отдался работе. Плохие мысли сами собой улетели через мелкое окно, запускавшее в комнату хоть какой-то свежий воздух.

Его девушка явно морозится. Его любимая ослепительная Кэр даже и глазом в его сторону не ведёт. Что могло случиться? Что он опять сделал не так?

Тренировка прошла ужасно. Хуже и быть не может. Старый недовольный жизнью импотент орал будто его разрезают на две части (наверное, в такие времена эта метафора неуместна).

Матч, который прошёл в самый последний день лета был благополучно слит. И ладно бы, если Макс слил его и забыл. Но нет. Каждый бросок, прыжок и шаг проматывался в его голове. Словно с перемоткой, как на старых видеоплеерах. Туда-сюда. Бросок, претендующий на трехочковый – мимо. Туда-сюда. Пас Андрею. Мяч перехватил противник, ловкий и робкий парень смахивающий на монгола. Что этот робкий

карлик вообще забыл в баскетболе?

Ему нравилось идти одному по улице и впадать всё глубже в свои размышления. Может быть, сейчас ему это и было нужно.

На встречу, гордо идя перед мужем, вышла мама Адрианы. Строгая неприветливая женщина стандартно для себя одета в невзрачный жакет, на который налипли все известные человечеству виды мусора.

За ней, как гномик-прислуга, коротенькими ножками перебирал муж. Тот ещё хлюпик. Спина жены превышала по ширине его спину в три раза – что тут ещё добавлять.

Быстро поздоровавшись, парочка пошла дальше.

«От этой дамы даже на расстоянии сквозит холодом» – подумал про себя Макс, представив насколько ей сейчас должно быть тяжело. Увидеть столько откровений о своей дочери – не просто.

Пустая дорога, всё той же блеклой чередой серых домов, уходила в совершенно другую сторону, и на её прежнем месте начинался ОН: огромный тёмный парк-гигант, именуемый как «Дубовый». Похождение этого названия весьма простое: тут этих дубов задницей жри.

Идти через парк, когда вчера произошло страшное убийство: странная идея. Но Макс всё равно.

На часах девять часов вечера. В «Дубовом» ни души. Фонари прекратились, и парк превратился в сплошную тьму и

дикие заросли.

Густую траву лёгкой седой пеленой покрыл ночной смог, создавая из местного парка типичную декорацию для съёмок мелодрамы о вампирах.

Легко представить, как из-за далёкого дуба выбежит конь, на котором угрожающе будет сидеть Всадник без головы. Парк и правда был похож на Сонную Лощину.

Узкая тропа вела Макса в неизвестную тьму. Тут даже качку-спортсмену станет не по себе. Тишина. Тьма. Сверчки. Лишь звук поющих хором сверчков.

«К-а-а-р!» – закричала ворона сидевшая на высокой ветке, замахав крыльями. Макс вздрогнул. У смелого гордого брутала, по сложившемуся мнению общества, не было страхов. Он должен был всё держать в себе, делая вид что ему поспать на заморочки простых ссыкунов. Но это очень далеко от правды.

Он был арахнофоб, боясь ползающих мохнатых тварей каждой частичкой души. Его бросало в зуд, когда он их видел. Всё тело чесалось. Ну как, видел. Смотрел на картинки в гугле.

О фобии не догадывался никто, кроме ушедшего в отставку старого психолога и его друзей, которые не должны были (по идее) выдать остальным главную тайну Макса.

Пройдя мимо ветки с вороной перед его глазами всплыл силуэт паука, свисающего на тонкой паутине с толстой ветви дуба. Конечно же, он его выдумал.

– Ненавижу этих тварей – сжав кулаки Макс ускорил шаг, заходя в чащу всё глубже и глубже. Как бы не потеряться в парке, через который он ходил домой каждый день. Сейчас, это представлялось вполне возможным.

В ночной темноте послышался плач. Самый настоящий плач, доносившийся откуда-то из кустов. Тихие рыдания.

Он остановился, вслушиваясь в звуки.

– Прости, прости, прости – молил голос старой женщины, периодически перебиваемый всхлипыванием.

Отодвинув нависшую перед лицом ветвь, Макс увидел перед собой странную картину:

Старуха МаМа, сидевшая на пенёчке ужасно ссутулившись хваталась за глаза, пытаясь вытереть с лица падающие слёзы. Очертания её старой морщинистой физиономии освещала луна, нависшая над поляной.

– Ты должен понять меня, милый.

– Не называй меня так – грубо огрызнулся старик, чей силуэт резко показался среди колючих кустарников. Дед был тощим настолько, будто болен анорексией. Сложив тонкие как деревянные ветки руки за спиной в замочек, он холодным взглядом осматривал рыдающую старуху. Ответив ей, он слегка оскалился как готовившийся к нападению хищник, обнажив чёрные и гнилые до безобразия зубы – Ты не знаешь какого это, вечно сидеть в этом клятом парке. Это худшее наказание, когда ты навечно заключён в месте, из которого не можешь выйти. Но я могу прервать это, ты же знаешь?

Просто убив тебя прямо здесь. Прямо сейчас.

Макс напрягся, почувствовав как по телу волной прокатилась дрожь.

– Чего же ты ждёшь?

– Я – лучше чем ты – старик сделал резкий шаг навстречу МаМа. Теперь он подошёл настолько близко к Макс, что тот мог без затруднений рассмотреть многочисленные глубокие морщины на лице незнакомца. Они образовывали ужасные складки, свисающие вниз. Казалось, мужчина был намного старше сидевшей рядом МаМа. Одет старик был в неопрятные порванные в разных местах грязные лохмотья, смахивая на бездомного. О-о-очень старого бездомного.

– Я должна была это сделать. Должна... – МаМа продолжала прикрывать своё лицо ладонями и всхлипывать.

– А наши дети, то, как они мучались прямо у меня на глазах. Как бы я мог подумать, что моя жена способна на такое?

Вдруг, плавно на лице старика показались синие вены, паутиной медленно охватившие всё лицо. Медленно, проступив на глазах они пошли по щекам оккупируя всё тело. Лицо незнакомца изменилось. Жилы стягивали его, будто высасывая оставшиеся соки из старой, и без того высохшей кожи.

– Я гнию из-за тебя заживо – он поднёс дрожащую ладонь к веку, нащупав торчащий сосуд. Казалось, его глаза медленно заливаются тёмной краской. Они теряют последние человеческие качества. Безумные, тёмные, жестокие и холодные. За несколько секунд старик трансформировался в другого

человека.

– Я надеюсь ты будешь гореть в аду так же мучительно, как и я – прокричал дед, медленно отходя назад. За секунды, мистический силуэт войдя в тьму бесследно исчез. Скрылся во мраке, оставив женщину одну.

МаМа зарыдала ещё громче, не сдерживая эмоций. Продолжая сидеть на пеньке, она всхлипывала смотря на луну.

– Блядство – шепнул Макс, вспоминая жуткую физиономию старика. Отойдя от кустарников, он бросился прочь из парка, порой спотыкаясь об мелкие кочки.

Как только сквозь зелёные ветки показались яркие фонарные столбы местного богатого района, Макс достал смартфон и набрал Андрея. Ему не терпелось рассказать лучшему другу о загадочном происшествии в парке. Голова закипала от одного лишь того разговора. Виски пульсировали в такт сердцебиению. Тело окутывал холод. Послышались гудки.

– Алло – проронил Андрей – Говори быстро, ведь с минуты на минуту у нас начнётся ужин. Китайка приготовила утку по-пекински. Я так ржал, когда узнал что китайка приготовила именно утку по-пекински. А её надо есть в первые пять минут. Если опоздаю – то мне крышка. Так что давай быстрее.

Заикаясь, периодически непонятным голосом проглатывающим гласные Макс быстро рассказал сокращённый вариант странной истории.

– Сумасшедшая старуха устроила себе встречу со своим таким же сумасшедшим как и она дружком в парке, что тебя удивляет? – выслушав, скептически спросил Андрей.

– Их разговор. Что-то про убийство, про вечность в парке – он был капец какой странный, а потом, он исчез на ровном месте, будто Гудини. За секунды. Андрей, никто из нормальных людей не сможет так сделать.

– То есть ты хочешь сказать что увидел в парке призрака?

– Возможно.

– Мне кажется, ты опять обдолбался.

– Но...

– Утка уже, должно быть, остыла. Мой тебе совет: для подобных бредовых историй начинай писать фанфики.

Андрей отбился.

Положив телефон в карман, Макс обернулся в последний раз посмотрев на тёмный парк, по которому бродил жуткий, покрытый сеткой из синих вен старик.

Поджав руки перед собой, Макс спортивным бегом направился к своему дому. Пусть остальные думают, что он на вечерней пробежке, а вовсе не увидел жуткий силуэт старика в ночном парке.

Школа продолжала быть тёмным тихим сонным царством. Даже несмотря на короткую проповедь Алины, все продолжали горевать по ушедшему из жизни Давиду.

Школа больше не казалась мне диким калейдоскопом кра-

сок и громких звуков, каким показалась в первый день. Во всём ощущалось потрясение, будто от пятибалльного землетрясения.

Склонив головы и уставившись в пол, подростки словно боялись поднимать глаза, видя перед ними окровавленный труп. Они избегали зрительного контакта, возможно, стыдясь за те многочисленные унижения, что довелось потерпеть погибшему.

Коридоры выглядели как бесконечно длинная тягучая тёмная нуга, по которой штынялась куча зомби, неторопливо расхаживающих переваливаясь с ноги на ногу.

– Чувак, у нас на информатике даже порнушку без проблем можно смотреть – ко мне обратился прыщавый сосед в тяжёлых очках в тёмной оправе. От него несло жирным чизбургером замоченном в зловонном поту. Мерзкий аромат.

Как не странно, такой сосед всё равно лучше чем видение мёртвого парня.

– Эммм, спасибо – подумав выдал я, уставившись на выпирающий красный гнойник, который так и лез в глаза – Спасибо за совет.

Уткнувшись в зависающие компьютеры каждый пытался справиться с болью утраты по-своему. Кто-то смотрел глупые летсплеи на ютубе, громко давая комментарии чужой игре. Кто-то просто тупо уставился в ленту фэйсбука. Кто-то слушал музыку. Кто-то лазил по интернет магазинам. Всё это

превратилось в жуткую какофонию, не прерывавшуюся на протяжении часа.

Грустные подростки-зомби полностью погрузились в сеть. Сейчас, это нужно было каждому: погрузится в другой мир, уйти подальше от жестокого городка. Почти каждому.

Скрестившая ноги и вальяжно развалившаяся на стуле Алина шепнула Каролине, рассматривающей сайт «Valentino»:

– Шёл второй день после кончины жирдяя. Безвольная стоя так и не сняла маски.

Кэр хихикнула, щекой оперевшись об ладонь и опять погрузившись в свои мысли:

– Ты какая-то странная сегодня. На себя не похожа – заметила Алина, придвинувшись ближе к лицу подруги.

– Всё хорошо – улыбнулась она, опять отвернулась и носом уткнулась в монитор.

На перемене, я стоял в кабинке туалета и направлял свою струю в лужу на самом дне грязного исписанного торчка. «Люблю тебя, Кэр», «Люблю тебя, Эмили» и ещё туча однообразных признаний написанных в самых не подходящих местах. Покажите мне того, кто считает что таким образом признаваться в любви очень оригинально, и я смело плюну ему в лицо.

– Отпусти меня! Отпусти меня немедленно! – снаружи слышался знакомый неуверенный дрожащий голос. Непри-

ятный гундосый тембр. Никита. Он был напуган и взволнован.

Задыхаясь и запинаясь, он тараторил без остановок чтоб обидчики немедленно его отпустили.

Закончив дело, которое нельзя по своему желанию за секунду закончить, так уж устроен организм, я приоткрыл дверцу и заглянул в узкую щель.

Сквозь неё видно два знакомых мне лица: рыжий «Аидас» и его невзрачный тощий напарник. Именно из-за них на моём животе до сих пор красуется красный фингал. Именно из-за них меня второй день подряд тошнит. Именно они стали проблемой всего города, страхом маленьких любителей булочек с корицей и престарелых кошатниц.

Рыжий, услышав испуганный голос Никиты показательно громко рассмеялся. Тот самый смех, которому позавидовал бы Джокер и все психопаты земного шара. Тот смех, который мог запомниться надолго приснившись посреди ночи.

Он держал свою жертву за воротник тёмного пиджака, крепко прижимая к грязному туалетному зеркалу. Пиджак задрался, и из-под него вывалилась красная клетчатая подкладка.

– Я ещё раз повторяю, отпусти меня – дрожащим тоном пригрозил Никита, смотря на обидчика сверху вниз.

– А ни то что, расскажешь своим друзьям мажорам? – воскликнул рыжий, ударив Никиту об зеркало.

И так, очередной противоречивый момент.

Как же действовать?

1. Я мог бы выбрать путь героя, забыв застегнуть ширинку, выбежать из кабинки и воскликнуть «Отпустите его!», наравшись на очередной удар в самый пах.

2. Я могу поступить умнее, собрав компромат на нелюбимую всеми банду. Такой компромат, что отец-шериф не сможет помочь ни при каких обстоятельствах. Ютуб, фэйсбук и твиттер мне в помощь. Я уже представляю эту картину: вечернее ток-шоу на федеральном канале, строгий ведущий громко заявляет: «Взорвавшие интернет нелюди пришли в нашу студию, чтобы ответить на терзающий всю страну вопрос: «Что же творится в ихних глупых бездарных черепных коробках?». Рыжий и его дружок выйдут стыдливо смотря в пол, в то время как в них полетят огрызки и гнилые помидоры со стороны зрителей. «Хотим выразить благодарность за провокационный видеоряд героическому подростку Владу» – объявит ведущий, после чего выйду я в белоснежном строгом костюме от кутюр, улыбаясь и подмигивая восторженной публике, держащей плакаты: «Мы любим тебя, Влад!».

Да, скорее, вариант номер два больше мне по душе.

Достав телефон, я присел так, чтобы камера выглядывала из-под исписанной двери. Так будет виднее, чем если я просуну телефон в узкую щель.

– Я последний раз повторяю: гони бабло сопляк – строго оборвал рыжий, после чего взглянул на своего ассистента

многозначительно кивнув. Мерзкий бледный тип с мешками под глазами, по виду своему напоминающими мошонку, и недомытым сальным ёжиком на голове протянул командиру складной швейцарский нож.

Я вздрогнул, продолжая вести запись.

Словно уличный фокусник, проворачивающий иллюзии с монетами, рыжий работая на публику ловко прокрутил нож в руках, одним движением разложив его.

Тонкий и отбивающий в себе свет лампы туалета. Его медленно поднесли к бледной щеке напуганного Никиты.

Правый глаз парня дёргался в разные стороны, будто стараясь не смотреть на острый предмет. По его лицу скатывались мелкие капельки пота, одна за другой, соскальзывая на тёмный пиджак и оставляя мокрые следы.

– Может подумаешь ещё раз, что тебе дороже: внешность или жалкая бумага? – мерзкие слюни летели со рта хулигана прямо на лицо ЖУДы.

– Я сегодня забыл кошелёк, клянусь! – испуганным тоном отвечал он, стараясь увернуться от слюней.

– Если ты так забывчив, нам придется изуродовать твоё лицо, которое и так особой красотой не блещет – хихикнув сказал рыжий, быстро осмотрев гладкую острую поверхность ножа, после чего стал подносить его всё ближе и ближе к щеке жертвы.

Пугающая улыбка, которая в отличии от всего человечества, ни капли не украшала подонка, а выглядела как мерз-

кий уродливый шрам во всё лицо. Безумные глаза, ходящие из стороны в сторону. Его ноздри расширились, будто стараясь поглотить весь воздух в зловонном общественном туалете. Он наслаждался тем, как изгибается бедолага в его крепких руках. Ему нравилось наблюдать за падающими каплями. Он получал удовольствие от застывшего на лице испуганного выражения.

«Моли меня о пощаде. Это ничего не даст, но ты моли. Просто моли» – про себя повторял рыжий, всё больше расплываясь в улыбке.

Нож коснулся щеки, всё глубже и глубже впиваясь в неё. Из-под твёрдого железа проступила капля крови, окрасившая в багровый бледную кожу цвета лунного света.

Самое странное в этом моменте – лицо Никиты. Он крепко зажмурил глаза, бесстрастно смерившись с участью. Его лицо приобрело спокойное выражение, будто бы он знал, что произойдёт через пару секунд.

Зеркало, за его спиной хрустнуло: показалась глубокая трещина.

Вздрогнув, рыжий опустил нож дав крови спокойно стечь вниз.

Я наблюдал за этим всем через экран камеры. Дальнейшие события показались мне каким-то несуразным фильмом про начинающего супергероя: будто это и вовсе не со мной.

Зеркало продолжало медленно покрываться трещинами, издавая приглушённые звуки.

«Хрусть!» «Хрусть!» «Хрусть!»

Гандон номер один отпустил жертву, выпустив воротник из рук, застыв смотря на зеркало.

Гандон номер два также отходил назад, одним своим грязным кедом чуть прикрыв мне обзор.

Ещё секунды: и зеркало разбилось. Никита продолжал стоять с закрытыми глазами, в то время как осколки летели в разные стороны, усыпая хулиганов.

Один из них оставил шрам на лице гандона номер два. Сутулившись, рукой он перекрыл кровоточащий порез.

Пять висевших над зеркалом лампочек беспокойно замигали в одном ритме, будто пытаюсь объяснить всем стоявшим и лежавшим тут что-то на азбуке Морзе. Выглядело это очень странно, ведь в школе не было проблем с проводкой и электричеством. Новый ремонт их не допускал.

Сидя на корточках спиной к зловонному грязному унитазу мне стало жутко дискомфортно. Сначала, у меня закружилась голова от осознания того, сколько пацанских задниц сидело на этом толчке, справляя нужду. В мой нос донёлся ужасный аромат, от которого глаза начинали сами собой слезиться. Затем, после первой трещины на зеркале я почувствовал странный холод и страх, будто случайным образом меня занесло в вихрь повествования романа Стивена Кинга. Я начал осматриваться по сторонам, надеясь что в других кабинках кто-то сидел. Никого. Мы были одни.

Тут творилась какая-то чертовщина.

Лампочки стали лопаться, одна за одной, разлетаясь на мелкие стекляшки падающие на кафель со звонким грохотом. Первая, вторая, третья... Они разбивались в одном ритме.

– Что за херня? – напугано крикнул гандон номер два, трусливо отходя назад и продолжая прикрывать порез ладонью. Ещё немного, и он уткнулся бы своим кедом прямо в мой телефон, увидя парня который ещё вчера нахально защищал (по крайней мере пытался) пухлого беззащитного парнишку. Этого не произошло. Он (будто вот-вот и из его уст вырвется стыдливое ко-ко-ко) кинулся к зелёной двери, со всей силы потянув за ручку. Она продолжала быть закрытой. Он тянул ещё раз, ещё раз и ещё. Взглянув на своего друга, он крикнул:

– Закрыто! Тут закрыто! – гандон номер один тем временем стоял прямо по центру, улыбаясь рассматривая осколки. Пугающая улыбка-шрам так и не сошла с лица, продолжая искажать физиономию. Она становилась всё шире и шире, глаза будто полыхали разными огнями. Казалось, хулиган в самом настоящем восторге.

Сейчас он, уж точно, выглядел как психопат.

Из его уст вырвалась фраза, которая не дошла до меня из-за невнятного крика парня с ёжиком:

– Заперто! Заперто! Заперто!

«Я знал» – должно быть это именно та фраза. Так я её прочитал.

Из уст его вырвались бы ещё какие-то слова, если б он не воспарил над холодным кафелем. Буквально: на считанные секунды его грязные кеды оторвались от пола, после чего он полетел к стене, противоположной от двери, и ударился об твёрдую плитку.

Звук болезненного удара разлетелся по всей комнате.

Совершенно невероятное зрелище: такое я видел только в некоторых сериях «Сверхъестественного», представлял в своей голове читая «Керри» того же Кинга; но резко взлетевший в воздух хулиган не мог всплыть даже в моих снах.

Мои глаза будто начинали врать. Точнее, монитор телефона через который я всё это наблюдал.

Дыхание остановилось. Я забывал дышать. Руки тряслись так сильно, что смартфон мог выпасть и разбиться об кафель в любой момент.

Парень, стоявший у двери стал дёргать ручку ещё испуганнее, в очередной раз убеждаясь что он тут застрял.

Ручка щёлкала пронзительно скрипя.

Вдруг, парень остановился. Его руки опустились, почти касаясь бёдер, а взгляд мертво застыл перед собой.

Он взлетел в воздух, медленнее чем рыжий, кашляя и мотыляя ногами в разные стороны, словно пытаясь освободиться от чьей-то мёртвой хватки.

На его короткой неказистой шее показались два красных синяка, прямо точь-в-точь, если бы её зажимали чьи-то руки.

– Кхе-кхе – из уст парня вырвался тихий кашель. Он пы-

тался хватать воздух, напряжённо вдыхая.

Секунда – и его тело быстро полетело к лежавшему рыжему, с грохотом ударившись об стену.

Улыбка-шрам не сходила с лица гандона номер один. Он с интересом стрелял безумными глазами то на повисшего в воздухе друга, то на Никиту, который медленно проскользнув спиной вниз по кафелю сел на холодный пол. Его глаза продолжали быть спокойно закрытыми.

Мои дрожащие руки не забывали о том, что в них находится камера – ценнейшая улика. Я наводил её то на напуганных гопников-жертв, то на спокойного, словно резко заснувшего, Никиту.

«Адидасы» поджали ноги, прикрытые тёмными штанами в белых полосках, с ужасом наблюдая за бледной ЖУДОЙ. Ну как, ужас был написан только на лице одного из них. Другой же выглядел так, будто случайно встретился со старым любимым другом.

Моё дыхание так и не остановилось. Брезгливость, которая минуту назад кричала во мне, видя грязные омерзительные наросты на белом полу, ушла куда-то далеко: в пятки или бёдра. Я опустил одну дрожащую руку на пол, забывая повторять себе «Представь, сколько капель мочи падало на этот грязный кафель? Литры. Миллионы капель мочи косых засранцев». Я весь был там – за дверью, продолжая снимать всё происходящее.

Никита распахнул глаза. Взгляд продолжал быть всё та-

ким же отстранённым и спокойным. Он даже и глазом не по-вёл на сидевших сбоку хулиганов, которые не так давно готовы были изувечить ему лицо.

Он поднялся, уверенно направившись к выходу. К моему удивлению и удивлению парня с ёжиком, дверь оказалась открытой.

После хлопка послышался полный страха голос, который сменил собой уверенный баритон дерзкого ковбоя:

– Что за ТВОЮ МАТЬ?!?! – бледный парень, по щеке которого стекала кровь схватился за шею, ладонями проводя по красным следам – Что это было?

Рыжий продолжал улыбаться, не отводя взгляда от разбитого зеркала:

– Чё ты лыбишься?!?! – голос гандона номер два напоминал фальшивящую скрипку, по которой неаккуратно возят смычком туда-сюда. Он напрасно ожидал ответа от своего друга: его не последовало. Вместо этого рыжий поднялся на ноги, и ступая по острому стеклу хлопнул дверью, оставив растерянного хулигана одного.

Прозвенел громкий звонок, оглушив меня и сидевшего за дверью «адидаса». Услышав его, он вытер алую кровь со щеки и мигом вымелся из туалета.

Нажав на красную кнопку я приостановил запись. Неужели в моей галерее сейчас находится настоящее доказательство существования телекинеза? Это может взорвать мир. Это может сделать из меня звезду. И это может разрушить

бледного парня-сироту, чья жизнь и так не напоминает кленовый сироп.

Сунув телефон в карман, я распахнул дверь. Она громыхая ударилась о соседнюю кабинку. По исписанному туалету всюду были разбросаны мелкие осколки.

Я наступил на них, осматривая место, где случилось невероятное событие. В моих глазах темнело, как-будто свет в кинотеатре медленно угасал. Окружающее меня помещение просматривалось словно сквозь прозрачный мрак.

Осколки хрустели под моим голубым кедам. Взгляд упал на то самое зеркало, от которого осталась одна лишь белая ржавая рама.

Должен ли мир увидеть это видео, содержание которого больше напоминало фильм «Керри»? Только вот вместо Керри в главных ролях местная ЖУДа, никогда не бросающаяся в глаза окружающих.

Неприметный соседский мальчик – что же он может скрывать?

«Ради тебя я готов спрятать за спиной самые тёмные тайны» – гласила смазливая бестолковая надпись на белой плитке над раковиной.

После урока английского языка, вычитываемого нашей милой классной руководительницей блондинкой, я бесцельно скитался по коридорам, всматриваясь в одну точку перед собой и пропуская мимо взгляда текущую, как медленная

речка, толпу.

– Влад!

– Это же Влад!

– Брат Андрея, я слышала за него.

– Саша рассказывала что он сидит с ней на экологии.

– Я подписалась на него в Инстаграмм. Пока что не пожалела.

Тысячи шепотков крутились вокруг меня. Так странно: тот, кому они принадлежали пытался сделать так, чтобы их никто не услышал. Но этого не выходило. Один вопрос – зачем?

Как бы там ни было, все последние и горячие как пирожки сплетни пролетали мимо меня. Я вообще, чувствовал себя будто иду не по этому коридору. Я не тут, а в том туалете, по которому летали тяжелые тела гопников.

Моргая, каждый раз я видел спокойное лицо Никиты. Открывая глаза я видел красные синяки, оставшиеся на шее парня с ёжиком. Словно помимо нас всех в комнате находился пятый человек. Высокий великан-силач из фэнтези-фильмов.

Скрестив руки я сдавливал учебники у себя на груди. Учебник английского в мягкой обложке, тетрадь, толстый словарь и пенал. Они прижимались всё сильнее к моему телу. Но мне было всё равно, я его не контролировал. Я даже прошёл мимо своего шкафчика, продолжая бесцельно скитаться по коридору.

Неужели я видел нечто паранормальное? Нечто, что просто не может существовать по законам физики, биологии и прочих наук, правилами коих можно объяснить ВСЁ вокруг. Но как можно объяснить ЭТО?

Обычно, больше всего человек доверяет своим чувствам: осязанию, обонянию и зрению. Если хотя бы одно из них подводит – человек может сомневаться. Там, в зловонном туалете пахнущем поносом, ни одно чувство меня не подвело. Мне оставалось только одно – верить. Но я не хотел. Мне просто не хотелось верить в то, что я увидел.

В кармане джинс лежало настоящее свидетельство чуда (если так можно назвать силу, чуть не убившую двух парней). Мой телефон начал нагреваться, становиться разогретым куском угля закинутым в карман, от одной лишь мысли того, что удалось им заснять.

– Влад, привет!

Что же это может быть? Невидимая энергия? Способность перемещать предметы силой мысли?

– Ау, ты слышишь меня? – Макс вцепился в мою руку, заглядывая в глаза. Я резко одёрнул её как от прокажённого.

– Привет, Макс – поздоровался я, наблюдая за удивлённой реакцией парня, не ожидавшего моего резкого движения.

– Слушай. Я не знаю кому ещё рассказать – услышав о том, что сейчас на мою голову будет выгружена очередная глупая история баскетболиста, я приготовился обратно погрузиться в мысли, пропуская летящие мимо меня слова.

Но я этого не сделал.

Услышав слова «МаМа», «ночь» и «лес», я одёрнул себя как-раз на том моменте, где моя голова погружалась в тёмную пучину мыслей.

Я выслушал его историю. Пахла она странным бредом человека, переусердствовавшим с экстази или ещё какой-то дрянью. Но в этом городе я ничему не удивлялся. У меня не было выхода, кроме как просто принять. Принять то, что в плоском и понятном мире бывает обратная сторона, создающая объём. Фу, вот это я накрутил. Вообще, смысл ясен.

– Ты вчера первый заметил сходство с этой старухой на том фото – распинался он, перейдя на шёпот, думая что все здесь норовят подслушать разговор.

– Ну? – спросил я – Вообще, ты вчера согласился, в перерыве между втыканием, пойти к ней.

– Разве? – он задумался, осмотревшись по сторонам – Это неплохая идея. Я теперь не смогу жить нормально, после того как у этого жуткого старпёра всё лицо покрылось венами.

– Ну и какой у нас план? – спросил я, опустив взгляд на замявшуюся тетрадь.

– Ты – корреспондент школьной газеты. Она – старый житель, для которого будет честь дать интервью представителю молодого поколения – он уставился на мои руки, расправлявшие страницы тетради по английскому.

– А ты кто?

– Я чисто за компанию – хмыкнул он.

МаМа – на первый взгляд старая безумная кошатница и владелица гастронома. Кто же на самом деле женщина, чьё лицо мелькало на фото (буквально) столетней давности?

Глава 5 #Who'sThatGirl?

Яркая неоновая вывеска освещала густой лес вокруг. Сосны, липы, ели... Всё это изобилие насквозь, как стрела, пробивала трасса поросшая мхом и густой травой. Ямы, колдобины, трещины... Ничего не могло отбить желание подростков всего города приходить в небольшую мрачную закусокную.

«Пауки сумрака» – гласила подпись под милым тарантулом, машущим лапой проезжающим.

Какой безумец будет есть в месте, основной концепт которого это пауки и всё что с ними связано?

Безумцев, как не удивительно, в этом городе оказалось много. Все они мчали с самого центра на богом забытую окраину, чтобы запихнуть в себя жирный сытный бургер и запить ярко-ядовитым коктейлем кровавого цвета.

Меню, как не сложно догадаться – съедобные вариации на тему паукообразных, желательно жирные и бюджетные.

Внутри пластиковые пауки сидели на ватной паутине, смотря на посетителей маленькими глазками. Конечно, все эти дешёвые декорации выглядели убого – но всё это сложно заметить в мраке, царившем тут 24 часа в сутки.

Лишь тусклые красные неоновые лампы освещали тьму. Лица за соседним столом, порой, было тяжело рассмотреть. Возможно, виной этому слабое освещение. Возможно, тонированные стёкла, не пропускавшие внутрь свет дня.

Выйдя из белого низкого бюджетного мерседеса, подаренного отцом Каролине вместе с правами, первым делом, она вступила в жидкую грязь. На белом каблуке осталась сырая земля.

– Чёрт! Ненавижу эту грёбанную забегаловку! – выругавшись, она осмотрелась, боясь нарушить образ правильной девчонки.

Протянув руку к дверной ручке она резко одёрнула её к себе, будто дверь раскалена до ста градусов. Все узнают. Все будут знать и осуждать её за то, что она явилась на секретное свидание с хулиганом.

Это была ошибка.

Блондинка окинула взглядом невысокую закусочную, после чего зыркнула на мерседес терзая себя мыслью о том, чтобы сесть в него и по трассе умчаться прочь.

Она подправила белоснежные пряди, глядя на отражение в тёмном окне, после чего сняла солнцезащитные очки. «Боже, как глупо рассчитывать, что тебя никто не узнает в одних очках». Она хмыкнула сама над собой. Да уж, додуматься вечером одеть очки – даже от себя она такого не ожидала.

Каролина в последний раз окинула взглядом кафе.

– Время совершать ошибки – шепнула сама себе она и сразу же взглядом наткнулась на Валентина. Он с нетерпением смотрел на часы, скрестив руки положил их на липкий стол.

Прозрачные кристальные глаза. Глубокий пронизательный взгляд, смотрящий на проезжающую машину.

Он так и не увидел её.

Это будет лучшая ошибка в истории ошибок.

Как только Кэр открыла входную дверь она сразу же почувствовала сильный позыв рвоты, идущий изнутри её груди.

Она всегда чувствовала все окружающие запахи детальнейшим образом, позволяя им кружить её голову, заставляя чувствовать тошноту или наоборот, повышать настроение.

Тут ситуация явно другая.

Горячая карамель перемешивалась с томатным кетчупом. Представляете этот коктейль? Солёный маслянистый попкорн с печёными яблоками на палочке. Она чувствовала каждый ингредиент. Каждый по отдельности, будто бы всё это разом находится в её рту. Сама не замечая, она брезгливо скривила нос.

Окинув взглядом столы, силуэты людей сидевших за которыми чуть-чуть освещали неоновые лампы сверху, она позволила себе пройти дальше. Её окружение редко ходило в подобные места, как и она сама. Её парень ненавидел это место каждой клеточкой тела:

– Это надо быть душевнобольным полоумным извращенцем, имеющим фетиш на пауков, чтоб открыть подобный мусорник! – кричал он каждый раз, стоило только кому-нибудь заикнуться о «Пауках».

Она его поддерживала: закусовая и правда была убогая.

Её туфли от «Pollini» прилипали к полу, омерзительно чавкая отлипая. «Чвяк!», «Чвяк!».

Прыщавые официанты, которыми тут в основном были старшеклассники собирающие на колледж, часто врезались в посетителей, не видя их в мрачной обстановке.

Кэр чувствовала себя женой злодея из какого-то фильма Бондианы, скрываясь от всех.

Она быстрым шагом прошла к столу, за которым скучая её ждала настоящая ошибка.

«Пятнадцать минут опоздания – тебе ещё повезло, парень» – хмыкнула она про себя, посмотрев на уставшую физиономию Валентина. Выглядел он будто не спал прошлую ночь – сонно. Но прокисшее, как трёхдневное молоко, лицо заиграло новыми красками, как только девушка попала в поле зрения Валентина.

На его лице непроизвольно растянулась довольная ухмылка. Он давно так не радовался чужому присутствию: для него её приход в это место стал, как появление Санта-Клауса собственной персоной для восьмилетнего мальчика. Только ещё эффектней.

Строгий белый костюм, который не давал красоте сме-

шаться с тьмой, высокие шпильки и волнистые косы, падающие на спину.

Ни «привет», ни «как дела?», а лишь восторженное «Ты выглядишь идеально» – вырвалось из его уст, когда она подошла ближе.

Каролина сдержанно ухмыльнулась, осмотрев свою пару на этот вечер.

Она пыталась из всех сил сдержать нарастающее удивление. Валентин – скрытный хулиган-задира, которого все привыкли видеть в ЧЁМ?

Тут громкая толпа должна хором крикнуть: «В ЧЁРНОМ СПОРТИВНОМ КОСТЮМЕ АДИДАС!»

Правильно! Без него Валентин – которого все привыкли видеть таким, больше и не Валентин.

Сейчас же, в красном свете лампы она смогла рассмотреть белоснежную рубашку (на удивление – очень даже гладкую, без небрежных позорных заломов) и голубые брюки, облегающие округлые бёдра.

Грязные белые кеды, от подошвы которых начали отпадать куски, остались неизменной святой частью.

Каролина расплылась в улыбке, у неё не получилось подавить резко появившиеся хорошее настроение.

Белые зубы ослепили Валентина, он вдавливался в вызывающе красное бархатное кресло и продолжал испепелять взглядом свою пару. Знакомая для них ситуация – оживлённые застывшие взгляды сплелись между собой, не желая вы-

пускать друг друга из крепкой хватки. Чем дольше смотрели – тем шире и глупее становились улыбки.

На секунду, окружавшие Каролину силуэты посетителей полностью поглотила тьма: она была наедине с ним в вонючей забегаловке. Тусклый фонарь освещал его счастливое лицо, а вокруг пустота. Не живой души. Все плавно погрузились в царивший вокруг мрак.

– Может сядешь? – словно острым железным топором, Валентин перерубил крепкие цепи, не дававшие им делать ничего, кроме как смотреть друг на друга.

Каролина закрыла глаза, открыв оценивающе осмотрела место. Следовало собраться. Не давать чарам этого парня задурить голову.

Воображение быстро рисовало чертёж: узкий стол, места напротив – целоваться достаточно легко. Огромное окно, сквозь которое любой бродяга может в деталях осмотреть подробности свидания. Тусклая лампа находится за головой Валентина, а значит, возможно, её будет не так легко заметить.

Каролина села, глядя в окно пытаясь извернуться так, чтобы взгляды прохожих не засекали инста-звезду.

«Чёрт, ты спятила? Какие нахрен прохожие?» – заговорил внутренний голос. По трассе лишь изредка проезжали шумные колымаги.

Валентин продолжал смотреть на идеальную пассию, улыбнувшись спросив у неё:

– Что ты хочешь?

Кэр быстрым взглядом окинула меню, напечатанное на объёмном куске картонки, назвав первые бросившиеся в глаза блюда:

– Я буду Мизери и кровавую Кэрри – Валентин улыбнулся в очередной раз, одним широким жестом подозвав тёмную официантку в джинсовом фартуке, на котором висели десятки пластиковых пауков.

За столом повисло неловкое молчание. Валентин чувствовал себя неловко, не зная с чего следует начать разговор с такой как ОНА. Он закрыл глаза и попытался успокоиться. Нос уловил её фирменный аромат: кокосовый лосьон и сладкие духи. Она могла заглушить вонь даже невероятно стойко пахнущих «Пауков».

Он раскрыл глаза и пробежался взглядом по белым густым локонам.

Каролина опять поймала себя на мысли, что не может прекратить смотреть в его глаза. Невероятно. Хрустальные и чистые, как Женевское озеро. Никакой загадки. Почти.

Она видела эти глаза по-отдельности. Словно его тело охватывал мрак и оставлял сиять в темноте лишь один взгляд.

Глаза невероятного человека. Доброго, искреннего и... Несчастливого? Грусть, чёткая грусть застыла во взгляде. Кэр была далеко не психологом, но понимала, что перед ней си-

дит глубоко несчастный человек.

Эта пара не боялась зрительного контакта. Выглядело со стороны это, должно быть, странно: пара, сидевшая на ярких диванах и молча прожигающая друг друга взглядами. При этом они настолько счастливы, будто молчать и смотреть – их любимейшее занятие.

Грусть, застывшая в глазах Валентина медленно растворилась, как шипучий аспирин в стакане воды.

Может быть разговоры и вовсе не нужны?

С каждой секундой неловкость спадала, а вместе с ней уходило и напряжение.

Кэр отвлеклась, когда в её красной театральной сумке завибрировал телефон:

– Кэр, тебя давно не слышно – Макс прислал ей СМС, приправив его грустным смайликом.

Она прочла но не успела ответить. Принесли напитки.

– Эй, я тебя видела в Инстаграмм – заметила чернокожая девчонка, подправляя фартук – Ты же... Как там... Каролинка чё-то там долл? Я кайфую от твоих фото в купальнике, подруга. Первая белая в этом городе, кто покажет всем тощим бледнолицым сукам как нужно правильно светить двумя дыньками сзади – официантка хихикнула. Валентин улыбнулся.

– Эммм... Спасибо, наверное – неуверенно выдавила Кэр, и перевернув телефон отложила его на стол.

Коктейль «Кровавая Кэрри» полностью состоял из томат-

ного сока, большого количества соли и какой-то непонятной кисломолочной добавки. Большой дряни она в жизни ещё не пробывала.

Валентин пил пепси. Отложил трубочку в сторону и обхватил стакан громадной ладонью. «Как три моих кисти» – подумала она, продолжая скользить взглядом по его крепким рукам.

На внутренней стороне левой руки набито тату. Маска? Да, судя по всему жуткая улыбающаяся маска. На ней виднеются вырисованные красной краской капельки крови. Когда он в очередной раз потянулся за напитком, Каролина крепко схватила его руку и попыталась получше рассмотреть мрачный рисунок.

Парень резко одёрнулся, спрятал руку под столом и неловко ударился локтем.

– Что это? – удивлённо спросила она сдвинув брови – Точнее, что там нарисовано?

– Не важно – растеряно обрезал он, бегая глазами по удивлённому лицу Каролины: от бровей до губ и обратно – Просто тату. Обычное тату – он заёрзал на диване. Почему он вдруг стал невыносимо горячим? Будто место под его задницей вот-вот загорится. Это нормально?

Валентин начал потеть. На открытом лбу и блестящей лысине стали проступать капли. Это нормально?

Меньше всего ему хотелось выглядеть нелепым в глазах лучшей девчонки города. Меньше всего ему хотелось врать

ей. Может быть настал тот момент, когда придётся быть предельно честным? Может быть теперь нет смысла скрывать себя настоящего?

– Я с тебя не слезу, пока не расскажешь что значит эта жуткая маска – хитро улыбнулась блондинка – Я её уже видела. Это из какого-то ужастика?

«Какой ужастик? Эта долбанная история!» – чуть не выпалил он. Слава Богу, этого не произошло.

– Если я тебе скажу что это, ты просто встанешь и уйдёшь. Я не могу тебя отпустить.

– Спорим? Меня никогда не пугали странности.

Валентин вывалил перед собой левую руку и отодвинул рукав чёрной кофты так, чтобы тату было видно во всей красе.

Маска телесного цвета. Белоснежные зубы. Красные губы – казалось бы, простое улыбающееся лицо. Как оно могло наводить ужас?

Легко, застывшая на маске физиономия в полной мере передавала безумие. Просто чистое безумие.

Красные капли человеческой крови на ней навивали жуть. Не страх, конечно, просто лёгкую дрожь пробегающую по коже.

И эта страшная картина изображена на руке человека который ей нравится? Интересно.

– Даниил Тришакович – сухо обрезал Валентин и опустил глаза на своё тату.

– Кто? – переспросила Кэр

– Даниил Тришакович. Точнее его маска. Что ты хочешь о нём узнать?

– Всё. Конечно, я хочу знать всё. Расскажи кто это.

– Даниил Тришакович – маньяк-психопат, признан самым бесчеловечным убийцей за всю историю человечества

– Ты говоришь как Википедия – хмыкнула блондинка, отпив немного красного как кровь коктейля.

– Как ты можешь не знать его? В девяностых убийства, совершенные им, потрясли весь мир, а прикол в том, что происходили они в этом городе.

– Я слышала что-то, мне рассказывала наша мексиканская кухарка Фрида.

– Каждую ночь он выходил убивать, просто ради веселья. Сначала совершал бесчеловечные акты насилия в дуэте со своей девушкой – Ангелиной. Они одевали одинаковые маски, убивая всех исключительно мачете.

– Какая необычная love-story – Валентин не обращал внимания на постоянные реплики Каролины, продолжая рассказ.

– Потом, вокруг себя они образовали целую секту. Что-то типа сатанистов-анархистов. В их секте становилось всё больше и больше людей, выходивших на охоту каждый вечер. Полиция просто не справлялась, пока однажды они не перестреляли всю банду во время совершения акта насилия над беременной.

– Пипец... – проронила Каролина, думая и смотря на тату.

Всю информацию начисто она смогла прочитать лишь в Википедии, придя домой и включив белоснежный МАС, стоящий перед кроватью.

По запросу «банда Тришаковича» в гугле вылетали сотни ссылок, был даже фан-сайт, где безумцы строчили фанфики об этом маньяке: любовные, кровавые, даже гей-истории.

Кэр поморщила нос, не став читать эту дрянь.

«Даниил Тришакович и его банда (см. также ссылку на книгу «Десять личностей Тришаковича») прославились чередой жестоких убийств, периодически носивших ритуальный характер. Свою криминальную деятельность начали с мелких грабежей банков. Первое ограбление Даниил совершил сам в 1989 году, незадолго после этого познакомившись с Ангелиной (см. также Ангелина Тришакович), ставшей его пассией на всю жизнь и неофициальной женой.

После создания секты в 1990 году к Тришаковичам стали присоединяться новые люди страдавшие психическими отклонениями. По некоторым версиям, деятельность секты разворачивается вокруг поклонения сатане».

Дальше идёт бла-бла-бла, какие-то кровавые подробности, бла-бла-бла, подробности, бла-бла-бла, расчленёнка и кровища.

Короче говоря, во время нападения на беременную прямо на улице полиция расстреляла конченных сатанистов.

«Место захоронения находится в национальном заповед-

нике «Дубки» (открыть в Гугл Карты), полицейским пришлось скрыть тела, захоронив их в неизвестном месте, таким образом спрятав от группы разъярённых активистов, желающих заполучить тело Даниила».

Бла-бла-бла. Кровища. Бла-бла-бла. Рассчленёнка.

«По разным версиям, количество жертв от рук банды Тришакевича шагает от ста пятидесяти и до двухсот. Официальные данные, провозглашённые судом в 1995 утверждают 156 жертв, убитых разными людьми в разное время на протяжении пяти лет. По неофициальным данным, количество жертв достигает 204».

Также в сети Кэр наткнулась на тонну художественно написанных статей:

«Каждый вечер для беззаботного провинциального городка становился судным. Несчастные жители закрывали окна, баррикадировали двери и молились, крепко обнимая детей, в надежде просто ПЕРЕЖИТЬ следующую ночь. Слыша звук моторов, доносившихся с улиц они представляли его – «посланника дьявола» – именно такое прозвище дали ему жители».

– Б-р-р-р – Каролина вздрогнула, почувствовав как по телу, как сильный разряд тока, пробежала дрожь.

– Что забыла маска подорванного сатаниста на твоей руке? – Кэр зажала его руку в очередной раз. Длинные ногти впивались маникюром фиолетового цвета в кожу. Она не от-

рывала взгляда от жуткого тату, проводя пальцем по капелькам крови.

Мрачная обстановка. Неоновая лампа, освещающая загадочное лицо человека, что был совсем ей незнаком. Как она могла доверять ему, видя физиономию сатаниста на левой руке?

Ей стало не по себе. Вздрыгнув, она чуть не перелила коктейль из томатного сока на белоснежный костюм.

– Это трудно объяснить – сухо оборвал он, стыдливо опустив глаза на стакан с «Пепси». Взяв в руку трубочку, он стал размешивать лёд внутри, создавая крошечный водоворот. «Стоит ли ей доверять?» – думал он, периодически поднимая глаза на неё: слегка растерянная, озадаченная но уверенная красотка. Белые локоны спадали на плечи, взгляд стойко держался на его лице, будто она допрашивает опаснейшего преступника. Правый уголок пухлых губ нервно дёргался: то вверх, то вниз. Она поела его взглядом, вытягивая правду наружу. Она хотела её знать, она нужна ей хотя бы для того, чтобы мрачный таинственный образ человека с грустными глазами наконец оставил её, ушёл прочь из головы и никогда не возвращался.

«Кто же ты такой?» – про себя спросила Кэр, вслух уверенно произнеся:

– Я не боюсь трудностей – она скрестила руки на груди, ожидая ответа. Обстановка за столом накалилась до предела. Пара чувствовала дыхание друг друга, по очереди им обме-

ниваясь. Получался круговорот: они пытались уловить аромат, смотря друг другу в глаза.

Только сейчас она осознала, что на самом деле видела в его глазах помимо уверенности и тоски: тайна. Загадка. Он умело скрывал что-то от всех окружающих, давая тайне вырваться на волю лишь через глаза, предательски выдававшие всё.

– Он типа кумир нашей компании. Похоже, мне придётся смириться с тем что самая идеальная девчонка в моей жизни узнает всю правду – Валентин тихо хмыкнул. Это непохоже на обычный смех, больше на утешение самого себя, нервный тихий звук вырвавшийся из дрожащих уст – Хочешь знать правду? Получи. Распишись. Я ненавижу каждого жителя этого города с лет-так десяти. Каждой частичкой сердца ненавижу. Терпеть не могу – Валентин наклонился максимально близко к хранившей уверенное выражение лица блондинке – Я понимаю Тришаковича, все его бесчеловечные аморальные убийства которые повергли в шок всю планету земля. Оглянись, Кэр – Каролине не привычно слышать, как Валентин быстро назвал её «Кэр». Это милое, как ей показалось, сокращение её имени придумал Макс. Она слышала его сходящим лишь с его уст. «Пойдём в кино, Кэр, новые «Мстители» вышли», «Ты сегодня выглядишь ослепительно, Кэр», «Кэр, я люблю тебя».

Всё тело охватило чувство стыда. Она нагло предаёт человека, который любит её по-настоящему, проводя время с

поклонником серийного убийцы. Она ужасный человек.

– Все жители тут – заодно. Каждый что-то скрывает. Ты видишь это? Их всех будто что-то связывает, что-то ужасное. Семь лет назад умерла моя мама. Представь, её тело нашли с пробитой головой посреди леса.

– Мне жаль – дрожащим тоном проронила блондинка – Это ужасно – ей сразу стало стыдно за столь сухие соболезнования. Она никогда не могла красноречиво выразить чувства, как это делают псевдо-глубокомысленные стервы под фотками у себя в инста-блогах, копируя их с забытых ванильных интернет-романов.

– Знаешь что мне сказали, оповестив о смерти? Самоубийство. Ты можешь себе представить, моя любимая жизнерадостная мама, наслаждавшаяся каждым днём в один прекрасный день решила пробить себе голову. Они до сих пор пичкают меня этим бредом. Моя мама прослыла самоубийцей, из-за того что они просто что-то скрывают.

В голове вырисовывался нечёткий психологический портрет сидевшего перед ней человека. Обиженный на всех, до сих пор не смирившийся с фактом смерти матери парень. Мстительный, меланхоличный и немного пугающий. Это нормально, что Каролине это казалось привлекательным?

Его загадка, недомолвка сквозившая в каждом слове. Она хотела узнать, что он ещё скрывает в своей черепной коробке, с интересом рассматривая лысую голову словно пытаясь просмотреть её насквозь. Его голова, что в ней твориться –

тайна, запутанная головоломка, а судя по всему, Кэр любит тайны.

Сначала она почувствовала стойкое отвращение. Даже не так: самый настоящий страх, смотря в хранящие за собой неизвестность глаза. Пахнувшая попкорном забегаловка показалась ужасно холодным местом, где с каждой щели дул противный сквозняк.

Но это ощущение прошло, будто за секунду его сняло рукой. Она продолжала смотреть в те же глаза и чувствовала себя иначе: словно детектив, Ненси Дрю, если бы та сменила рыжий цвет волос на более светлый. Она хотела взять лупу в руки, снять с парня скальп и поискать ответы на вопросы в кровавом месиве загадочного мозга. Ой, она вовсе не это имела ввиду. Точнее, это, но не в таком жестоком варианте.

У Валентина весьма грустная история, которая всё равно не оправдывала лютую ненависть к каждому жителю города. Ну, скрыли правоохранительные органы во главе с его отцом-шерифом настоящую причину смерти. При чём тут остальные горожане?

Каролина достала бумажную салфетку из салфетницы, не контролируя свои действия начав перебирать ногтями по бумаге. Она раздирала её, агрессивно рвала разбрасывая в разные стороны. Валентин с удивлением наблюдал за всем этим, провожая взглядом каждый вылетающий из её рук клочок.

Кэр была зла на себя. Она не могла понять что с ней твориться, что она вообще хочет: убежать, запрыгнув в белый

мерседес умчатся и никогда больше не встречать этого человека, видя его каждую ночь во снах; или остаться и смотреть в прозрачные глаза, ненадёжно скрывающие тайны за тонкой сетчаткой как в клетке, отбивающей в себе неоновый свет красных кровавых ламп.

За спиной Каролины багровыми буквами горела вывеска «Страх». Именно это слово отображалось в его голубых глазах. «Страх», «Страх», «Страх». Она натыкалась на него каждый раз, как только взгляд падал на лицо Валентина.

Тёмная дорога, окружённая лесом, который не спеша покрыли сумерки.

В темноте притаился мистический силуэт, перед собой держа коллекционный фотоаппарат «Nikon», стилизованный под начало двадцатого века. Чёрная перчатка скользнула по верхнему колёсику, приблизив изображение: «Пауки Сумрака», сидевшая за столом пара с интересом смотревшая друг на друга. Улыбающаяся блондинка, известная в местных кругах Инста-блогерша. Лысый парень в белой рубашке, известный в местных кругах как заядлый хулиган. Его рука протянулась к её щеке, бережно убрав свисающую над лбом белую прядь.

«Щёлк!», «Щёлк!», «Щёлк!»

Пара, сидевшая у окна на самом видном месте, поедала увлечёнными взглядами друг друга, выбирая лучшие кусочки. Они были полностью поглощенны, не видя вокруг

себя ни равнодушной чернокожей официантки, принёсшей огромный жирный бургер, ни осуждающих взглядов, долетающих с соседних столиков. Только они одни.

«Щёлк!», «Щёлк!», «Щёлк!».

– Сири, включи релакс плейлист – в комнате Макса, находившейся на втором этаже шикарного особняка заиграла скучная мелодия, в которой лишь перебивая некоторые ноты омерзительным старым голос подпевал старик.

– Сири, не такой ужасный плейлист – музыка прекратила играть – Да пошло оно всё – махнул ладонью Макс, отодвинув стул и склонив голову над пыльным учебником.

В вилле Макса, находившемся в богатом районе города, местном Беверли-Хиллз или Гангнам (как вам удобно), была встроена работающая круглые сутки функция «Умный дом». Управлять домом, умеющим спокойно жить своей жизнью без хозяина можно было через смартфон и многочисленные «АйПады», встроенные в стены почти каждой комнаты.

Такой был и у Макса, прямо напротив рабочего стола.

Сквозь просторное окно во всю стену внутрь залетал приятный холодный воздух, в котором ясно чувствовался слегка химический запах бассейна, горевшего синей подсветкой на заднем дворе.

День был, как это бывает всегда у Макса – выматывающий. Тренировка-пот-тренировка-пот-уроки-пот и заново.

Домой он приходил лишь к часам девяти, плюхаясь на кровать и засыпая сном убитого.

Но сегодня особенный день – его отпустили раньше с тренировки по баскетболу. Странное чувство: он вроде бы и был счастлив, но просто не знал что делать, сидя в комнате и выглядывая в окно. Внутреннее управление кричало: «ВНИМАНИЕ. СОС. Что-то идёт не по плану!!!», а он, не зная что делать просто ходил от стены до стены.

Основная цель его жизни: стать спортсменом мирового уровня, таким, чтобы за его прокачанное тело NBA устраивало войны с лигами других стран, таща Макса к себе за руки. У него, кажется, всё для это было: собственная игровая площадка на заднем дворе, тысяча и одна добавка, миллионы протеиновых батончиков и коктейлей. В основном, он сидел только на них представляя из себя высушенный истощенный тренировками гигантский мешок с мышцами. Но он и не против. Ему нравилась такая жизнь, когда ты постоянно чувствуешь как с твоего лба стекают капли пота, когда твоё сердце бьётся в бешеном ритме, точно желая проделать дырку в груди, когда ты задыхаешься, в глазах темнеет, но ты продолжаешь на выдохе идти к цели. Этот лайфстайл для него. Он привык к подобному образу жизни с глубокого детства. Каждый его день был сродни прыжкам на скакалке: имея одинаковый ритм, он способен был надолго выбить тебя из сил, но также благодаря очередным тренировкам и испытаниям появлялась возможность прыгать всё выше и вы-

ше. Замкнутый круг, как белка в колесе.

Макс открыл учебник по геометрии поверхностным взглядом осмотрев параграф с формулами для прямых углов. Последние три года он вообще не делал задания, забыв какого это – размышлять.

Макс открыл книгу, взглянул на обведённую в синюю рамку формулу. Закрыл. Открыл ещё раз, и почувствовав как на его виске вылезла вена, закрыл.

Со времён седьмого класса программа шагнула вперёд на шагов сорок.

Телефон, находившийся с краю стола замигал.

– СМС от контакта «Андрей» – милым голосом заявила девушка, представлявшая собой весь дом. Судя по нему, виллой семьи Макса была молоденькая симпатичная девушка с тонким голоском. Весьма жутко.

«Тебе повезло, что ты не попал на эту долбанную премьеру. Просто муть. На красную ковровую дорожку цвета месячных нашей математички пришёл лишь один сценарист. Один из семидесяти. Похож на смурфика. Хочешь фото сброшу?»

«Не стоит» – ответил Макс, хихикнув над сообщением друга.

«Фильм параша. Они скрестили «День Сурка» с любым научно-фантастическим нудным дерьмом. На сороковой минуте я готов был проблеваться прямо на лысину сценариста-смурфика».

Макс послал смеющийся смайлик лучшему другу, отложив телефон и снова открыв учебник. Синяя рамка продолжала угрожающе пялится на него, переставляя буквы местами и расплываясь будто в бредовом мираже.

Кажется, у него получилось выучить первую строку.

Телефон опять замигал.

– Андрей, оставь меня со своим очередным тазиком ироники в чистом виде – цокнул Макс, ожидая увидеть там очередное сообщение от друга.

«СМС от контакта «Аноним».

Аноним? Что-то новое.

Макс бросил взгляд на экран, прочитав первые слова.

«Нам нужно много чего обсудить, Максик. Сижу в «Пауках Сумрака», попиваю коктейль, и жду тебя вместе с твоей девушкой. Её волосы так вкусно пахнут кокосом.

Приезжай прямо сейчас.

Чмоки.

Леди V».

Та самая психопатка, которая позавчера убила парня и прислала угрожающее письмо Андрею вызывала Макса в кафе. Странновато.

Макс позвонил Андрею. Он не взял трубку, а потом гудки сами собой прекратились.

«Конечно, этот засранец в жизни не возьмёт трубу когда произойдёт что-то по настоящему тревожное».

У Макса колотилось сердце. Он не знал что делать, в раз-

думьях машинально вызвав Убер.

«Ожидайте авто через пять минут».

Макс откинул телефон в сторону, так и забыв его запутанным в одеяле на кровати.

Накинув красную длинную майку «Чикаго Рэд Буллс» он вышел из комнаты, погасив свет.

Белый бюджетный «Форд» был на подъезде.

– Если хочешь перемотать, нажимай тут – сморщенными руками показал охранник Андрею, продолжая говорить тихо и почти неразборчиво.

– Спасибо, но я не болею синдромом дауна чтобы не разобрать по двум стрелочкам смотрящим влево и вправо, где находится «перемотка» а где «отмотка».

Охранник косо глянул на вальяжно рассеявшегося на его месте парня, державшего крепкую руку на мышке.

– Чего ты встал? Иди пока погуляй – нервно приказал Андрей, пальцем указав на единственный выход из тесной каморки.

– Но мне тоже следует знать кто желает Вам зла, чтобы потом помочь – монотонным голосом проворчал охранник.

– Ты уже помог, когда продрых во время того, как на территорию моего дома пробралась психопатка – спокойный тон Андрея превратился в звонкий агрессивный крик – Так теперь, дедуля, ты можешь идти и спать в доме престарелых. Ой, прости, я же забыл что у тебя на него не хватит денег –

улыбнувшись, сын олигарха глянул на выход, громко захлопнув дверь за сутулым охранником.

– Сейчас узнаем кто ты такая, наглая сучка – начав рыться в многочисленных функциях программы руководящей ка- мерами по всему особняку Андрей, сам того не замечая, закусил губу.

Он перематывал запись назад. Утро среды, ночь среды, вечер вторника... Это был очень нудный и монотонный процесс. Скучая, Андрей облокотился щекой об руку, и не снимая палец с клавиатуры стал осматривать комнатку.

Плохо пахнувшая немывтым потным стариком мрачная тёмная коробка, напоминающая комнату под лестницей из фильмов о Поттере.

Тут, должно быть, можно было рехнуться сидя двадцать четыре часа в сутки и уплетая острую китайскую еду из бумажного судка.

На стене напротив входа были навешаны три экрана, отображающие что происходит в холе, на заднем дворе и у входа.

– Ленивый пердун – себе под нос буркнул Андрей, подняв глаза на верхний монитор. Даже мартышка с диаметром мозга в два сантиметра догадается поднять свои маленькие глазки, посмотрев всё ли в порядке с главными богачами региона. Но нет, вместо этого пахнувший зловонным пердежом старик предпочитал закинув грибковые ноги на стол то спать, то просыпаться и пердеть, с мастерством смешивая эти два занятия.

Вечер понедельника. Стоп! Андрей нажал на паузу, начав отматывать назад не с такой быстрой скоростью.

19:01, 18:50, 18:30, 18:00. Стоп! Кажется где-то в этот период времени в окно гостиной залетел булыжник.

Передний двор, пышные клумбы которого пронизывали тропинки из дикого камня, пустовал. В окружении ярких тюльпанов и пышных роз одиноко стояла красная газонокосилка. Её, скорее всего, один из глупых садовников забыл отнести в кладовую (ничего нового).

Камера снимала весь передний двор и высокий забор, не захватывая дом.

С наступлением сумерок включился режим «Ночного видения», делавший изображение синим, подсвечивая светлые объекты, без сожалений размывая всё остальное.

18:05. Двор продолжал пустовать, лишь какая-то мелкая птичка, в камере ночного видения смахивающая на летучую мышь, проскакала по тропинке и улетела прочь.

18:07. Пустота.

18:10. Пустота.

18:11. Камеры наконец уловили движущийся объект. Точнее Андрей заметил что-то в непроглядном мраке, поглощавшим пятьдесят процентов изображения. На забор, высотой где-то три метра влез тёмный силуэт, по виду напоминавший непонятную быстродвигающуюся тёмную материю. Точно, это плащ, прикрывающий тело злоумышленника. Как и говорила хитроумная китайка, безумец подготовился.

Сумерки бесчеловечно смешивали злоумышленника с ночью. Андрей был не в силах рассмотреть его детальней. Даже приблизив изображение он видел блестящую шёлковую мантию, будто выкраденную с какого-нибудь театрального кружка, и широкую дамскую шляпу прикрывавшую голову. Он бы вообще не заметил проникший на территорию дома силуэт, если бы не задёргавшаяся, словно от урагана, высокая зелёная туя, стоявшая перед забором. По ней и влез злоумышленник.

Закончив непростой подъём, инкогнито по-детски свесил ноги, женственно скрестив их и уложив на бедро руку, прикрытую перчаткой.

И тут Андрей проморгался, словно не веря глазам. Он приблизил изображение максимально крупно, поставив на паузу.

На незнакомце, или незнакомке, одета белая деревянная маска. Изображала она пожилую сморщившуюся даму, расплывшуюся в улыбке. Улыбка столь широка, что исказила лицо до ненатурального вида. Именно она делала её такой жуткой. Широкая улыбка от уха до уха, будто от фильтра в снэпчате сделала из обычного белоснежного изображения старухи в стиле «кабуки» пугающую рожу.

– Твою мать – испуганно прошептал Андрей, дрожащими руками нажав на кнопку «продолжить». Перед глазами проскочила сотня фильмов, в которых кровожадные убийцы в масках охотились за молодыми и красивыми подростками.

А он был молодым. И красивым. Все эти фильмы заканчивались одинаково – вспоротым животом, литрами крови и массовой резнёй.

Всё оказалось серьёзнее, чем он полагал.

Неизвестный в тёмном костюме поднёс указательный палец к улыбающимся устам маски, выражая известный всему миру знак: «Тише!». В ушах Андрея пронзительным скрипом раздалось тихое «Тш-ш-ш-ш!». Оно звучало эхом снова и снова, пока синее изображение продолжало показывать задний двор.

– Кто же ты такая, Леди V? – растеряно прошептал Андрей, ещё раз поставив на паузу проигрывающееся видео.

– Где остановить? – спросил зевающий водитель белого «Форда», тарабаня жирными как сосиски пальцами по рулю.

– Где Вам удобно – спокойно ответил Макс, ёрзая по холодному сидению от волнения: он обнаружил что забыл телефон на пятой минуте поездки, как раз в тот момент, когда машина выехала на тёмную трассу. Как можно забыть телефон, уезжая на встречу с психопаткой?

Выглядывая из окон, Макс всматривался в тёмные стёкла «Пауков», отбивающих в себе свет яркой вывески. «Ауки Урака» – гласила она, ведь буква «П», «С» и «М» затухли, дав сумеркам поглотить себя.

Сквозь одно из тёмных окон Макс увидел знакомое лицо. Смеющаяся блондинка, подправляющая ладонью свои воло-

сы и смотрящая на сидевшего перед ней... Кто бы это мог быть? На силуэте нависла назойливая яркая вывеска, изображающая махающего лапой тарантула.

Тёмный силуэт протянул крепкую руку к щеке его девушки, на что та игриво выставила её вперёд, наслаждаясь нежным прикосновением.

Его девушка. Девчонка, нравящаяся ему с первого класса. Девочка-идеал. Девочка-мечта. Его добрая, искренняя Кэр. Как она могла так поступить? Он ведь вправду её любил, по-настоящему.

Сейчас ему казалось будто ласковое прикосновение резко задело сердце, стучавшее в груди в бешеном ритме. Он привык к этому ритму. Но сейчас, казалось, что он готов оторвать эту руку, даже и не посмотрев в лицо того, кому она принадлежит.

Он чувствовал себя обманутым идиотом, которым воспользовалась стерва примерявшая на себя маску миловидной феи, вытерев об него тонкие ноги и выкинув на свалку.

– Вот сука! – вскрикнул Макс, дёрнув за ручку.

– Что вы сказали, молодой человек? – переспросил таксист, покосившись в зеркало заднего видения.

– Ничего – буркнул он – Вы откроете?

– А вы заплатите?

Макс кинул пятидолларовую купюру, с щелчком двери вылетев на улицу.

Мрак, стоящий в заведении пробивали лишь тусклые огни коротких странных надписей: «Страх», «Паутина», «Чёрная вдова» – иногда из-за яркого красного неоновомого света, зубы людей, сидевших перед ними, по-смешному загорались, будто пять секунд назад они разжевали тубик с краской.

Под ярким красным «Страхом» сидела улыбчивая блондинка. Сегодня она разбрасывала свои идеальные улыбки каждые десять секунд, очаровывая каждого видящего их. Но все они были адресованы лишь одному.

– Благодаря тебе я смог поверить, что в этом городе есть хоть что-то человеческое – продолжал Валентин, опустив руку на ладонь девушки.

– Что ты имеешь ввиду? – переспросила она.

– Ты дала мне веру в то, что в этом городе живут не одни моральные уроды. Ты – удивительная – Валентин улыбнулся, почесав затылок и обнажив яркое пугающее тату

– Я не хочу быть банальным, но ты иная. Ты другой человек. От тебя исходит свет даже на огромном расстоянии, ты вся сияешь. Он исходит изнутри.

Валентин протянул руку к её щеке, на что та послушно выставила её вперёд. Она зажмурила глаза. Время остановилось. Его тёплая кожа, нежное прикосновение, ладонь скользящая вниз. И что с того, что на его руке красуется безумная физиономия убийцы? Он вправе сам выбирать себе кумиров. Он вправе быть таким, каким есть: добрым, милым и хранящим тайну.

Тишина. Лишь его глубокое дыхание.

– Убери руку от моей девушки, грязное быдло! – грубый голос Макса. Она узнает его бас где бы не была.

Внимание каждого, сидевшего в забегаловке обратилось на вошедшего в прозрачные двери широкоплечего высокого качка с торчащей в разные стороны каштановой шевелюрой. Его знали все, каждый сидевший и мило поедавший бургер запивая коктейлем из томатного сока. «Местный Джордан», «Надежда нашего спорта» – а чего бы им и не знать человека, на каждой игре пролетающего над полем словно у него вырастали крылья? Носки его ярких высоких сникерсов только слегка касались земли, когда в руках был мяч. Открыв рты, ликующая толпа замерев наблюдала за невероятно ловким подростком, обводившим соперников вокруг пальца.

Сейчас его внимание было приковано лишь к одному столу. Красные бархатные диваны, приглушённый свет, созданный будто для поцелуев сидевшей под ним пары. Одним резким движением блондинка сняла руку Валентина со своей щеки, взглянув на разъярённого Макса.

Секунда, и он стоял, словно каменная скала, над столом, взглядом прожигая Валентина. Его ноздри расширялись с каждым вдохом, как у быка готовящегося к нападению на тореадора.

Валентин, облокотившись пальцами об стол, привстал смотря в лицо бывшему сидевшей перед ним мечты. Он нахально заглянул в медленно наливающиеся злобой глаза,

ощущая лицом порывы громкого дыхания парня.

Секунды, которые сейчас вспоминаются сидевшим там как вечность.

Испуганная Каролина быстро выпалила, глядя на друга детства:

– Я собиралась тебе сказать, клянусь.

Слова пролетали мимо его ушей. Она не успела озвучить мысль. Обиженный баскетболист нанёс первый удар, наблюдая как быстро, прямо на глазах, на щеке гопника образуется красный след.

Положив ладонь на щеку, Валентин почувствовал как резко сдавливаются его виски. Он зажмурил глаза. Сквозь звон в ушах прозвучала фраза:

– Разбей стакан, а розочкой от него перережь глотку этому пидору... – мерзкий хриплый голос звучал везде, окружая его со всех сторон.

– Сделай это, ты почувствуешь облегчение когда алые капли крови этого глупого богатенького подонка упадут на твою кожу одна за другой.

Голос заполнил всё пространство тесного кафе. Он заходил через двери, вылетал через вентиляционные шахты, прилетал из открытых окон...

– Отстань, отстань, отстань! – вскрикнул внутренним голосом Валентин, закатив рукава белоснежной рубашки.

Он стиснул зубы слегка прикусив губу, перед тем как накинуться на стоящую перед ним скалу.

Секунды, и обиженные парни оказались на полу, вцепившись крепкими руками, на которых паутиной вылезли синие вены, окутывая их до локтей, в плечи друг друга.

Валентин прижал противника спиной к твёрдому полу, быстро врезав по носу, держа кулак у головы.

Макс почувствовал, как с носа ручьём хлынула тёплая кровь, стекая по губам. Он пытался вырваться из крепкой хватки хулигана, нанёсшего второй удар, но на удивление – безуспешно. Создавалось чувство, будто его придавила к земле весившая тонну гряда камней или тяжеловесный слон. Тонкий на вид парень, на лице которого проступили вены, продолжал сидеть на нём, провожая хрустальными глазами алый ручей.

– Перережь ему глотку! – приказывающие крикнул ему мерзкий голос – Режь!

Вокруг дерущейся пары собралась вся закусовая. Они оставили жирные бургеры и сладковатые коктейли на ужин налетевшим крупным мухам, держа перед собой телефоны и снимая драку в сториз.

Сториз, будь то Snapchat или Instagram, или даже Facebook (если какой-то безумец туда снимает сториз) был местным быстрым аналогом передачи свежих сплетен. Кто-то пьян, а тебе нужно чтоб об этом в короткий срок узнали все? Сними его! Твоя подруга потеряла девственность на вчерашней вечеринке? Сфоткай её и напиши об этом! Кто-то дерётся в забегаловке? Доставай смартфон и НЕМЕДЛЯ снимай!

Сидевшие в «Пауках» люди образовали круг, в центре которого лежали вцепившиеся в друг друга парни, борющиеся за одну девушку, не знавшую что делать. Наклонившись, она пыталась разнять пару, выкрикивая «Остановитесь!», «Прекратите!». Бесплезно. Они не желали отпустить друг друга.

Макс ударил Валентина в солнечное сплетение. Валентин ударил Макса в грудь... Удары шли один за другим, не давая увлечённым зрителям времени для передышки.

– Эй вы, голубки тестостероновые! – крикнула чернокожая официантка, схватив Валентина за рубашку – Я расцарапаю тебе лысину, выцарапаю ногтями член на твоей башке, если ты сейчас же не прекратишь!

Замечание официантки пролетело мимо их ушей. Кровь стекала с лиц обоих парней, мелкими каплями капая на пол, на котором их тут же в себя поглощал мрак.

– А-ну прекращайте! – строго крикнул высокий упитанный мужчина. От него пахло картофелем фри и жирным маслом. Он оставил жарится на кухонной плите телячьи котлеты для бургеров, запах которых медленно проник в зал.

Просунув руки между тел, соединившихся в драке, он смог разнять поглощённых агрессией парней, ладонью вытирая пот с лица.

– Как же ты не можешь понять, что ей плевать на тебя! Она не хочет быть с тобой! – крикнул Валентин, чувствуя руку упирающуюся в грудь. Повар взглянул на него, после чего повернул голову на Макса, с носа которого текла кровь,

добегая до подбородка резко срывавшись вниз.

Пальцами он пытается смахнуть алую жидкость, которая продолжала своевольно течь в стороны.

– Ты думаешь она хочет быть с ТОБОЙ? – хмыкнул Макс, обнажив белоснежные зубы. На них тут же попала капля – Посмотри на себя в зеркало: поехавший нищеврод-аутсайдер, такие как ты остаются одни до конца жизни, даже и не смотря на таких как она!

Валентин чувствовал, как верхняя челюсть сдавливает нижнюю, будто вот-вот и его зубы сами себя уничтожат. Он из всех сил пытался не оттолкнуть стоявшего рядом с ним мужчину, вцепившись в горло высокомерного ублюдка. Напыщенный, самонадеянный мудака – он ничем не отличался от подобных, улыбаясь думая что Бог его поцеловал в щеку, как только он вылез из утробы матери.

Его взгляд, его голос и его ухмылка. Валентин хотел разорвать его одними лишь руками на мелкие куски, разбросав по всему кафе. Он хотел заглянуть в его высокомерные глаза в тот момент, когда он вонзится в его живот проделав там дырку и достав печень. Он бы хотел уловить этот взгляд, осознающий что его идеальное бытие подошло к финалу. Он бы поднёс печень прямо к его носу, дав мудаку рассмотреть её получше.

– Ты жалкий. Просто жалкий испорченный гопник, которого высрала мать специально для того, чтобы он сидел на лавке, бесцельно жуя семечки найденные на мусорке – Макс

расхохотался, бросив быстрый взгляд на оживлённую толпу, обменивающуюся многочисленными шепотками об динамично развязывающемся любовном треугольнике – Как там поживает твоя мамаша гния под землёй?

– Макс – дрожащим голосом бросила Кэр, пытаюсь остановить бывшего парня.

– Скажи ей, чтоб передавала от меня привет трупным червям.

– Макс – повторила она.

– Я не удивлюсь, если ты сам замочил её собственными руками – Макс хмыкнул ещё раз.

Секунды. Считанные секунды казались для стоявшей толпы, снимающей на камеры перепалку, бесконечно тянущимися минутами.

Валентин вырвался из хватки повара, налетев на улыбающегося парня. Его улыбка в тот момент была похожа на волчий оскал, будто он специально обнажал передние клыки надеясь испугать противника.

Парень вцепился в голые плечи, торчавшие из-под майки, со всей силы толкнув баскетболиста к тёмному стеклу.

Максу показалось, будто на секунды он взлетел. Воспарил. Он не почувствовал пола, глазами обводя толпу.

Звезда спорта. Баскетбольная надежда. Сейчас он, побеждённый, проделал трещину в окне «Пауков».

Мимо забегаловки проехал быстрый Камаз, осветив фарами тело качка, которое не желал отпускать разъярённый

обиженный хулиган.

– Попробуй ещё раз заикнуться о моей матери, мурло – обрезал Валентин смотря в испуганные глаза.

– Прикончи его! – воскликнул голос, сдавливая голову Валентина со всех сторон– Сделай это прямо у всех на глазах! Обрызгай их кровью этого тупого гандона!

Замахнувшись, Валентин врезал ещё раз по лицу Макса, чувствуя как стекавшая вниз кровь упала на ладонь.

Бледная кожа окрасилась в цвет крови чужого человека.

– Он осквернил твою мать, сопляк! Раскрой его пасть и вырви язык! – приказывал голос.

Валентин ударил ещё раз. Брызги полетели в сторону, упав на треснувшее зеркало.

– Убей! Убей! УБЕЙ!

Макс улыбнулся. Белоснежные зубы полностью окрасились в багровый:

– Жалкий обиженный на мир мальчик. Может, убьешь меня? – каверзно спросил он, не убирая с лица широкоую хитрую ухмылку – Такие как ты наверное всё время жаждут кого-то убить. Такие как ты, впоследствии, становятся насилующими детей грязными пахнущими пивом безумцами, позором общества, и заканчивают жизнь на электрическом стуле.

Макс рассмеялся.

– Для этого ты пригласил на свидание Кэр? Готов поспорить, руки чесались расчленив её, накормив перед этим жирными дешёвыми бургерами.

Нерв на лице Валентина судорожно запрыгал вверх. Руки, вцепившиеся в красную майку мудака сжались ещё сильнее, готовые разорвать ткань на мелкие клочья в любую секунду.

Подняв кулак, обнажив цветное тату на руке, он готов был нанести очередной удар.

Нежное прикосновение. Ласковая тёплая кисть. Каролина положила руку на его кулак, бережно сдавив и прислонив к груди.

Валентин опустил на неё взгляд, отпустив противника.

Он почувствовал биение её сердца.

Тук-тук, тук-тук. Оно стучало будто вот-вот выпрыгнет из груди.

Растерянный взгляд. Напуганные глаза, из которых сейчас хлынут слёзы. Из-за него. Это все лишь из-за него.

Вина. Он почувствовал резкую ношу вины, упавшую на плечи за одну секунду. Он заставил её плакать, разрушив в один вечер привычный счастливый порядок жизни.

– Не делай этого, прекрати, ради меня– тихим отчаянным голосом умоляла блондинка, прислоняв кисть, запятнанную чужой кровью к себе.

Валентин отошёл, окидывая взглядом тело побеждённого качка-звезды.

– Прости Макс, я не хотела чтобы так всё закончилось. Я просто не испытываю к тебе ничего – Каролина отвела взгляд, посмотрев на Валентина, хрустящего пальцами – Прости – повторила она, закрыв глаза будто вот-вот и с её

глаз спустится слеза. Она не хотела обидеть человека, с которым беспрерывно общалась с трёх лет. Она провела с ним всю жизнь не рассчитывая на подобный финал.

– Пустая – проговорил себе под нос Макс – Ты пустая – громче повторил он так, чтобы слышали все. Будто показывая шоу снимающим на камеры зевакам – Ты поверхностная, глупая и тупая. В тебе нет ничего, что могло зацепить меня и кого-либо другого. Ты пустышка. Мне жаль, что я потратил время на девушку, у которой в черепной коробке дует сквозняк – фыркнул он, окинув в последний раз взглядом стоявших вокруг удивлённых людей. Посмотрев последний раз на лицо Кэр, по которому побежала вниз одинокая слеза, на её волосы спустившиеся к плечам, на её щеки, горевшие красным, он бросился прочь. Её глаза, заполненные слезами.

– Я люблю тебя, Кэр – его же голос эхом прозвучал в ушах, а перед глазами всплыло приятное воспоминание, как чёткий отрывок из романтической драмы. Звёзды, ночное небо над головами а под ногами был весь город. Они одни на крыше десятиэтажного дома. Он наслаждается ею, вдыхая сладкий как молочный коктейль аромат.

В ответ молчание. Никакого ответа. Лишь невинная улыбка и поцелуй в губы. Только сейчас он почувствовал себя одуроченным, использованным и опустошённым. Руки дрожали. Глаза болели, будто с минуты на минуты лопнут как мыльный пузырь.

Хлопнув дверью, он бросился прочь не оборачиваясь на-

зад.

Странное чувство. Из уст Макса вырвался глухой подавленный звук. И ещё один. Этот мерзкий звук сбивал дыхание, которое всегда работало в устойчивом ритме. Ритме, что не возможно сбить.

Неужели он... всхлипывает? Нет-нет-нет. Этого не может быть.

Глаза ужасно чесались. Ему хотелось закрыть их, не смотреть на дорогу, асфальт которой освещала красная вывеска, а идти в темноте. Но он продолжал смотреть вперёд, чувствуя как с глаз упала слеза.

Последний раз он плакал в лет-так пять. Залезая на невысокую ель он с позором упал, как мешок с тяжёлой грязной картошкой.

Позорище. Плакать из-за девушки и её пахнувшего потом парня.

Но он не мог остановиться. Слезы продолжали падать вниз, после скопления у нижнего века.

Он всхлипнул ещё раз. И ещё. Он был опустошён. Интересное слово, на сто десять процентов выражает его состояние. Будто всё чем он жил в один момент рухнуло, с треском разбившись об старую трассу у плохо пахнувшей забегаловки.

Неужели красotka-блондинка заполняла всё пространство внутри него? Этого не могло быть. Есть ещё много вещей, которыми он живёт. Спорт например. И ещё... спорт.

Макс не оглядывался. Он чувствовал спиной с десяток удивлённых взглядов.

Сенсация местного масштаба!!!! ВНИМАНИЕ всем сплетникам, сплетницам и любителям послушать свежие сплетни.

Звезда спорта, капитан баскетбольной команды и просто привлекательный бодибилдер, от которого за километры разит брутальностью, был замечен плачущим на трассе недалеко от «Пауков Сумрака». Неужели миловидная ангелоподобная красотка @karolinka_babydoll смогла разбить сердце уверенному в себе @maks_2000?

Последнюю информацию передала в своём снапчате толстуха Катерина, в очередной раз жравшая двойной бургер с острым соусом чили. Стабильно пахнувшая двадцать четыре часа в сутки жареным картофелем девочка приправила стори грустным плачущим смайликом.

Макс не знал, куда он направляется. Просто шёл прямо. Ему наплевать. Наплевать на всё. На то что по его щекам, впервые за долгие годы, стекают слёзы. На то что внутри себя он чувствует пустоту. Как обычно говорят в таких ситуациях? Разбивается сердце? Жизненно важный кровеносный орган Макса, по ошибке принятый за символ любви напоминающий перевёрнутую задницу, чувствовал себя нормально. А вот вся его кожа горела, щеки покраснели а с лица потёк противный пот, будто после кросса.

«Щёлк!» – звуки фотографировавшей камеры отвлекли

его от самокопаний.

Макс поднял глаза, перестав смотреть на тёмный асфальт. С краю дороги, недалеко от него стоял тёмный силуэт, перед собой державший массивный фотоаппарат.

Когда силуэт, плащ сзади которого развивался на лёгком вечернем ветру, отодвинул его от лица, взгляду открылась жуткая белоснежная маска, пугающе улыбающаяся ему.

Макс замер, мокрыми глазами смотря на инкогнито.

– Эй! – вскрикнул он, зашагав к нему.

За секунды тёмный силуэт растворился, убежав в окружающий дорогу тёмный лес.

«28 июля 2018 года

Надеюсь ты не сильно переживал из-за моего трёхдневного отсутствия, дорогой дневник. Необходимость поговорить с долбаным блокнотом в измученной жизнью кожаной обложке, напоминающей вагину старой потрёпанной проститутки (и вид, и запах идентичен) возникает в самые неожиданные моменты. Казалось бы, какого чёрта мне сидеть в пыльном чердаке, по которому бегают жирные стрёмные крысы, с тонкой ручкой в руках, которой тут, должно быть, помастурбировала каждая вторая, во время обалденной громкой вечеринки? Классный вопрос.

Тут, кстати говоря, все мастурбируют поутру имея стабильный грязный секс каждую ночь. Наверное привычка, оставшаяся с конченного прыщаво-влажного периода. Та са-

мая отвратная привычка, которая заставляет ручонки залезть куда не просят, причём самыми неожиданными вещами.

Р. S. Бутылка не потолок (я подмигнула, пока писала это предложение)

И да, наша стандартная рубрика «Ты не поверишь» сегодня просто разорвёт все представления о милой примерной отличнице Адриане: я под кайфом. Три простых слова: Я. Под. Кайфом. Он, конечно, не самый охренительный что я тут только испытывала, ведь если бы он был такой я не смогла нормально писать, брызжа густой слюной на твою бумагу и ухохатываясь над каждым словом. Поверь, я бы это сделала без угрызений совести.

Тебе, наверное, будет очень интересно под чем я ИМЕННО. Именно... Ха, интересное слово. Именно... О чём я... Точно, я под экстази. Самым настоящим дрянным экстази, те белые мелкие таблеточки делающие мир ярче, воздух чище, ночи длиннее и бла-бла-бла. По крайней мере, так было в каком-то фильме с Натали Портман. Может быть «Чёрный лебедь»? Нет, не он. Плевать.

Три дня в раю, который для кого-то может показаться самым настоящим адом. Я даже знаю одну такую – старая малышка Адриана, дрожащая как маленький, тонущий в ведре наполненном ледяной водой котёнок. С поправкой, что меня в этом ведре топила собственная мать. Моя же мать топила меня всю жизнь. Звучит драматично, и как бы я жела-

ла КАЖДОМУ тонущему котёнку когда-то испытать то чувство, что испытала я, выезжая за границу города на быстро гонящем мустанге.

Ветер в волосах, лес, состоящий из высоких как спички деревьев, мелькающих за окном и ОН. Тот блондин, про которого я тебе рассказывала.

Я влюбилась в человека, про которого ровным счётом не знаю ничего. Я чувствую странное необоснованное влечение, он нравится мне. Я открою его для себя. И чувствую, буду приятно удивлена после своего открытия. Я уверена и точка.

Он привёз меня сюда, в пахнущее марихуаной сборище наркоманов среди безлюдного леса. Похоже на замес какого-нибудь любовного ток-шоу, скажи? Одни хвои, громкая музыка, наркотики, секс и алкоголь. Как в безбашенных песнях из старых рок-альбомов. Тут я кстати впервые послушала рок-альбом. На последнем этаже тут стоит виниловый проигрыватель, на котором я поставила второй альбом «АС/ДС». Рок, скорее всего не моё. Ну и ладно, надеюсь ты никому не скажешь, что в пятнадцать я тащила по Кэти Перри.

Невероятно странное место, просто круглосуточные тусовки в заброшенном здании игрушечной фабрики – звучит, прямо таки, сюрреалистически. Куча обдолбанных людей смахивающих на зомби, и продолжающих танцевать справляя нужду в штаны. Воняют они как гора из десятков гниющих трупов. Приблизительно так. Бу-э-э!

Но тут я по-настоящему свободна. ЛП осталась в дали, может быть набухалась со своими сучками осушив до дна дешёвую бутылку вина. Я представляю кобылью рожу одной из носительниц тонны тёплого жира, по ошибке называющей себя «ВасЫлисой». Словно из сказки про конченных богатырей сбежала, скажи?

Жируха достала подаренную ей же книгу про первый подростковый трах, угорая над комиксами с конопатым парнем и ужасно прорисованной тощей русой малолеткой:

– Папа дал мне презерватив, чтобы обезопасить наш ПЕРВЫЙ РАЗ – склоняя голову сказал конопатый, точнее облако с текстом повисшее над ним. «Ахахах, пиздец, у твоей дочери наверное до тридцатника первого раза не будет» – сказала бы свиноматка, на что моя мать послушно кивнула.

– Тебе больно? – спрашивало облако над конопатым, чью тощую задницу прикрывало также ужасно прорисованное, как и всё остальное в этом комиксе, покрывало.

«УХАХАХА» – жиртрестка продолжила бы угорать голосом Урсулы из «Русалочки», читая строчки своего же подарка.

Меня передёрнуло от одной лишь мысли про этот шабаш ведьм.

Стоя на балконе, пускай и выглядевшем пережившим атомный взрыв, я вдыхаю чистый хвойный воздух и чувствую ЕГО нежный поцелуй. Хочешь узнать имя? Всему своё время, дневничок.

Даже мой сон наконец наладился. Означает ли это, что я счастлива? Вполне возможно. Я сплю на жёстком и плоском, как сиськи моей матери, матрасе, чувствуя неуловимый запах мочи и свежей спермы, которая тут обнаруживается в самых неожиданных местах.

Периодически я просыпаюсь, подскакивая со своего царского ложа и осматриваюсь по сторонам. Мне кажется что на меня кто-то смотрит. Хреновое чувство. Сквозь сон чувствую, как чей-то взгляд ходит по моей коже, как кто-то подходит ко мне ближе и нежно кладёт руку на щеку. Я ощущаю это. Ощущаю чужие глаза сквозь тьму, стоящую в комнате.

Будто бы за мной кто-то наблюдает. Бесперывно наблюдает. Я не могу это объяснить словами. Я просто чувствую. Ты веришь моим чувствам, дневничок?

Но это лишь глупые фантазии.

Я счастлива, понимая чего все находящиеся здесь так быстро теряют голову.

Могу с уверенностью написать это простое, но такое трудное для запуганной малышки Адрианы предложение:

Я СЧАСТЛИВА.

Спокойной ночи, дневничок»

Глава 6 #добропожаловатьдомой

Мой МАС стал раскалён настолько, что нормально нажимать на клавиатуру, буква «У» на которой перестала рабо-

тать два года назад, просто не получалось.

Этим вечером я скинул загадочное видео через «Airdrop» на него, пересматривая ещё раз и ещё раз каждые пять минут, и каждый раз были заметны новые детали.

Потрёпанный туалет в котором всегда стоит устойчивый едкий аромат говна. Обцарапанное зеркало, которое впоследствии разлетелось на тысячи осколков. Просто само собой. Будто человек-невидимка разбил его кулаком.

Никита всё это время стоял с закрытыми глазами, будто находясь в трансе. Я приближал изображение, чтобы лучше пригляделся в выражение его лица – ничего нового. Опущенные веки, лицо, не выражающее ровным счётом ни эмоции, слегка подпрыгивающий вверх правый уголок рта. Он просто погрузился в себя, не замечая ничего вокруг.

Ещё одна деталь, привлекающая моё внимание – рыжий хулиган. Его глупое лицо расплывалось в улыбке во время наблюдения за летящими в разные стороны мелкими осколками. Выглядело это как нельзя странно.

Бегающие глаза. Слегка шевелящиеся губы, будто бы он вёл с кем то разговор. Может быть, с тем невидимкой разбившим стекло, а затем душившим его напарника?

Я всё ещё пытался прочитать его фразу по одним лишь движениям рта. «Я знал» – да, там точно читался звук «я» и слово начинающееся на шипящий.

– Ты точно что-то знаешь... – прошептал я, поставив видео на паузу и всматриваясь в безумное лицо. Веснушки, ко-

торые рассыпались по всей его физиономии, словно кто-то перевернул тарелку с маленькими шоколадными конфетами. Волнистые волосы, струящиеся как волны по голове, обнаживши лопухие уши, торчавшие в разные стороны как у африканского слона. Необычная внешность. Он похож на альбиноса, только с умело выкрашенными длинными волосами. А его глаза, открывающие, как это чаще всего бывает, настоящую сущность – отдельный разговор. Холодные, но при этом жгучие. При первом взгляде они вызывают странную дрожь, резко перерастающую в жар, стоит лишь ему загореться.

Взяв телефон в руки и нажав на броскую мусорную корзину в нижнем правом углу трехминутного видео, я колебался где-то секунд тридцать, смотря на красную надпись «Удалить». Видеозапись, перевернувшее моё сознание. Видеозапись, в содержание которой мне до сих пор верилось с натяжкой. Видеозапись, которая задавала ещё с десятков вопросов без ответа. Такими в этом городе усыпаны каждая улочка, каждый дом и каждый человек.

Я оставил видео на своём телефоне, прижав его к груди и упав на кровать, слегка ударившись спиной. То что со мной происходило тут казалось таким нереальным, что я даже не хотел думать об этом.

Я смотрел в белоснежный потолок, на который как родинка на бледном теле, села маленькая чёрная муха, перебирая крошечными лапками и смотря на меня красными глазами.

За окном мрачные сумерки. В голове кавардак. В душе странное ощущение, будто вот-вот должно произойти что-то чертовски плохое, если не происходит прямо сейчас, перед моим носом.

Я закрыл глаза и за секунды растворился в себе, видя перед ними спокойное лицо невзрачного бледного парнишки, хранящего за ним необъяснимый секрет.

Утро выдалось странным. Голова болела настолько, будто вот-вот и на ней образуется глубокая трещина. Чувствовал я себя, по правде говоря, отвратительно.

Всё кружилось, пол периодически уходил из-под ног. Со стороны, скорее всего, я выглядел ужасно глупо: парень, держащийся за голову и шатающийся будто заядлый пьяница после весёлой ночи.

По дороге в школу я увидел Жанну, сидящую над клумбой тюльпанов с острыми ржавыми ножницами. Увидя меня, она строго улыбнулась, всем своим видом стараясь продемонстрировать напыщенную консервативность. Бросив быструю ухмылку, она опустила глаза на красный тюльпан, громко щёлкнув ножницами.

Идя по тротуару я не отвлекался от того самого видео, полностью погрузившись в него. Я был в том зловонном месте, видя всё своими глазами. Мурашки шли по коже.

Открыв «Ютуб», я посмотрел пару видео на которых был запечатлён телекинез. В основном, это был наглый кривору-

кий монтаж и трейлеры фильма пятилетней давности с Хлоей Грейц Морец. Ничего стоящего не было, кроме видео под названием «Завтрак Грейс». Любительская съёмка на весьма паршивый телефон, загруженная 30 декабря 2010 года неким пользователем под ником Mysterious18.

На нём, маленькая милая пухленькая малышка, завтракая овсяной кашей на молоке крепко зажмуривает глаза, после чего испуганная мать поворачивает камеру на кухонные полки, которые в бешеном быстром ритме начинают открываться и закрываться громко хлопая дверцами.

В конце минутного ролика девочка продолжает сидеть с закрытыми глазами, равнодушно слушая крики ошарашенной женщины.

Я ввёл в поисковую строку Гугла «Завтрак Грейс», в наличии найти хоть что-то об этой семье. Ничего, кроме ссылки на просмотренное мною видео.

– Проститутка!

– Я всегда говорила что она та ещё давалка.

– О Боже, Рита, тут же не их секс запечатлён а всего лишь поцелуй.

– «Всего лишь поцелуй»? Ты смеёшься? Их невинный засос это лишь прелюдия перед бесстыдным трахом. Для нашей Инста-дивы это как стори выложить.

– Я читала в книжке по психологии из библиотеки, что скромные и милые люди чаще всего оказываются развратни-

ками.

– Как ты можешь столько сидеть в библиотеке, и даже понятия не иметь о месячных?

– Что?

– У меня до сих пор свежо в памяти как они протекли у тебя в душе на глазах у всех, книжный червь наш.

– Интересно, у кого они занимались этим.

– Называй всё своими именами – бесстыдным трахом.

– У него бы не смогли, шериф по ночам всегда сидит дома.

– А ты ему уже небось дала, взяв себе в пример мамашу.

– На свою мамашу посмотри, сучка.

Посреди коридора, недалеко от входа громко спорила компания отличниц-святош, непрерывно подправляя массивные оправы от очков, поддёргивая их выше на переносицу и пряча губы под шерстяные воротники.

– Интересно, каким складом ума нужно обладать, чтобы четвёртого сентября всем вместе одеть шерстяные свитера? – хмыкнул Андрей, показав оживлённому коридору, наблюдающему за каждым его ритмичным шагом, свои блестяще-белые и идеально ровные зубы.

Я молчал, пытаюсь не грохнуться на твёрдый пол от неутомного кружения головы, наблюдая за учениками, непрерывно кричащими новые сплетни, будто их всех разом поразило что-то из ряда вон выходящее.

Многие в своих руках держали белые листки, с удивлёнными физиономиями рассматривая написанное на обратной

стороне и восклицая бранные ругательства.

– Я всегда говорила что она готова дать любому – сухо констатировала блондинка с мужеподобным квадратным лицом, прижав листок к груди и спиной облокотившись об шкаф. Она продолжала безуданно распинаться перед своими подругами, иногда опуская взгляд на руки, глазами пробегая по надписи, которую мне не удалось рассмотреть.

– Эй, девчонки! – уверенно крикнул Андрей подходя к блондинке – Что все так громко обсуждают?

– О, Андрей – блондинка оживилась, подправляя волосы и быстро хлопая длинными ресницами – Мы, а-а-а... – она протягивала один и тот же звук, растеряно смотря на брата – О-о-обсуждали – опустив глаза вниз она замолчала, сглотив подступившую ко рту слюну. Видя мерзкую белую пену, мелькающую у её губ Андрей скривился. Девчонка почувствовала себя ничтожеством, хватаясь за горло и готовясь вот-вот расплакаться.

– Сам посмотри – равнодушно бросила стоявшая рядом девочка. Наматывая розоватую жевательную резинку на палец (Андрей скривился во второй раз) другой рукой, свободной от содержавшей миллионы бактерий липкой массы, напоминавшей грецкий орех, она указала на коридор, уходящий вправо сразу за шкафчиками.

Обычно все ходили через него в столовую. Десятки железных шкафов, скучные липкие стенные газеты, пахнущие клеем, запах жирных бургеров, доносившийся сюда из кафе-

терия – он ничем не отличался от сотен подобных, пронизывающих здание школы как кровеносные артерии.

Но сегодня пол светлого лазурного цвета, будто толстым слоем снега, покрывали тысячи листков «А4». Они торчали из дверей шкафов, были вложены в учебники проходящих мимо учеников и вообще были ВЕЗДЕ. Везде где только можно было разбросать листы. Коридор доверху забит ими.

Наклонившись, Андрей взял один из них, повернув ко мне и показательно прочитав:

«СЕНСАЦИЯ

Белая и пушистая малышка Кэр погрязла в отношениях с чёрным клеймом нашего города. Казнить или помиловать? Решать тебе, школа.

Целую каждого

Ловкая и «всегда-в-нужном-месте»

Ваша Леди V

P.S. Что же будет блудной блондинке от семьи? Ставим ставки: выгонят из дома? Обрежут волосы? Может быть перекроют кредитку, и гламурные фотки за одну ночь превратятся в селфи с бутылкой пива и харкающими гопниками?

В глаза бросился чёрно-белый коллаж из фото снизу текста, на котором были изображены Каролина и Валентин, сидящие за одним из столиков «Пауков Сумрака». Их лица освещал неоновый фонарь, висящий сверху.

На первой лысый хулиган ласково положил руку, на которой виднелась яркое тату (смазанное из-за низкого качества

печати), на щеку блондинке расплывшейся в улыбке. На второй он уже её целовал, при этом довольно улыбаясь.

– Так и знала!

– А я говорил что она именно такая!

– Ты в неё был влюблён с третьего класса, а когда понял что она даже в твою сторону не смотрит назвал её шлюхой.

– Я и тогда знал кто она на самом деле!

На счёт новоиспечённой пары спорили все: мальчики, девочки и даже учитель литературы, облокотившийся об дверь и наблюдавший за ажиотажем в коридоре.

Серая масса трансформировалась обратно в оживлённую шумную толпу. Им всем нужен был лишь предлог, чтобы прекратить скорбь. От вчерашней грусти и следа не осталось: лишь мрачное фото Давида у кабинета математики, розы под которым начали медленно вянуть.

– Как ей удаётся менять крутейших парней раз в пол года?

– Потому что она грёбанная блондинка выглядящая как грёбанная мечта с грёбанными тридцатью тысячами подписчиков в Инстаграмм. Теперь ясно?

– Уже 29 тысяч девятьсот девяносто девять. Я от неё отписалась.

– И я.

– И я.

Гул не стихал. Непонятный ажиотаж вокруг внезапной смены бойфренда популярной девчонки разгорелся до небывалых масштабов. И кажется, никого даже и не волновало

что имя анонима распечатавшего письмо идентично вырезанной букве на теле Давида. Алая буква «V» красовалась в конце письма, выталкивая на поверхность чёткое воспоминание о той ночи. Крик. Шум. Толкучка. Запахи чужих тел, периодически не самые приятные. До сих пор, вспоминая концерт я начинаю задыхаться. И главное, распятый на кресте труп парня, который несколько часов назад знакомился со мной.

Голова кружилась всё сильнее.

Листки подлетали в воздух от сквозняка, создаваемого спешащими на пары учениками.

– Макс так идеален. Как можно было променять его на это лысое нечто?

– Девочки, один раз, когда он прошёл мимо я вдохнула его аромат. Я его помню даже сейчас. Я его даже нашла в парфюмерном, набрызгав на пробники и принеся домой. Это тот, который Джонни Дэп рекламировал.

– Да всем поспать на твои приключения, фетишистка озабоченная.

– А мне нравится Валентин. Он такой опасный, дерзкий и... таинственный. Я люблю загадочных.

Распиналась компания в свитерах, которая чудным образом осталась сухой при температуре воздуха +20 градусов.

– Девчонки! Идёт! – воскликнула низкорослая девочка в оранжевом свитере, обратив внимание на другой конец коридора.

Каролина – казалось бы, какой на вид должна быть девушка, на которую за утро высыпалось больше негатива чем на Бибера во время его первого альбома и Гитлера вместе взятых? Она должна сутулиться как женский вариант Квазимодо при этом нелепо потея. Всхлипывая, униженная девчонка должна смотреть в пол и только в пол, ловя недоброжелательные взгляды и вслушиваясь в новые сплетни. В волосах должны быть впутаны пожёванные жвачки, которые в неё кидает разозлённая толпа, а на щеках слёзы, падающие на белые листы бумаги лежащие на полу.

Бежав до туалета, чтобы запереть за собой дверь и вдоволь нарыдаться, она должна спотыкнуться, дав публике вдоволь поржать.

Представили?

Каролина, идущая по школьному коридору поверхностно осматривая осуждающих людей, рушила этот образ тяжело-весной кувалдой.

Подняв подбородок, она слегка ухмыльнулась правым уголком рта, примеряя новую улыбку – не ту, которая говорила «Привет школа, я сошедшая с небес милашка-монашка, сморкающаяся мыльными пузырями и пердящая ароматом «Diog», а невиданная ранее ухмылка, заявляющая «Я срать хотела на каждого стоящего тут, ведь я тощая блондинка, невероятно богатая и также невероятно популярная, а ещё я немного сучка в душе. Упс! Уже не только в душе».

– Шлюшка – прошептала нахальная блондинка, продол-

жая уперевшись об шкаф рассматривать главную сенсацию утра. Обозвав Кэр, она хмыкнула посмотрев на подружек.

– Как ты можешь целоваться с человеком, отравляющим жизнь всему городу! – на встречу девчонки-сенсации выбежала блондинка в обтягивающей форме клуба танцовщиц, вызывающе взглянув ей прямо в глаза. Она закусила нижнюю губу, будто бы готовясь врезать стоящей перед ней с секунды на секунды.

– Что он сделал именно ТЕБЕ, Вика? – спросила Кэр взглянув в глаза блондинке.

– Хах – показательно рассмеялась она, бросая взгляды на заинтересованную публику. Сейчас она работала лишь для неё, её спор был похож на никудашно поставленную драму в самом убогом театре – Ангелочек. Идеал. Милашка и просто душка – такой тебя считал каждый, всегда догадываясь кто ты на самом деле – она сделала уверенный шаг навстречу к Кэр. Вот-вот, и их компактные носики столкнутся друг с другом – Ты сходила на свидание с садистом, избивающим наших братьев. С вандалом, рисующим уродливые рисунки на наших домах. Просто с вырождением. Теперь все знают кто ты такая, Каролина – фыркнув, она умолкла ожидая ответа.

– Пошла к чёрту – обрывисто бросила Кэр и обойдя Вику гордо зашагала дальше, смотря только вперёд.

Толпа не думала утихать. Они не замолкали, продолжая складывать подробную характеристику и историю половой жизни проходящей мимо блондинки. Они скидывали на неё

клеймо за клеймом, ярлык за ярлыком и ругательство за ругательством, пытаюсь придавить её своей грязью к земле, сдавливая всем весом и не давая свободно дышать.

Но она порхала. Серьёзно: её уверенные лёгкие шаги на каблуках создавали впечатление будто бы она медленно взлетает ввысь над головами злопыхателей, как самолёт на взлётной полосе.

Дойдя до конца коридора, она наклонилась взяв в руки один из тысячи лежащих листков.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы как следует его осмотреть и смять в руках. Она хмыкнула, откинув мятый клочок в сторону и подняв над головой руку, продолжая стоять спиной к не замолкающим людям. Ровная кисть в мгновении ока превратилась в дерзкий фак. Показав на маникюренный блестящим фиолетовым лаком палец, она громко крикнула:

– Сосите!

После чего завернула к туалету, захлопнув за собой дверь. Звучный хлопок разлетелся по всему этажу, на секунды оставив обсуждения. Лишь на секунды. Сразу же после толпа продолжила негодование.

Закрыв дверь Каролина зашла в дамский туалет, и осмотревшись поняв, что она тут одна, громко хлопнула дверью одной из кабинок и начала бесшумно рыдать. Она лишь открывала рот, тихо всхлипывая закрыла глаза ладонями.

Опустив крышку унитаза она села на неё, поджав колени к груди. Сейчас весь мир ополчился против неё. Буквально все готовы её растерзать. И всё из-за чего? Из-за того, что она поцеловалась с человеком с дурной репутацией, который ей реально нравится.

Вся школа ненавидела её активно обсуждая ещё до этого, скрывая ненависть за натянутой улыбкой. Может быть, она не замечала грязи вылетающей на неё вёдрами, из-за того что стояла за прочной стеной. Надёжной, высокой. Макс был её стеной, которая сейчас была разрушена.

Каролина всхлипнула ещё раз, вытерев слезу чуть не упавшую на колени.

Где же сейчас Валентин, когда он так ей нужен? Когда она совершенно одна рыдает в плохо пахнувшем туалете? Почему он не рядом? Ей бы сейчас очень кстати было бы крепкое мужское плечо.

Что скажут родители, когда узнают как неаккуратно их дочь разбила выстроенную годами репутацию на сотни мелких осколков? Она уже представляет строгое лицо отца, наведавшегося к ней в комнату впервые за полгода, чтобы тихо сказать: «Ты нас подвела, дочь», оставив одну в противно-приторно-розовой комнатке.

Впервые в жизни она поступила прямо как в тех глупых смазливых второсортных мелодрамах. «Делай так, как подсказывает сердце» – может не просто так они глупые и второсортные?

Но то, что она нуждается в Валентине ей подсказало не одно сердце, а каждая часть тела. Её разум решил что она должна быть с ним, а разве он способен врать?

В покрытую трещинами тонкую дверь громко постучали.
«Тук-тук»

Каролина, за своими всхлипываниями совсем не заметила ритмичный стук высоких шпилек, шагающих по холодному кафелю.

– Уходите. Тут занято – заплаканным голосом ответила она, пытаясь натянуть на него уверенный тембр. Ничего не выходило. Слёзы просачивались сквозь слова.

– Это я – Каролина узнала голос Алины. Немного низкий, как для семнадцатилетней. Уверенный, в меру нахальный – Я знаю, что тебе нужна помощь, и не нужно мне кричать «я хочу побыть одна», наматывая сопли на кулак. Мы не для того сделали новенькие сногшибательные маникюры. Ну? – послышался новый стук каблуков – Можешь быть паинькой и здрыснуть отсюда? – отвлеклась подруга.

– Но я... хочу в туалет – озадачено ответил грубый женский голос.

– Ну раз так, заходи. Только не удивляйся если я запишу на видео твой пердёж и выставлю в свой Инстаграм на двадцати тысячную аудиторию, отметив твой аккаунт – послышался отдаляющийся стук каблуков и хлопок дверью – Открой мне, и мы разберёмся – продолжила Алина.

– Я не хочу сейчас ничего обсуждать, я просто хочу запла-

кать, как обычная девочка-подросток – вытирая слёзы ответила Каролина.

– Но ты не обычная, ты блин чёртова Каролинка-Бейби Дол. Ты – мечта, кумир для многих.

– Если «быть кумиром», означает быть тем, кому большинство желает смерти – то да.

– Да ладно, я ведь как твоя подруга знаю, что образ «Каролина-стерва-показывающая-фак» включается только в крайнем случае – Алина пыталась говорить максимально подбадривающим тоном – Кстати, тебе кто-то говорил что ты перwokлассная сука?

Алина услышала знакомый смех из кабинки.

– Серьёзно, высокомерный взгляд и фак – о да, это ты настоящая, Кэр.

– Пай девочкой быть сложнее, если честно – Каролина перестала плакать – Люди когда видят, что ты терпелива и толерантна начинают себя вести по другому.

Алине становилось неудобно стоять всё это время. Ноги, обутые в высокие шпильки начали ныть и ужасно болеть. Отбросив все свои брезгливые предрассудки, она опёрлась спиной об дверь и продолжала вести беседу, сложив руки на груди.

– Сейчас, я думаю, ты понимаешь меня как никто другой. Быть редкостной тварью – единственный способ выжить в этом мире.

После недолгого молчания, Алина с интересом спросила:

– Ну а всё-таки, почему я, твоя лучшая подруга, не знала что моей ЛП нравится самый настоящий плохой парень? – Каролина молчала – Я тебя бы поняла, Кэр, я с тринадцати мечтала о лысом преступнике как в «Американской истории Х».

Каролина рассмеялась в очередной раз. Послышался тихий звук забитого носа, пытающегося вдохнуть.

Алина положила руку на грязную дверь, будто желая пройти сквозь неё и обнять подругу. Облокотившись об неё щекой, она стала слушать дыхание Кэр, её тихие всхлипывания и даже слёзы, капавшие на пол. Её лицо растянулось в улыбке, перед тем как она произнесла:

– Я ведь тебя люблю, дурочка, и как никто знаю, что это такое – быть осуждаемой всеми. Мы же как бенгальские близнецы.

– Сиамские.

– К чёрту. Мы такие разные, такие крутые и счастливые богатенькие стервы, которые при этом – отвергнутые – Алина захихикала – Как же странно звучит. Мы идеальны, нами мечтают быть все в этом поганом заведении – но при этом мы изгои. Даже сама не верю в то, что говорю.

Наконец-таки, Каролина открыла дверь, сверху вниз посмотрев на сидящую на холодной плитке подругу.

– Знаешь что, Али, я не позволю себе сидеть в туалете и плакать. Я сделала свой выбор, и осуждать его дам право только своим родителям.

– Аминь.

– Я серьёзно. Они все ещё увидят, кто я такая, и начну я прямо сейчас – гордо обрезала она, зажмурив глаза и пытаюсь вобрать в себя остаток слёз.

– Воу-воу-воу, подружка, полегче. Ставить на место всю школу будем только после того, как ты поправишь свою поплывшую тушь, делающую из тебя сорокалетнюю вдову в трауре.

Посмотрев на себя в зеркало Каролина вздрогнула, слегка улыбнувшись.

– Блин, почему туши «Guerlien» плывут как “NYX”, купленный за доллар в супермаркете – возмутилась она, раскрыв сумку и начав в ней капаться.

Стоящая сзади Алина наблюдала за отражением подружки в зеркале. Подойдя к ней ближе, она обхватила её руками прижавшись щека к щеке.

– Интересно, если бы мы были лесбиянками, нас бы тоже все возненавидели?

Отведя глаза Али рассмеялась, продолжая обнимать ЛП.

– Да ладно, бро, она не последняя девушка твоей жизни – Андрей грубо ударил грустного друга по спине. Скорее всего, это должно было выглядеть как утешающее поглаживание, но выглядело как агрессивный удар – Намного страшнее, что она решила променять тебя на одного из «адидасов». Вот это уже настоящее перемешивание личности с гов-

НОМ.

Я пнул своего брата локтем в живот, наблюдая за отстраненным лицом Макса. Он не был похож на самого себя: самодовольного, улыбчивого, периодически в меру нахального волевого качка, считавшегося тут супер-звездой. Да и он сам всегда знал себе цену, подмигивая каждой встречной красавице из танцевального кружка и скромной симпатичной виолончелистке из школьного оркестра.

Сейчас он другой – яркая сияющая звезда погасла. Перед нами, положив щеку на свою ладонь, сидел другой человек – меланхоличный и тихий. Мы пришли в столовую десять минут назад, и за это время он не выдавил из себя ни слова.

Глаза его недвижимо застыли, погаснув и став такими же бледными как и лицо. Они остановились недалеко от меня, прожигав место где раньше сидела Каролина.

Невероятно. Капитан баскетбольной команды вот-вот пустит слезу, из-за того что его бросили. Пока его ресницы были сухими, но выражение лица создавало ощущение того, будто с секунды на секунды они намокнут от скупой мальчишеской слезы.

Тихим приглушённым голосом, Макс, наконец, выдавил из себя практически неслышную фразу:

– А сегодня ведь должен был быть день мороженого. Единственный в году... – ни одна мускула на лице парня не двигалась, только рот открывался, давая вылететь из себя смазанным словечкам, звуки в которых торопили и сбивали

друг друга – Она так его ждала.

– Да пошло это мороженое – громко обрезал Андрей, не убирая свою руку со спины лучшего друга – Бро, оглянись, у нас по улицам ходят десятки симпатных блондинок с пышной грудью. Если ты так уж запал на типаж «Барби», то обделённым не останешься.

Макс вздохнул, подняв ледяные глаза на моего брата.

– Не называй меня своим «бро» – сухо выпалил он

– Да что с тобой? Я называю тебя так с двенадцати!

– Как ты не поймёшь – Каролина особенная. Я знаю её с трёх лет, и за это время выучил как энциклопедию. Она такая же: многогранная, иногда такая не понятная а иногда такая простая.

– О нет, в ход пошли заумные метафоры – улыбнулся Андрей – Тревога. Красный код.

Я ударил брата локтем во второй раз.

– Она была особенная. Я правда любил её...

– Только не начинай сейчас долгие высказывания из сопливых мелодрам, они не к лицу качку.

Но Макс не слышал ироничные замечания Андрея:

– А знаешь что самое обидное? Так это то, что я ещё и оскорбил её. И всё бы ничего, но после этого я не мог заснуть. Что-то мучило меня: мне было ужасно жарко, будто тело достали из костра и положили под одеяло. Я проворочался в постели до самого утра, так и не сомкнув глаз и раздумывая над каждым словом, что сказал – Макс перевёл

взгляд на меня – Над каждым долбаным словом. Может, мне стало стыдно за то что всё сказанное мною тогда – ложь?

Я пожал плечами, ответив:

– Тебе стало стыдно из-за того что ты оскорбил бывшую, всего-то.

– Мы просто перепили с тобой энергетиков смотря дневной повтор Супер кубка, ничего особенного – мой брат не уставал сарказмировать ни на секунду, он просто получал удовольствие от своих едких комментариев. Такой уж человек.

– Разве Супер Кубок показывают в сентябре? – переспросил я, вспоминая прошедший в феврале этого года финал, на котором ещё выступил Тимберлейк. А в две тысячи семнадцатом я скупил пять пачек с высушенными яблочными чипсами в «Волмарт» по цене двух, усевшись на диван и посмотрев игру от начала и до конца, ведь в перерыве пела Гага.

– Его показывают круглый год, если знать каналы – подмигнул Андрей, опустив ладонь со спины друга.

Утешить его так и не удалось. Он продолжил смотреть в сторону глазами, дававшими понять насколько была разбита его душа: разбита и покрыта толстой ледяной коркой. Глаза каменели а губы порой открывались, словно пытаюсь вдохнуть.

Макс будто бы медленно умирал на наших глазах. Все признаки на лицо: его тело охладилось, глаза опустели а дыхание медленно прекращалось.

Я подошёл ближе к нему, продолжая водить глазами по разочарованному лицу. Я хотел хоть как-то прибодрить своего нового, если так можно назвать человека с которым ты пообщался три дня с натяжкой, друга, одёргивая себя. Ведь я был не силён к длинным жалостливым речам. Возможно, я реалист не привыкший выдумывать пышные метафоры и цепляющие за душу слова. Возможно, я просто глуп, пытаюсь создать противоположное впечатление заученными банальными фразочками.

Я открыл рот, думая о том, что мне стоит сейчас сказать, после чего закрыл, поняв, что ничего дельного в голову не пришло.

«Будет новая любовь» – по-мудачески; «Всё пройдёт, главное выждать» – может правда, но звучит чересчур строго.

Я вспомнил длинный монолог из «Хорошо быть тихоней». Целые цитаты из подростковых книг типа романов Джона Грина всегда вертелись, как торнадо, в моей голове, в отличии от классики, предложения из которой сразу же вылетали после последнего слова.

– Первая любовь всегда оставляет самый большой след в душе – каждое предложение из главы этой книжки я помнил почти дословно. Но почему-то замолчал, в очередной раз вспоминая что из меня никудышный романтик. Андрей бросил на меня мимолётный осуждающий взгляд, будто крича лишь им: «Залепись!»

– Она не моя первая любовь – ворчливоотреагировал Макс на начало моей речи, ещё раз сдвинув свои ледяные глаза. Ему это давалось с такой тяжестью, будто он пытался толкать массивный тяжеловесный булыжник.

– А какая была первая? Ах да, кошка Матильда. Ох, видели бы все как наш крутой баскетболист обжимается со своей кошечкой. У тебя так хорошо выходило делать «Ути-Пути»... – Андрей громко смеялся, обращая на себя внимание сидевших за соседними столиками, а Макс обижено перевёл на него прожигающие карие глаза – Да ладно тебе, я знаю что должно помочь – завтра состоится закрытая вечеринка в сквоте на окраине. Прикинь, шумная тусовка посреди леса. Она должна тебя оживить – Андрей быстро подмигнул Максу, остановившему глаза на его густой шевелюре. Сегодня он примерил на себя строгий стиль «Волка с Уолл-Стрит», залезав тёмные, как уголь волосы назад – Конечно же, меня туда пригласили, и конечно же, я не прийду без своих лучших друзей, Влад, я надеюсь, ты с нами?

– Сквот, это прям как в немецких книгах про детей наркоманов из Берлина?

Макс неожиданно рассмеялся. Выглядело это, прямо таки, странно, словно холодный твёрдый камень наконец разлетелся на маленькие кусочки.

– Нет, это ещё ХУЖЕ.

– А чего ты не приглашаешь Никиту? – поинтересовался я, обводя взглядом столовую, в надежде заметить тощее и

невзрачное тело. Не удивительно, что в моей памяти до сих пор был свеж вчерашний случай. Определённо, если бы сейчас он подошёл к нашему столу, привычно для себя опуская глаза в пол, на моём теле бы проступили крохотные мурашки. Меня и сейчас пробивал холод от одного лишь звучания его имени.

– Никита?! – * холод по телу *, рассмеялся Андрей – Та для него детское день рождения в МакДональдсе это «Party Hard».

Закрытая вечеринка? Сквот? Звучит очень заманчиво.

Я уже представил выражение лица отца, сидевшего на кухне за столом и готовившегося к ужину.

– Вечеринка? Мой сын идёт на вечеринку? – ухмыльнулся бы он, показав столь любимую моей матерью улыбку – Запоминай, сейчас папа будет давать необходимые советы, изученные на собственном опыте – он бы привстал, резко оживившись и почувствовав в своём чаде частичку того самого «короля выпускного», его блестящего и отложившегося на всю жизнь нарочитой гордостью приятным воспоминанием прошлого – Первое, если надерёшься так, что будет казаться будто вот-вот упадёшь – ни в коем случае не падай на спину.

Я улыбнулся, смотря на ребят, ожидающих ответа.

– Я с удовольствием.

– Завтра заеду за тобой к часам десяти – нараспев довольным тоном произнёс Андрей, приподняв правый уголок губ. «Типичная самонадеянная кривая ухмылка брата» – поду-

мал я – Одевайтесь как хотите. Нахрен весь дресс-код. Будет весело.

– А меня кто-нибудь спросил? – недовольно вставил Макс, наморщив лоб и переводя взгляд то на меня, то на брата – У меня до сих пор свеж в памяти инцидент с морфином.

– Что, МОРФИН? – повторив последнее слово из предложения Макса я не рассчитал громкость. Мой голос эхом отбился от стен столовой, доносясь до самых отдалённых столиков. Пошлые алкоголички устремили на нас взгляды.

– Т-ш-ш-ш, залепись – шепнул Андрей, руками крепко зажав мне рот. Я почувствовал запах его одеколона. Округлив глаза он окинул взглядом каждый столик. Пошлые алкоголички хихикнули все как одна, натянув майки с глубокими вырезами максимально низко – Это просто был неудачный эксперимент. Запомнил?

Смотря вниз на крепкую руку брата я послушно кивнул.

Прикосновение к лицу для меня воспринялось максимально критически. Я, буквально, чувствовал как миллиарды бактерий сбегают на мою кожу с его руки. Да, он мой брат, но мало ли что он делал своими руками? Микроскопические бактерии, веселясь и перебирая своими лапками высаживались с его тела, как португальцы в Америку с корабля Христофора Колумба.

Я одёрнулся, сбросив его горячую кисть и дотронувшись до щеки. Она пылала, будто бы секунды назад её ошпарили кипятком.

Голова опять закружилась. Мрачная картина, освещаемая тусклым светом одинокой лампы в туалете, в очередной раз стала перед моими глазами. Взлетающий ввысь рыжий парень в Адидасе. Равнодушное лицо. Крики. Громкие вдохи, пытающиеся ухватить воздух.

Телефон, лежавший в кармане джинс раскалился подобно моей щеке. Он прожигал кожу на ноге, стоило мне только задуматься о значимости тайны, хранящейся в нём.

Парни смотрели на меня как на безумца. Я и вправду выглядел безумным. Парень, держащийся за щеку и смотрящий в никуда.

Они хлопали глазами, хором собираясь сказать «Ты в порядке?»

Нет. Я не в порядке. Я стал свидетелем абсолютно фантастической картины, из-за которой меня бы с лёгкостью упрятали в психушку. Эта картина кружит мне голову, сдавливает череп с обеих сторон не давая думать ни о чём, кроме как о таинственном бледном черноволосом парне, зажмурившим глаза и недвижимо вставшим у разбитого зеркала.

Они должны узнать. Я пришёл к твёрдому решению показать видео, чтоб мои друзья знали с кем общаются. Возможно, мне просто хотелось облегчить давление этого события на меня? Возможно, мне казалось что поделившись этим видео с другими, я смогу начать забывать о нём?

– Мне надо вам показать одно видео – уверенно начал я, но прервался.

Столовая – огромный улей. В ней всегда стоит не стихающее жужжание. По ней всегда копошатся, ходя из стороны в сторону, ученики, создавая то самое жужжание.

Эта странная метафора не учитывает главное – ученики, в отличие от пчёл, всегда держатся сами по себе, разбиваясь на более мелкие группки. Маленькие трудолюбивые насекомые работают для осуществления одной важной поставленной цели – создание мёда, чтобы впоследствии заспанный человек опустил ложку, над которой трудились тысячи их сородичей в чай, разбавив плод многодневного труда горячей жидкостью.

Звучит, скорее всего, чересчур маразматически, но если бы столовая была ульем – не один грамм мёда не увидел бы свет. Тут каждый сам за себя, каждый, словно голодный хищный орёл всегда готов налететь на беспомощную одинокую добычу.

Сейчас, этой самой добычей стала яркая блондинка вошедшая через парадную дверь улыбаясь своей темноволосой подруге. Алина и Каролина – самый популярный женский дуэт этого города. Так называемый улей полностью обратил на них своё внимание, готовясь к нападению и пекущим укусам.

Обстановка накалялась с каждой секундой после хлопка двери, с каждым новым шагом высоких шпилек от «Джимми Чу» по холодному школьному кафелю.

Жужжащие пчёлы готовы к кровавой бойне.

- Шлюшка.
- Давалка.
- Гопниковская подстилка.
- Давалка и её подруга шлюшка.

Многочисленные шепотки, доносившиеся с других столов не блистали разнообразием. Как не удивительно, самым активным был рой «свитеров»: скромные, на вид, девчонки, потеющие или от бесстыдности выходящих из них матов, или из-за жары, вызываемой толстыми шерстяными нитями их кофт.

Стоило Кэр лишь взглянуть на их стол, как цепочка язвительных и невероятно «остроумных» комментариев резко прекратилась.

– Я слышала что она заманивает парней тем, что не бреет свою киску годами, сохраняя первостепенный девственный вид – монотонно обрезала гот с криво покрашенными чёрной помадой губами. Её голос был словно у мертвеца, обладающего с живыми через доску Уиджи. Она смотрела на таких же равнодушных броско покрашенных подруг. Их было всего две. В наше время не много людей желают становиться готами, знаете ли.

– Фу, что ты такое несёшь – «фу» одной из завсегдаев стола устаревшей субкультуры по эмоциональному наполнению ничем не отличалось от других слов. Они будто специально гундосили, не давая понять их настроение на данный момент: может быть они счастливы, может быть несчастны –

это навсегда останется загадкой.

– Это сто процентов, сейчас модно отращивать себе густые кусты, кхм – отпив глоток из бутылки «Пепси», девушка с чёрными губами откашлялась – В своих нижних висячих садах Семирамиды.

Каролина уверенно шагала между рядами столов, не озираясь на шипящую, как змеи, публику. Алина держалась прямо за ней. Шли они словно сёстры-близняшки, выросшие вместе – идентично. Одинаковая походка, а-ля: «Мне плевать на сидящий тут биомусор пахнувший дешёвыми бургерами и сладковатым растворимым кофе». Каждый шаг – идеально продуман, словно вычислен по особой формуле.

Уверенный взгляд блондинки смотрел вперёд. Она нацелено шла к нужному месту, в голове проматывая свой план.

Она изменилась – выражение лица примерного ангелочка стёрло, словно следы карандаша ластиком. На её месте появилась новая маска, кстати говоря, очень даже идущая ей – холодная Снежная Королева, сошедшая со страниц сказки Андерсона.

Белая кожа и леденящая улыбка, которая резала всех окружающих как осколки льда.

Лишь глаза Кэр продолжали гореть, не давая сидящим в столовой понять, что же в них написано – злость, уверенность или ненависть. Скорее, чувство ближе к третьему.

Снежная королева подошла к пустому столику, ловким движением руки откинув в сторону пустой тетрапак от йо-

гурта. С открытого картонного пакета вылились остатки напитка, расплываясь по полу цвета кожи дельфина.

Она ловко забралась на плоскую поверхность, пошатываясь на высоких шпильках. Взоры каждого в столовой были устремлены на неё. Она могла привлекать всё внимание к себе на «ура», сама не понимая как ей это удаётся.

– Что она делает? – удивлённо спросил Макс, смотря на свою бывшую, ловящую десятки взглядов.

– Намечается шторм – хмыкнув констатировал Андрей, скрестив руки на груди.

– Эй стадо!– громко крикнула Каролина. Гул ходивший по комнате резко прекратился. Даже «свитера», сплетничающие и с набитым ртом, наконец умолкли– Сообщаю каждому из вас, завистливых закомплексованных уродцев, что я по настоящему влюбленна в самого ненавистного человека города. И если вам, гадкой помойной куче, тяжело принять то, что у кого-то здесь складывается настоящая любовь – мне глубоко вас жаль. Время моей доброты окончено. В этом городе не ценят человеческую доброту. Теперь я выбираю иную тактику общения – улей продолжал пребывать в полном спокойствии, предав постоянную привычку жужжать – Старая Кэр умерла, засранцы – голос блондинки медленно сошёл на шёпот – Всем спасибо за внимание, можете дальше продолжать есть свои дешёвые жирные «лЭнчи» – растянув слог «Э», она неловко слезла со стола, продолжая шататься на каблуках как циркач на ходулях. Присев на стол, и опу-

стив ноги на стоящую рядом скамейку, она добавила – Ах, да, чуть не забыла – подняв средний палец над головой, она громко выкрикнула второй раз за день – СОСИТЕ!

Алина, стоящая рядом с подругой громко рассмеялась:
– Узнаю тебя настоящую, Кэр.

Столовая продолжала молчать. Монолог главной сенсации начала учебного года смог прекратить устойчиво стоявшее тут жужжание.

На кухне сидел отец, пережёвывая мягкие, словно размокшие после дождя, спагетти и не отрываясь смотря в телевизор.

Увидя меня, в первую очередь он улыбнулся. Он всегда улыбался, зная насколько прекрасна его улыбка, сразу задавая собеседнику положительное впечатление о себе.

– Привет – радостно кинул он, провожая взглядом мой рюкзак, отлетающий в сторону падая у шкафчика с обувью.

– Привет – улыбнулся я, сразу зайдя на кухню и наплевав на белоснежные носки, собирающие на себе всю грязь пола.

Я осмотрел своего отца: оживлённый взгляд, который то вспыхивал, то сразу же тух после этого, аккуратно выбритая борода, обещавшая уйти в октябре в связи с новыми трендами и хипстерская причёска. Мой отец был идеален до чёртиков. Папа-мечта миллионов мальчишек по всему миру, тот самый, кто научит азам пик-ап мастерства, тот самый кто подскажет как доехать домой, когда ты пьяный в хлам и как

купить сигареты, обманув продавщицу. Тот самый, кто всучит тебе твои первые поддельные документы и аккуратно упакованные презервативы, положив коробку с ними под ёлку в качестве новогоднего подарка. Он во всём был «тот самый» – если не обращать внимание на обратную сторону монеты.

Не меняющийся с годами, не поддаваясь течению времени оставаясь тем «королём выпускного бала» – вполне может быть, что это было грустно. Человек, мечты и надежды которого разбивались с каждым новым прожитым годом. Человек, приблизительно в моём возрасте фантазирующий мир, падающий к его ногам, и через каких-то пару десятков лет ненавидящий всех, теснясь в пахнущим тухлой рыбой тесном кабинете.

Может быть, он был примером идеального мужчины-красавчика, не теряющего точёную округлённую форму бицепсов к сорока годам, но также может быть, что он являлся примером человека с жизнью до горы забитой разочарованиями в себе и разрушенными ожиданиями. Может быть, посмотрев бы на него, любой другой парень воскликнул – «хочу быть таким же к сороковнику!» Но я был странным, видя лишь несмываемую пахнущими метолом кремами после бритья грусть.

Представьте себе, что вы самый популярный человек города, снисходительно посматривающий на плохо пахнущего зажатого братца. А потом представьте, что братец вырос-

тает превращаясь в миллионера «Форбс», не выпуская вас из тени. Вы всегда чувствуете себя неудавшимся, выслушивая комментарии родственников, без остановок твердивших: «Пока твои глупые мозги были заняты сексом, братец выстроил свою золотую империю на ровном месте, ЛУЗЕР». Должно быть неприятно, согласитесь?

Наши отношения – отдельная тема. Разбрасываться заезженными фразочками вроде – «Мы из других миров» или «Он не моего типажа» – тупо. Мы просто иногда не понимали друг друга, словно начиная разговаривать на разных языках. Как люди, спорящие кто круче – Трамп или Путин, Мадонна или Леди Гага, Ариана Гранде или Мерайя Кери. Наши мнения часто разнились, заставляя разговоры зависеть неловкой паузой над обеденным столом.

Да-да, мои отношения с отцом – неоднозначная штука.

– Пап, Андрей пригласил меня завтра сходить на какую-то тусовку – как-бы между делом заявил я отцу – Он заедет за мной вечером.

Картина, изображавшая лицо моего отца после этой фразы в моей голове, полностью оправдалась.

Он расплылся в своей идеальной-белоснежной-«лакалут» улыбке, блестящими глазами говоря «Наконец-то ты мне это сказал».

Если судить по картине, то сейчас должна была начаться лекция о том, как правильно рыгать потеряв равновесие от литров выпитого алкоголя.

– Конечно же иди. Повеселитесь – довольным тоном ответил он, бросая взгляд на ток-шоу идущее по телевизору – Помнишь чему я тебя учил?

Пройдя ближе, я сел за стул придвинувшись к тарелке с мокрыми спагетти.

– Помню.

– Основы пик-апа?

– Да

– Как не начать потеть, знакомясь с красоткой?

– Да

– Как мило улыбнуться и при этом не выглядеть как идиот?

– Да-да-да. Пап, я всё помню – наложив длинные макароны в тарелку я принялся есть – Где мама? – спросил я, пережёвывая свой ужин.

Не дожидаясь ответа, я встал из-за стола, подойдя к холодильнику и заглянув в него. На дверце на выбор мне предлагалось два смузи в твёрдых стеклянных банках: клубника и мята или малина и базилик. Не думая, я взял первый вариант.

Моё питание – это тема, озадачивавшая всех окружающих меня людей. Они все, как один, не могли понять – как желудок подростка может переварить овощи и зелень, при этом отказавшись от соблазнительных пахнущих грязными носками кусков картофеля-мутанта присыпанного оранжевой крошкой, или аппетитного четырёхэтажного бургера, не

влезавшего в рот, даже если челюсть раздвинуть тисками, украшаемого мягкой котлетой, истекающей густым жиром, посередине? Дело в моём желудке. Он, после малейшего попадания жирной еды в него начинал выть и скулить как кит во время брачного периода. Меня тошнило. Казалось, будто в моём животе сидит скользкий инопланетянин из первых «Чужих», норовящий вырваться наружу сию минуту.

Все эти продукты загадочного происхождения, попадая ко мне в живот начинали жить своей жизнью. Они образовывали подвижный симбиоз, свою армию идущую против моего пищеварения. Из-за этого кусок жирноватой шаурмы, в которую бережно завернут кусок ягнатины, на котором посидела каждая третья навозная муха города, казался мне намного мерзопакостней, чем кусок хрустящего брокколи, например.

Я – странный подросток. Ну ничего не поделать, это воля моего желудка.

Крышка смузи громко хлопнула, дав мелким густым каплям разлететься в разные стороны.

Отец не отрывал взгляда от громкого шоу, звуки которого раздавались по всему дому.

«Говоря о разговоре» – программа на главном канале, в котором высокий ведущий блондин с выстриженным под линейку каре, напоминавшим типичную причёску прилежной мамы среднего возраста (на мужике она смотрелась нелепо) ходил с микрофоном по залу, опрашивая совершенно

непонятно как причастных к обсуждаемой теме людей. В основном, это были не умолкая кудахтающие бабушки. Они вели настолько живые дискуссии, что в зале, казалось, вот-вот и завяжется потасовка.

Потасовка старух, спорящих о новой обнажённой фотке Ким Кардашьян. Я улыбнулся, обратив на себя внимание отца.

В студии, на диване недалеко от них сидел обтатуированный блогер, не выговоривший ни одно предложение без навязчивого устаревшего слэнга, неестественного южного акцента и протяжного «Йоу» или «Е-е-е». Типичное представление сидящих там старушек о современной молодёжи. Рядом с ним сидела сисястая модель, пухловатый политик и, судя по всему, тайский трансвестит. Говорил он низким басом, при этом подведя фиолетовые стрелки на глазах и нарисовав ногти ярко-розовым, сцепив руки на жилистых мохнатых коленях.

В студию вошла заплаканная девушка, изнасилованная на вечеринке у своего одноклассника. Не успела она намотать соплю на кулак, как со стороны пенсионерок полетели тухлые томаты и огрызки яблок.

– Да ты посмотри на себя! Ты же п-р-р-роститутка – воскликнула пожилая дама, протягивающая звук «р».

– Ты даже на главный канал страны припёрлась будто на трассу! – кричала другая, обильно жестикулируя одной рукой, при этом другой успевая держать микрофон перед уста-

ми, из которых в разные стороны разлетались слюни.

Рыдавшая жертва пыталась заткнуть каждую кричавшую, подскакивая с места и набрасываясь на крикливых «божих одуванчиков».

Ничего нового.

Программа мелькала перед моими глазами обрывистым набором картинок и криков. Я опускал глаза то на мягкие тягучие спагетти, то переводил в окно, смотря на пустую дорогу, у которой виднелись яркие аккуратные клумбы Жанны. Агрессивный гном, державший нож в руках заглядывал прямо к нам на кухню. Б-р-р! Надо будет незаметно отвернуть его, стараясь не попасться на глаза видящей всё соседке.

«Жестокое убийство имеющее религиозный подтекст шокировало маленький городок на востоке страны» – ведущий с бабским каре сухо тараторил написанный в блокноте текст, обратив на себя моё внимание.

В телевизоре пошли куски из фото и видео происшествия на концерте. Окровавленное тело, гвозди забитые в руки, кричащая толпа – цензура не скрыла ничего. Даже безжизненное лицо Давида показано во весь кадр.

Сглотнув подошедшую ко рту слюну я продолжил смотреть на экран, на самом деле находясь в том месте.

Толкучка. Чужие ноги, наступавшие на мой кед одна за другой. Недостаток воздуха. Крики, звенящие в ушах по сей день, и самое главное, повисший над городом крест.

Струи крови, стекающие вниз, и странное ощущение оце-

пенения. Будто ты способен лишь стоять и смотреть на глубоко вырезанную букву «V».

– Они скоро рассчитаются за свои поступки – я вспомнил дрожащий гундосый голос сидевшего рядом со мной парня. Перед носом пронёсся его аромат: зловонный пот и таящий воск. Его глаза, которые оценивающе смотрели на нового соседа по парте.

После парочки кадров окровавленного трупа включили видео, взятое из Ютуба. Тот самый популярный мем, где «пьяный жирный еврей» забирается на стол, выплясывая тектоник.

Я скривился. Омерзительно, как можно продолжать крутить видео, разрушившее человеку жизнь даже после его смерти?

Отец отвёл взгляд от экрана, посмотрев на меня.

По телу быстро прошла мелкая ритмичная дрожь.

Взяв пульт в руки, папа выключил телевизор.

– Тебе хватит этого зрелища – сухо обрезал он – Ты его уже сполна насмотрелся вживую.

Поставив перел собой ноутбук, я зарылся в одеяло чувствуя необъяснимый жар. Озноб прокатывался по телу из раза в раз. Симптомы болезни? Вряд ли.

Перед глазами стояла алая буква «V». Аноним, всегда находящийся там, где ему нужно. Аноним, желающий отомстить богачам, убивая при этом низший класс. Аноним, не

жалеющий даже тела закомплексованного подростка, вырезая на нём свой инициал.

Леди V.

«V» – кровь от ярко-красных шрамов растеклась в разные стороны, окрашивая белую воскресную рубашку в багровый.

Переведя взгляд с горящего монитора на окно, я с удивлением обнаружил что на улице воцарила тёмная ночь. Абсолютно резко, будто по чему-то щелчку пальцев. «Щёлк!» – и день, во время которого я зашёл в свой дом бесцеремонно ушёл.

Я утонул в мягкой кровати полностью скрывшись в стоявшей тьме. Лишь свет монитора освещал моё уставшее лицо.

Я чувствовал, будто на меня возложили тяжёлую ношу, давящую на спину всем весом. Моя голова трескалась от всего происходящего тут. Мыли, догадки, теории – все смешивалось и перемешивалось будто быстро вращающемся по кругу блендером.

В лежавшем у подушки “MAC” шёл первый сезон «Твин Пикс» – фаворит одного из моих самых любимых сериалов. Люблю историю Лоры Палмер и окутанного мистикой городка ещё с десяти.

Услышав музыку во время заставки я сразу расслабился, отпустив алую букву и давая мыслям освободиться. Успокаивающая культовая мелодия, пейзажи гор и озёр... Я уже там, в далёком мрачном городке.

Мой семнадцатый год сделало лишь две вещи: выступле-

ние Гаги на «Кубке» и новый сезон «Твин Пикс», шокировавший меня в край. Даже напугавший до чёртиков.

Что же, мог ли я подумать что когда-то окажусь посередине подобной пугающей истории, сам того не осознавая? Вряд ли.

Заснул я под ту же культовую мелодию во время начала новой серии.

Спокойное лицо спящего парня освещал свет стоящего рядом ноутбука. Свет луны, полным ходом готовившейся к надвигающемуся полнолунию проник внутрь сквозь прозрачные шторы.

Яркий блик на мгновение осветил окутанные мраком тени – чёрные пятна, навсегда остающиеся загадкой.

Просторная кровать, письменный стол, дверь с висящим на нем зеркалом и шкаф, набитый одеждой.

Лунный блик пробрался в комнату ещё раз, осветив широкую улыбку.

Тёмная тень, стоявшая за шкафом медленно выдвинулась к кровати. Бесшумные шаги становились всё ближе к лежащему подростку.

Лунный блик быстро вышел из комнаты, оставив мрак наедине с парнем.

Тень возвысилась над спящим телом, протянув дрожащую руку к его щеке. Он чувствовал тепло его кожи. Чувствовал холодное дыхание. Ему хотелось потрогать мальчишку, но

он не мог, продолжая наблюдать за вдохами.

Это был не добрый взгляд, с искренностью осматривающий спящего, нет. Это был взгляд охотника, высматривающего резвую дичь. Взгляд довольного охотника, нашедшего свою жертву.

Тень сделала шаг назад, наступив на скрипучую доску. Эхо скрипа раздалось по комнате, выйдя в коридор.

Влад глубоко вздохнул, перевернувшись на другой бок.

Комната была пуста. Он лежал, как и ранее, совершенно один. Лишь он и тьма.

Или, на самом деле, он никогда не был один?

Некоторые люди совсем не видят сны – удивительный факт как для человека, которому случайные всплывающие по ночам в фантазии картинки просто не дают покоя.

Иногда, просыпаясь по утрам я чувствую себя так, будто всю прошедшую ночь неутомно бодрствовал. А как по другому, когда за каких-то шесть часов, отведённых на сон, ты успеваешь побывать в нескольких разных местах, иногда даже фантастических выдуманных мирах, всё безумие которых нельзя понять обычному человеку.

О да, я представляю себе это: обычный человек в перемотке просматривает мои сны, шокировано раскрыв рот и не отрываясь от сумбурного нелогичного повествования.

Иногда, они были практически целиком нормальными. Точнее, нормальными в меру – например, я открываю не ви-

данный ранее индонезийский изумрудный остров на огромном деревянном корабле, племена которого обмазывают тело липкой глиной и выбивают себе зубы.

Периодически, в меру нормальные чередовались с «изрядавон»: оседлав скользкого дельфина, я плыву на встречу неизвестности, руками хватаясь за радугу, рассыпающуюся на десятки жележных мармеладных мишек.

Стоя посреди бразильской фавэлы, я пытаюсь прострелить своего загорелого двойника, укравшего кокосы на местном рынке у пожилой жительницы Рио.

Бегая по Сибири, уютно раскинувшейся по всей географической середине России, я пытаюсь спастись от маньяка в хоккейной маске, напоминающий Джейсона Вурхиза, только вместо бензопилы у него в руках волшебная палочка из Гарри Поттера.

«Что?» – недоумевая спросите вы, перечитывая строчки сверху по второму разу. Это мои сны, и они поглощали всё тело от кончиков ногтей на пальцах ног и до торчащего волоска на моей макушке. Смотря на свою небольшую кровать, я вижу перед собой удивительный телепорт, переносящий в другие миры с закрытием глаз.

Подскакивая с телепорта, я продолжал видеть перед глазами пришедшие мне в голову картинки, чувствуя лёгкую усталость, будто я и правда минуты назад бегал по Сибири или совершал морскую экспедицию в Индонезию.

Возможно, мои же сны меня и разрушали. Медленно, но

уверенно сдавливая психику мрачными жестоким картинами, периодически всплывающими ночью. Я полностью погружался в тёмный мир, из которого меня способен был вывести лишь полный ужаса крик.

Спокойный сон. Я валяюсь на своей кровати, наслаждаясь тьмой стоящей перед моими глазами. Тишина, мрак и пение сверчков, прыгающих за окном.

Тьма развевается, показывая за собой столь знакомую картину. В ней преобладает тусклый жёлтый и бледно-зелёный цвет.

Ржавые рельсы, уходящие в никуда. Я стою посреди них, осматривая выгоревшие кустарники по бокам. В моих руках низкий двухколёсный велосипед, подаренный бабушкой на восьмилетие. Он остался там навсегда, как и мой кот, порой приходивший во сне и садившийся рядом, зелёными глазами заглядывая в душу: «Почему ты меня не нашёл? Уехал, оставив меня одного».

Рельсы, по которым никогда не ходили поезда находились на окраине моего родного городка. Именно тот город, находясь в котором ты никогда не сможешь подумать, что когда-то будешь за ним скучать: серые монотонные многоэтажки, тянущиеся по желтоватой степи одна за другой, как разбросанные на ковре кубики «ЛЕГО», переплетаясь с выгоревшими от солнца посадками.

Вдали выглядывал блестящий синевой ставок, у которого поржавевшие рельсы резко обрывались.

Место силы прямым из детства. Я часто видел его в своих снах. Почему-то моё сознание никогда не выдавало скромную душную квартиру или мрачный плохо пахнущий подъезд. Оно всегда переносило меня сюда, к водоёму у которого я частенько сидел после школы.

Приезжая сюда на велосипеде, я закапывал ноги в песок и думал о прошедшем дне: иногда, с порезов, оставленных после случайной школьной драки, в мутную воду стекала кровь. Иногда я хватался за голову, ставя себе сумбурный вопрос «ЧТО ЭТО СЕЙЧАС БЫЛО?» смотря в песок усеянный мелкими бычками. А иногда я поднимал взгляд в просторное небо, мечтая о будущем. Мог ли я подумать, сидя в своём родном городе и мечтая о том моменте, когда я уеду в шумный мегаполис строя головокружительную карьеру, что когда-то маленький жаркий южный городок будет заново отстраиваться в моих снах.

Я всегда был один у этого небольшого озера. Это было моё место, где я просто усаживался на тёплый песок и подпирая подбородок начинал думать. Начальная школа – сложный период для каждого, и я его переживал именно так.

Краска на стареньком велосипеде, даже во сне, где всё должно быть безукоризненно, потрескалась, обнажив ржавчину под собой. Цепи пронзительно скрипели, хриплым голосом моля: «Смажь нас! Или освободи от страданий, скинув на металлолом».

Я оставил велик у начала пляжа, подойдя ближе к берегу.

Вода, казавшаяся мне привезённой напрямиком из Индийского океана, топила в себе миллионы разорванных пакетов и пластиковых бутылок. Люди просто не могли пересилить себя дойдя до мусорника. Озеро было полностью покрыто зелёной тиной, делая воду внутри себя непроглядной пучиной. Я никогда не заходил в неё, ощущая свою форменную брезгливость, боясь что хотя бы маленькая капля попадёт на мою кожу. Тогда, влажное место начало бы жечь, будто от прикасания азотной кислоты.

Но во сне вода была чистойшей, прозрачной настолько, что с лёгкостью можно было рассмотреть белоснежное песчаное дно.

Я зашёл в неё по щиколотку, делая ещё один мелкий шаг. И ещё. Мне нравились эти чувства. Вода в озере была густой и тёплой, как парное молоко.

Я хотел погрузится в неё полностью, опуская руки всё ниже и ниже. Она щекотала мою кожу. Каждая клетка наслаждалась, принимая тёплую ванну.

Опустив голову я взглянул на своё лицо. Я был идеален – чёрные точки и навязчивые красные прыщи остались там – в свете дня, полностью сойдя с лица при мраке ночи. Меня всегда передёргивало от осознания того что где-то под твоей кожей живёт своей жизнью мерзкий гной, образующая упругие шишки на теле. Омерзительно чувствовать что какая-то инородная масса спокойно существует под тонким слоем кожи, норовя вырваться наружу.

Солнце освещало тонкое тело и резвые глаза. В его лучах, я, казалось, светился как новогодняя гирлянда.

Наслаждение. Тепло, покрывающие тело и приятные чувства. Вода, поглотившая в себя мои ноги и ласковое яркое солнце.

Как можно испытывать столь приятные эмоции во время сна?

Я обводил взглядом ровную, как плоское стекло, водную гладь. Сравнение со стеклом было неизбежно – словно зеркало, озеро отражало в себе желтоватые кустарники, вытоптанную траву и зелёные высокие камыши. Я видел в ней своё тело, будто в первый раз осматривая свои руки и стройный торс, острый крупный нос и торчащие в разные стороны чёрные волосы.

Я вздрогнул, даже во сне почувствовав как левая нога согнулась в колене.

Прищурившись, в отбивающем лучи солнца зеркале я увидел расплывшиеся в улыбке морщинистое лицо. Безумные быстрые глаза, будто спеша, ходили по моему отражению и нависшими над озером деревьями.

Я сделал шаг назад, быстро обернувшись оперевшись носом в незнакомого мужчину.

Неприятная физиономия, от которой к моему телу возвращался уже ставший привычным озноб.

Лоб, напоминавший мятую рубашку из-за своих нависших одна на другой морщин. Колкие глаза, будто впивающи-

еся в кожу с каждым взглядом. В них будто-бы происходила буря, полностью не соответствовав с довольной широкой улыбкой. Гнусной и мерзопакостной улыбкой.

– Кто вы? – дрожащим голосом спросил я, перемешивая ступнёй тёплую воду под ногами.

– Он рядом – на вид, мужчине было лет пятьдесят. Типичный представитель замкнутых в себе отшельников, теснящихся в однокомнатной квартире с матерью. После своей первой фразы, произнесённой низким голосом поедаящим гласные звуки как горячие пирожки, незнакомец показал гнилые зубы, похожие на недоеденные куски молочного шоколада – Он близко. Ещё ближе, даже чем ты себе можешь представить.

– Кто близко? – недоверчиво переспросил я, удивляясь самому себе. Я не стал отходить, крича «Вы мне не приятны» или «Ваши зубы похожи на куски навоза». Я застыл, заглядывая в взволнованные глаза. За своей спиной незнакомец что-то держал, но я не смог рассмотреть что именно.

– Конец. Конец близко.

– Чей конец?

– Твой – улыбка не сошла с его лица – Твой конец стоит рядом с тобой, дыша в спину – не во сне я бы рассмеялся от столь двусмысленной фразы – Зря ты приехал сюда. Тебе стоило закрасить это место на карте чёрным маркером, объезжая десятой дорогой. Всему человечеству стоило так сделать.

Я молчал, смотря на незнакомца.

– Ты хочешь увидеть свой конец? – рубрика «я бы рассмеялся, случись бы это в реальной жизни», дубль два. «Нет, я не хочу увидеть свой конец» – сказал бы я, но сейчас лишь скромно промолчал.

Ивы, склонившиеся над озером опуская свои ветки в воду заволновались. Подул тёплый ветер.

– Пойдём за мной – лысый незнакомей зашагал к желтеющим низким терновникам, недоверчиво посматривая назад.

Я послушно зашагал за ним, не узнавая самого себя, того предусмотрительного скептического парня, вычитывавшего книги про маньяков с пяти лет.

Идя по песку я уверенно спросил у вставшего ко мне спиной мужчины:

– Кто вы?

– Можешь называть меня своим другом из лесополосы.

– Почему вы решили что стали другом для меня?

– Ведь только друг может заботливо показать тебе твой финал, верно? – я ничего не ответил, лишь следовал за ним – Только друзья способны так сделать: я покажу тебе окончание твоей жизни, не попросив ничего взамен.

Гладкими сморщенными руками незнакомей раздвинул жёсткие кусты, ожидая меня.

За ними царил непроглядный мрак. Я не видел ничего вокруг себя, думая что сон наконец закончился.

Сквозь нависшие над нами плотные жёсткие ветки про-

бился яркий луч солнца. Он светил прямиком на нас.

Мой взгляд стоял на бледной коже незнакомца, которая также начала переливаться яркими блёстками.

Может быть все в этом сне, как вампиры в «Сумерках», начинали светиться от малейшего попадания солнца на кожу.

– Смотри – сухо выдал незнакомец, растянув улыбку ещё шире.

Повернув голову, я глубоко вздохнул уловив ужасный выедающий глаза аромат.

Луч осветил высокие горы из человеческих тел, с которых ручьями вытекала кровь.

Присмотревшись получше, можно было заметить, что все тела – дети. Девчонки в инфантильных розовых платьях. Мальчики в старомодных узких джинсах и бейсболках с широким козырьком. Гёрл-скауты, с нацепленными на пояс броскими значками.

Все они были мертвы: с невинных не созревших тел текла кровь прямо к моим ногам.

– Шестьдесят четыре жертвы – рассмеялся незнакомец – По ребёнку на клетку шахматной доски.

Я вскрикнул, понимая что звук не вырвался из моих приоткрытых уст сквозь сон.

Отходя назад, я продолжал кричать слыша свой низкий голос.

– Добро пожаловать домой, Влад – нараспев крикнул муж-

чина, достав из-за спины зеленоватую розочку от разбитой бутылки.

Замахнувшись, он ударил меня прямо в живот. Опустив глаза, я наблюдал как грязные осколки проседают в моём теле всё глубже и глубже. Как из-под них струиться густая кровь. Как мои губы медленно окрашиваются в багровый, и как из рта начинает течь холодная жидкость.

Раздался смех. Безумный неприятный хохот, звучавший в моих ушах даже после того, как я открыл глаза спрыгнув с кровати.

Я не кричал характерно для себя. По телу туда-сюда ходил неприятных озноб. Руки дрожали.

Выглянув в окно и посмотрев на почти полную луну, я кинулся прочь из комнаты, погружённую в мрак, как из самого страшного места на планете.

Сбежав вниз по лестнице я не раз спотыкнулся, продолжая бежать во мраке.

Заснул я где-то к четырём часа утра, если верить настольным электронным часам. В этом мне помог ночной эфир детского канала, который я включил в надежде поймать волну позитива.

Там шёл черно-белый ретро мультик про Микки Мауса, в котором он из всех сил старался понравится Минни, явно флиртующей с ним. Возможно, для детей двадцатого века поколения «бейби-бума» эти намеки были не совсем ясны.

Диван оказался вполне мягким, чтобы за считанные секунды закрыть глаза и заснуть.

Глава 7 #городакоторыхнет

– Вам придётся разделить по парам, – белокурая учительница географии неторопливо прохаживалась между рядами парт, мимолётно осматривая учеников. Раз за разом она подправляла высокий воротник строгой белой рубашки. Консервативные рубашки от Ральфа Лоурена, скорее всего, были её увлечением и каждодневной формой. Синие, голубые, красные и чёрные.

Я хватался за голову, в надежде не заснуть во время окончания первой недели в новой школе. Казалось, если я ещё раз моргну то засну прямо на парте.

В шесть утра меня разбудил отец, начавший собираться на работу, хлопая дверцами шкафчиков на кухне.

– Как ты оказался спящим на диване в зале?– спросил он, увидя как я нехотя продираю глаза – Опять ходил во сне?

– Долгая история – сухо ответил я, закрыв глаза в надежде вновь заснуть.

Не вышло.

Коммуникабельность – черта, которая явно отсутствовала у сонного Влада. У сонного Влада вообще отсутствовали любые качества характерные бодрому Владу.

Меньше всего мне хотелось знакомится с новыми людьми,

вырезая флаг какой-нибудь Мьянмы из цветного картона.

Я бы сам на тят-ляп нарисовал низеньких азиатов, засыпав это всё липкими канцелярскими блёстками. И плевать на кол – главное быстрее дайте домой и плюхнутся на кровать, моментально заснув.

Учительница посадила меня с девчонкой, лицо которой плотно прикрывали каштановые волосы. Она склонялась над толстым скетчбуком, выводя линии на нём простым карандашом.

Достав мелкий огрызок бумаги, который лежал в старой плохо пахнущей шляпе, плывущей по рядам и рандомно дававшей задания каждой паре, я обнаружил что нам придётся создавать проект о Лаосе. Маленькая страна покрытая зелёными джунглями, вытянувшаяся как глист среди других азиатских стран.

Всё место на парте занял пустой ватман.

Девчонка продолжала увлечённо рисовать. Немного отклонившись, я рассмотрел чёрно-белый портрет Курта Кобейна. Весьма детальный и талантливый, кстати говоря. Каждая волосина, каждая колючка создающая щетину и каждая морщинка на губах – всё было прорисовано очень щепетильно.

Глаза Курта прикрывали объёмные белые очки с тёмными стёклами, мода на которые неожиданно вернулась в 2018-ом.

Наклонившись поближе к раскрытому блокноту я уло-

вил запах волос соседки: приятный шампунь, доносившийся внутрь моего носа лёгкой кислинкой.

Осилив финальный штрих, девчонка подправила невероятной густоты волосы, откинув их назад и показав симпатичное лицо. Огромнейшие голубые глаза с интересом взглянули на меня, будто не замечали ранее подсевшего одноклассника.

– Я Влад – улыбнулся я глупой улыбкой, похожей со стороны на оскал злой собаки – Любишь Нирвану?

– Я Ева – едва она приоткрыла губы, как я сразу рассмотрел белоснежные выстроенные в ряд зубы – Обожаю Нирвану.

Ева провела кончиком языка по высушенной верхней губе.

– Я тоже обожаю Нирвану.

– Серьёзно? Может быть хоть в этот раз мне повезёт с партнёром – она женственно хмыкнула, ещё раз подправив густые волосы – И какая у тебя любимая песня? Только не говори что «Smells like teen spirit» – как же я «обожаю» людей, слушавших лишь одну их песню и называющими себя фанатами.

Огромные живые глаза пронизательно старались заглянуть, прямо таки, внутрь меня.

«Девчонка-контраст» – подумал я про себя, осматривая бледную кожу, не соответствовавшую с насыщенностью глаз. Она была почти прозрачная – такая белокожая, что её тело

отбивало в себе залетающий в кабинет солнечный свет.

– Я с десяти лет обожаю «Lithium».

– Ты сейчас серьёзно? – контрастная ухмылка переросла в широкую улыбку – У них – это моя любимая песня. В девять лет, когда я нашла в нашем гараже пластинку «Nevermind», сразу же влюбилась в «Lithium»! До сих пор я храню пластинку у себя в комнате, на самом видном месте. Наверное, со стороны я выгляжу как зануда хранящая старый винил. Но по-моему это намного атмосфернее, чем слушать в «Spotify» трек за треком. Слушать Nirvana в наушниках – это как жить без ноги.

Я хмыкнул ещё раз. Моя улыбка в очередной раз казалась глупой. Всё во мне, рядом с ней, казалось таким нелепым.

Её смех был так привлекателен, заполнял собой весь кабинет. Договорив фразу, она сама рассмеялась привлекая внимание учительницы.

Ева была чертовски привлекательна. Солнце, проникавшее в кабинет через большое окно до потолка изменяло цвет её волос как хамелеон меняет цвет кожи. При свете дня она казалась блондинкой, но как только яркое солнце закрывала массивная туча волосы моментально чернели. Какая-то магия.

Глубокие глаза также нельзя было вписать в какие-то рамки. Прозрачно-голубой цвет, переходящий в изумрудный ближе к тёмному круглому зрачку.

Её глаза ходили по мне, от волос и до носа. Под ними на-

висали тёмные синяки, будто бы Ева не спала последние три дня. Эта черта придавала голубому цвету её глаз ещё большей голубизны.

Во время ненавязчивого смеха я уловил её запах. Я глаубоко вдохнул аромат, вышедший из её рта.

Кисловатый бабльгам смешанный с крепким ополаскивателем вроде «Листерина».

Это нормально, что мне хотелось вдыхать запах ротовой полости человека, с которым я познакомился три минуты назад ?

Она не скрывая интереса осматривала меня секунд тридцать, затем негромко хмыкнув развернулась к своему рисунку. Утончённой ладонью она ещё раз провела по свисающим вниз волосам.

Она водила карандашом по белоснежной бумаге, периодически бросая быстрые взгляды в мою сторону.

Словив себя на мысли что я постоянно пытаюсь придвинуться ближе к новой соседке, ёрзая по жёсткому стулу, я понял, что нужно продолжать разговор. Она притягивала меня как Земля Луну, разве можно отпустить девушку с таким притяжением?

– У тебя хорошо получается – улыбнулся я, провожая крупные голубые глаза, поднявшиеся на меня.

– Что получается?

– Рисовать. Я имел ввиду рисовать.

– Влад, давай без лести. Из меня посредственный худож-

ник, криво рисующий карандашом серое уродство в мятом скетчбуке.

– Нет, правда. Мне нравится. Я бы хотел посмотреть твои другие рисунки.

Вздыхнув, Ева начала быстро листать страницы блокнота. Среди них мелькал силуэт Одри Хепберн, юного Леонардо Ди Каприо и Джанет Джексон.

– Что же я делаю? – разочаровано спросила Ева сама себя – Я ведь даже родной матери это не показываю.

– Значит, любишь рисовать звёзд?

– Звёзд. Вымышленных персонажей, но не своих, а тех, что уже придумали за меня. В девятом классе увлеклась киберпанком, переиграв во все игры «Deus Ex» и перечитав все книги Гибсона.

Я уверенно кивнул не зная фамилии.

– Ты рисуешь существующих людей и персонажей, придуманных другими. Ты никогда не пыталась изобразить... – я остановился, думая не сильно ли бестактен мой вопрос. Обрывок предложения повис в воздухе – ... что-то своё?

Ева вздохнула в очередной раз. Уже сейчас можно было сформировать целый ряд её постоянных привычек: постоянное поглаживание своих же волос, быстрые многозначительные взгляды, которыми, она скорее всего, каждому хотела донести что-то. Она говорила одними лишь глазами, оставляя рот на замке.

Она была такая бледная, но такая живая. Слова выходили

из неё каждую секунду, даже когда она сама, должно быть, этого не хотела.

– Не люблю рисовать своё. Даже, скорее всего, у меня просто это не получается. Образы, изредка всплывающие в моей голове сковывают меня. Я становлюсь заложницей, видя лишь отдельные их части, которые перенести на бумагу крайне тяжело. Я рисую лишь то, что вижу. Мои глаза более прямолинейные чем голова, знаешь ли.

Образы, всплывающие по частям – интересно...

– Я увлекаюсь культурой 90-х. Точнее, в этом скетчбуке, с редкими исключениями, всё что с ней связано. Я много чем увлекаюсь. Культовое кино, классические ужастики, Хичкок, Уорхол и Бёртон – Ева хлопнула скетчбуком, прислонив подбородок к ладони и взглянув на меня снизу вверх.

– Вау, я не могу выпустить из виду девчонку с одинаковыми интересами.

– Смотришь культовое кино?

Я кивнул.

– Тащишься от старых ужастиков, когда остальные друзья скептически посматривают на тебя и говорят «Какие устаревшие спецэффекты»?

Я кивнул два раза.

– Пересматривал «Психо» по пятому кругу?

Кивнул.

– «Птицы»?

Кивнул.

– «Головокружение»?

Кивнул.

– Если на чистоту, наши схожие интересы становятся странными. Ты случайно не маньяк, отслеживавший мою жизнь до того как подсел ко мне?

Я рассмеялся, продолжая быть полностью поглощённым взглядом новой соседки. Теперь я понимаю весь смысл этой ванильной фразы. Хрустальные, как сервиз царской семьи в «Эрмитаже». Глубокие, как Мариинская впадина. Они гипнотизировали меня, заставляя смотреть лишь на них, улавливать каждое движение и многозначительный взгляд, ведь каждый взгляд Евы был коротким предложением.

Чувство, будто в тот момент я был шифровальщиком со стажем, пытающимся разгадать запутанный код.

– Мальчишка, любящий культовое кино. Смотри, как бы тебя за такое не отлупили наши «аидасы».

Я промолчал о том что уже пережил болезненный удар в живот от одного из них.

«Аидасы», «аидасы»... Её голос прозвучал эхом в моих ушах, выведя перед глазами образ рыжего парня. Безумный резвый взгляд, широкая ухмылка. За секунды он взлетел в воздух.

Чёткие тени часто проходили мимо моих глаз, растворяясь по щелчку пальцев.

«Щёлк!» – и я вижу перед собой лишь огромные глаза.

– Не любящий, а обожающий. Могу наизусть «Донни Дар-

ко» процитировать.

– «И мне кажется весёлым и одновременно грустным, что сны, в которых я умираю– лучшие что у меня есть» – Ева процитировала строчки песни-саундтрека «Mad world»

– Безумный мир... – мы всматривались в глаза друг друга и молчали. Губы слиплись, не давая словам проникать наружу. Они сейчас не нужны были. Я чувствовал её энергию всем телом, она летала тут везде. Её волосы падали на бледное лицо, а глаза ходили по мне.

Мы чувствовали друг друга. Я словно дотрагивался, прикасался к её волосам и мягкой коже просто смотря ей в глаза.

Она провела языком по верхней губе в очередной раз. Ещё одна привычка.

Сейчас говорили лишь наши глаза. Они без умолку общались, рассказывая друг другу сухие факты. Мы узнали друг о друге всё, за те минуты проведённые вместе.

– Это саундтрек, не считается – прервала неловкое молчание Ева, отклонившись на спинке стула и зажав между пальцем карандаш.

На столе перед ней одиноко лежал лишь блокнот и простой карандаш. И всё, ей этого хватало для погружения с головой в свой внутренний мир.

Хочу узнать его. Хочу побывать в нём, ну, во внутреннем мире. Может быть, прозвучало вульгарно. Но я чувствовал что за своим выразительным холодным лицом эта девчонка хранит целые города, созданные головой скрываемой густы-

ми волосами.

Её волосы... Они так приятно пахнут.

Города которых нет. Они существуют в её голове, смотря на окружающий мир через прозрачные глаза.

Пару реплик, всего несколько слов хватило чтоб с уверенностью заявить: МНЕ НРАВИТСЯ СИДЯЩАЯ ПЕРЕДО МНОЙ ДЕВОЧКА. Она грубо вытеснила одним лишь своим присутствием дикие мысли, воспоминания об алой крови и ушедших из жизни.

Она занимала всё пространство внутри моей черепной коробки словно неизлечимая психическая болезнь, которую не в силах убрать даже лоботомия.

Или это первое, обманчивое впечатление?

Мне нужна она. Мне нужно узнать лучше сидевшего рядом со мной человека, чьё холодное дыхание щекотало лицо в мгновение ока покрывшееся румянцем.

Как понять её внезапные чары?

Никак. Я не хочу ничего понимать.

– Ну что, приступим к Лаосу? – Ева расплылась в улыбке, словив мой застывший вдумчивый взгляд.

Я потянулся за красным маркером, одновременно выводя объемную тучку синим. Всё шло как надо. Наш проект, даже на стадии зародыша, казался прекрасным. Скорее, благодаря Еве: свесив волосы на тонкий ватман, она увлечённо выводила своим карандашом прозрачные наброски.

Я, держа смартфон, надиктовывал ей информацию про маленькую азиатскую страну, создавая предложения по слову из десятков сайтов. Я чувствовал себя мартышкой, высматривающей мелких блох среди шерсти сына.

Ева аккуратно выводила каждое словечко, скрепившееся тонкими линиями между собой в ряд. Её почерку позавидовал бы любой китайский каллиграф. Идеальные букочки, появлявшиеся внутри нарисованного облака как стройные модели на подиуме.

Утончённые округлости и вычурные завитушки создавали из сухих фактов произведения искусства.

– Столица Вье... что? – переспросила она

– Вьентьян – обрезал я, взглянув на страницу «Википедии».

Ева потянулась к розовому цветовыделителю, в то время как моя рука скользила по лежащим в пластиковой упаковке фломастерам.

На секунды, наши руки сошлись. Её ладонь ласково прикоснулась к моей. Я почувствовал холод её кожи. Она была, прямо-таки, ледяная, но в тот же момент я чувствовал её огонь, горящий внутри.

От быстрого прикосновения я почувствовал удовольствие всем телом. Оно прозвучало внутри меня, давая приятному чувству ходить под кожей до конца урока.

Её прикосновение сродни удара током. Сродни яркой вспышкой молнии, на считанные секунды попавшей в меня.

– Давай закончим у меня дома – дождавшись окончания громкого звонка предложил я, наблюдая за резко вставшей соседкой, схватившей блокнот под мышку собираясь уйти. Как бы я не хотел чтоб она уходила. Как бы я хотел чтобы она оглянулась, решив сесть рядом со мной и ещё раз наградить своим прикосанием. Может я фетишист? Помешался на мимолётном контакте с почти незнакомой девчонкой?

– У тебя дома? – недолго думая, Ева ответила пожав плечами – Сойдёт. Когда?

– Завтра – это слово вылетело само собой. Я не успел даже задуматься, выпустив его из своих уст.

– Договорились.

«Договорились» – после этого слова стрелки часов замедлились. Время будто специально тянулось, оттягивая многообещающее «завтра». То самое «завтра», когда я увижу её вновья.

Ева – кто же ты такая? Почему я не могу остановиться думать о тебе?

Вы читали «Я, мои друзья и героин»? Самокопания реальной наркоманки, живущей в Берлине. Может быть вы смотрели экранизацию – «Дети со станции Зоо»? Или британский фильм «На игле»?

Кхм-кхм. К чему это я.

Если забить в поисковую строку Гугла простое слово из

пяти букв «СКВОТ», то вам сразу же покажут мрачные картинки с обрисованными граффити стенами и укуренными подростками на их фоне, лежащими в собственной блевотине.

Чем-то напоминает ту самую станцию «Зоо», не так ли?

Как можно одеваться в сквот? «Заброшенные здания, становящиеся пристанищем для творческой молодёжи» – спасибо Википедия! Главное слово тут – творческой. Творческая молодёжь должна одеваться креативно. Я должен выглядеть креативно, чтоб не сильно выделяться на фоне тусовки.

Может быть я сильно нервничаю?

Я раскрыл забитый доверху скомканной одеждой шкаф, дав вывалиться на пол старому шерстяному свитеру. Креатива в моём гардеробе много не было, самая неординарная вещь – пахнущая зубной пастой пижама с кенгуру в боксёрских перчатках, или домашняя футболка с надписью «Убивай добротой», служившая мерчем к туру Селены Гомес три года назад.

Не густо.

Обычные простые джинсы и красная клочатая рубашка – сойдёт.

Одевшись я взглянул на себя в зеркало. Сзади меня, на письменном столе горел МАС, с включённым на нём фильмом «На игле». Успел я посмотреть лишь сорок минут.

Это нормально, что перед ночной вечеринкой меня так

потянуло на фильмы о наркоманах?

Самое странное, что я не уловил весьма простой сюжет фильма. Набор кадров мелькал мимо моих глаз, в то время как в голове звучало лишь одно: бархатный нежный голос. Ева, Ева... ЕВА. Мне так нравится это имя, три буквы дающие в тандеме настоящую женственность.

Имя первой женщины (по Библии, ведь если опереться на науку первым существом женского пола была мартышка Люси).

Я застыл смотря на себя в зеркале. Ни то чтобы на себя, я видел в нём её огромные глаза, огромные глаза скрывающие за собой целый мир.

И как от них оторваться, даже когда под окна твоего дома подъехал брат на своей машине, начав сигналить как не в себя.

Би-бииии...!

Я видел её каждую секунду с тех пор как вышел с уроков, она была просто...

Би-бииии...!

... идеальной, и я не узнавал себя, ведь как можно...

Би-бииииии...!

Блин, пора выходить.

Подойдя к двери и опустив ладонь на холодную ручку, я сразу же встретился носом со своей мамой.

Любящий взгляд. Искренняя улыбка, неожиданно появившаяся на её лице. В этом вся она.

Холодная и колкая на язычок красotka, становящаяся другой, стоило лишь перешагнуть порог моей комнаты.

Иногда, в спорах с другими напыщенными псевдо-подругами, её острым фразам и панчам позавидовал бы любой дисс именитого рэпера.

Моя комната наполнилась приятным ароматом её духов. «Black Opium» – я хорошо различал духи.

– Влад, я хочу с тобой поговорить – тихо произнесла она, идя по направлению к моей кровати.

– Мам, я спешу на вечеринку, давай в другой раз, о’кей? – я уже был одной ногой на выходе. Мама не спеша присела на край кровати, закинув ногу на ногу и обхватив их руками.

– Не спеши – обрезала она, взглянув на работающий ноутбук – Это что, «На игле»?

Я кивнул, послушно подойдя к ней и присев рядом.

Может быть это странно – понимать девушку, родившую тебя на свет, с полуслова. Это не по канону: обсуждать с матерью фильмы, любимые книги, делится найденными цитатами и смеяться над шутками. Но мы были другими – настоящий тандем матери и сына. Тесный симбиоз, удивлявший других своей искренностью.

Я ничего не скрывал от неё (признаться честно, скрывать нечего), она всегда была честна со мной.

Нашу связь я ощущал с рождения.

Опустив глаза, она грустно вымолвила:

– Я так волнуюсь за то, что тут происходит. Погиб твой

сверстник, и это ужасно.

– Его убили – подправил я.

– Да, извини. Я понимаю как тебе страшно: ты был там, видел всё своими глазами. Обычно, в таких условиях подростки склонны закрываться от окружающего мира.

– Ты это подсмотрела в программе «Здоровье»?

– Я заметила, что ты отдаляешься от меня. С каждым новым днём наша связь будто ослабевает – голос мамы погрузнел – Чёрт, меня это просто выводит.

– Мам, я просто...

– Нет, не подумай. Я не собираюсь влезать в твоё личное пространство. Ты подросток, тебе хочется...

– О нет.

Мама выдержала паузу.

– ... Я думаю ты знаешь чего тебе хочется. Я хотела ослабить соединяющую нас пуповину, но не срезать её острыми ножницами, вот так – «Чирк!»

Мама резко соединила указательный и средний пальцы, изображая ножницы.

– Интересная метафора – кивнул я, слегка наморщившись.

– Мы же с тобой связаны, понимаешь? Я всегда ощущаю когда в твоей жизни что-то не то. Сейчас именно то чувство. Ты встревожен. Твою голову будто вечно что-то занимает. Я вижу это.

Я попытался выдавить из себя максимально искреннюю

улыбку, получился жуткий собачий оскал:

– Мам, новый город. Новые люди. Новые проблемы и ля-ля-тополя – я остановился. «Ля-ля-тополя»? Что-то новенькое – Как только я освоюсь, всё станет как...

Би-бииии...!

– ... как прежде...

Андрей продолжал сигналить. Его перламутровый БМВ цвета морской жемчужины издавал ужасно громкие звуки.

– Обещаю – улыбнулся я, взглянув в мамины глаза.

– Иди – Мама улыбнулась в ответ, показав белоснежную улыбку – Хорошо повеселитесь.

– Эй! А где же «возвращайся не раньше одиннадцати» и прочая родительская нудотень? – рассмеялся я, взяв телефон собираясь выйти.

– Ах да, чуть не забыла. Как там говорят? Возвращайся не раньше... Хм... – смеясь, мама показательно продолжительно задумалась – Какое бы время назначить, чтоб показать сыну свою строгость? Одиннадцать?

– Ну, это рано.

– Два часа ночи?

– Тогда лучше совсем не назначать.

– Да пошло оно всё, ты с братом, буду рассчитывать на ответственность Андрея.

«Ага, на его ответственность только рассчитывать...» – буркнул про себя я, закрыв дверь и сбежав вниз по лестничной площадке.

БИ-БИИИИИИИИ...!

Прямо у моего порога стояла роскошная низкая белая БМВ, ослепившая мои глаза как только я вышел из дому.

Её окна были полностью открыты. Свесив руку, со стороны водителя, на улицу выглядывал Андрей.

– Ты не устал сигналить? – спросил я вместо «привет», пытаясь не сильно показывать своим видом насколько же у него крутая тачка.

Фары, напоминавшие глаза хищного ягуара. Звук мотора, напоминавший его рёв. Аромат салона, пахнувший чистой кожей.

На всю улицу играла песня из нового альбома Дрейка, звучащая из мощных динамиков машины.

– И почему все так резко помешались на хип-хопе? – спросил я открыв лёгкую дверь готовясь сесть в просторный салон.

– И почему все так резко начали хейтить хип-хоп? – вопросом на вопрос ответил Андрей, державший руки на руле с сине-белой эмблемой и качая головой в такт речитативу.

Макс сидел справа от водителя. Он поздоровался со мной пытаясь перекричать музыку.

Внутри машины царил тьма, просвещаемая лишь большим экраном. На нём крупным планом высвечивалось лицо Дрейка и название играющей песни, из-за которой я не слышал ни слова сидевших впереди.

– О, моя любимая – воскликнул Макс начав достаточно музыкально подпевать. Я был удивлён, что из-за его голоса из моих ушей не хлынула кровь – Кеке, do you love me?

– Банальщина, мне она уже надоела из-за идиотского ченджа – воскликнул Андрей, переключив песню на сенсорной панели.

Интересно, что бы сказала Ева?

«Как же я «обожаю» людей, слушающих хип-хоп треки, лишь за то что они вошли в пятёрку «Billboard»» – и откуда мне знать что бы сказал человек, с которым я провёл от силы сорок минут?

Но я был уверен, что знаю её на все сто. Будто мы познакомились не сегодня утром, а когда-нибудь...

Макс прервал мои мысли своим пением, начав хлопать в такт игравшей песни.

– Эй! – вскрикнул я – Эй! – Андрей обернулся, одновременно давя на педаль газа и левым глазом косившись на дорогу – Нам долго ехать?

– Тут никто долго не едет – рассмеялся мой брат – Тут достаточно один раз шагнуть, чтоб выйти за границы города.

Я облокотился лбом о стекло, смотря на быстро мелькающие мимо серые домики. Из окна авто такие маленькие, будто их может сдуть малейший порыв ветра.

Мимо нас пронёсся чёрный внедорожник, в окне которого я успел рассмотреть лицо отца. Или может быть нафантазировал его, увидя машину идентичную нашей.

Нажав на педаль, машина угрожающе заревела помчав по дороге с новой скоростью. С этой скоростью нельзя было рассмотреть даже однотипные серые карточные домики.

Это была самая быстрая машина, на которой мне довелось покататься в жизни. Самая красивая машина, на которой мне довелось покататься в жизни. И вообще, у моего брата была самая-самая машина моей жизни.

Как я не почувствовал зависть? Хм-м-м, а кто сказал что я её не почувствовал?

Состояния семьи Андрея хватило на то, чтоб купить каждому жителю города представительский БМВ.

Может быть они начнут с племянника? Нет, прочь мысли. Я, как и мой папа не собираюсь ни за что претендовать на их сбережения.

Дело принципа.

Угрожающий вопль эхом раздавался по пустым тёмным улицам города.

Прямо таки спортивный Феррари в коже тачки бизнес-класса, сродни деловому клерку выпускающему накопившийся пар вечером на уличных драках.

То, что у моего брата есть представительский БМВ в семнадцать лет вызывало возмущение большей части города. Подарок Андрея на семнадцатилетие стал одной из самых обсуждаемых тем жителей.

Куплена она была прямо во время презентации новой модели в Мюнхене. Арсений умел делать подарки.

Кого не спроси, каждый в городке был глубоко убеждён, что рано или поздно испорченный мажор напичканный никотином, придерживая волосы девчонки настрачивавшей ему минет, опустив глаза вниз сойдёт проходящую мимо девушку. И желательно, по слухам горожан, чтобы та девушка была беременна. Беременна двойней.

Музыка продолжала звенеть в моих ушах. Всё тело дрожало в ритм быстрым битам ходившим по авто.

Наконец, на ярко светящейся сенсорной панели Андрей сделал звук тише.

– Сейчас мы едим к старому почти развалившемуся магазину бытовой электроники. Мы припаркуем мою малышку там.

– Кого? – переспросил Макс.

– Мою машину, дебил. О чём я? Оставив её на залитой чужой блевотиной и дерьмом стоянке мы зайдём в посадку. Тёмный мрачный лес. Где-то там, прямо у начала и стоит сквот, образовавшийся в почти развалившемся здании игрушечной фабрики. Вы всё поняли?

Я кивнул, словив испытующий взгляд брата в зеркале заднего вида. Он был мимолётный и колкий, как яркая вспышка молнии.

Макс высунул руку из окна, ловя плотные порывы ветра пролетавшие сквозь его пальцы.

– Это будет шикарная ночка! – смеясь крикнул он, смотря на освещённую тусклыми фонарями дорогу.

Начался густой лес.

«Вы покидаете город» – оповестил ржавеющий знак на обочине.

Оставшуюся дорогу мы обсуждали девчонок. Каждую по алфавиту. От Ангелины и до Яны.

– А у вас есть типа дневник, где вы оцениваете девчонок? – поинтересовался я, придвинувшись ближе к передним сидениям.

Андрей искоса глянул на меня.

– Ну, я такое в фильмах видел. Типа хранящийся в раздевалке баскетбольной команды журнал.

Макс рассмеялся. Сегодня он смеялся довольно часто.

– Что за бред? Ненавижу глупые создаваемые фильмами клише о баскетболистах.

– Я думал...

– Шучу, конечно есть. Он у всех команд есть – он повернулся к Андрею, продолжая смеяться – Помнишь, что я сегодня написал про Альбину?

– Извращенец, я помню это. Это слишком даже для ЭТОГО дневника.

«Шикарная ночка!» – прозвучало в моих ушах, когда я высунулся из окна улавливая летящий в другом направлении ветер.

«БТОВАЯ ТЕХНКА» – гласила надпись, которая, должно

быть, в году так 1999 светилась яркими неоновыми огнями. Буквы «Ы» и «И» так и вовсе отсутствовали.

Мы были на месте. Открыв дверь, я вышел на улицу вдохнув пахнувший хвоей лесной воздух. Он полностью разнился от городского: удивительно, дело ведь в каких-то километрах.

Треснувший асфальт окружал одиноко стоявшее мрачное здание. Периодически, мой взгляд улавливал жидкости загадочного происхождения пахнувшие коровьим навозом.

До ушей донёсся громкий ритм музыки. Сегодня музыка не думала отпустить меня ни на секунду.

Убитый асфальт пульсировал в её такт. Маленькие листочки на деревьях колыхались в разные стороны в мелодию её нот.

Всё тут жило в ритм музыки, доносившейся со стороны густого леса.

Неоновые огни осветили тёмное небо. Яркая пурпурная вспышка, на секунды, как сигнал от маяка, указала нам путь, затем бесследно оставив в темноте.

Дорогу, проходившую сквозь высокие стены зарослей освещали два одиноко стоящих блёклых фонаря, свет от которых почти не долетал к старому магазину.

Вспышка ещё раз осветила небо, покрытое яркими звёздами. На этот раз она была фиолетовая. Сквозь зелёные листья и колючие ветви прорывался разноцветный свет десятков стробоскопов. Заброшенное здание игрушечной фабрики

ки было недалеко от нас, громко приглашая зайти.

Я осмотрел покрытые пылью стеклянные прилавки магазина. Одно стекло было полностью разбито, давая возможность каждому зайти внутрь.

На грязных полочках стояли старые неработающие микроволновки и духовки, которые хозяева оставили на своих местах, позволяя любому желающему их забрать.

Создавалось впечатление будто они... убежали? Убежали оставляя всё.

Безумие.

Над нависшими над нами соснами застыла полная яркая луна, настолько идеально круглой формы, будто подброшенная в воздух пяти центовая монета во время игры в «орёл или решка».

Она и осветила нам путь.

Обойдя по периметру угрюмое здание в кустах мы нашли узкую заросшую тропу.

Сзади магазин выглядел ещё хуже.

Тысячи плохо нарисованных разноцветными баллончиками матов перемешались с отвратительным запахом самого настоящего говна. Говна и мочи, забившего аромат лесной хвои.

– Бля, ну и вонища – процедил Макс, прислонив рукав своей кофты к носу.

Его скривленное лицо осветил ультрафиолетовый фонарь, всполохнувший среди деревьев.

Андрей был уверен в том, куда он нас ведёт. Тут он был не в первый раз, хорошо зная каждую мелкую поросшую крапивой тропу. Одна из таких жгучих чёртовых крапив впи-лась мне в кожу, когда я пытался отодвинуть рукой нависшую над головой ветвь.

На голой ноге, предательски открытую узкими джинсы, показались странные чешущиеся прыжки.

Опустив джинсину вниз, я пошёл дальше.

Ещё пару секунд хождения по практически девственному лесу (практически – из-за того, что его густую зелёную траву порой усыпали окурки, пустые пачки от дешёвых сигарет и стеклянные бутылки от самых дешёвых алкогольных напитков), и мы наконец увидели загорающееся всеми цветами радуги заброшенное здание.

– Блядство – вскрикнул Андрей, подняв подошву своего белого кеда кверху – Я кажется наступил на использованный презик.

Макс захихикал, ловя обиженные взгляды моего брата.

– Не мудрено, что все в сквоте любители потрахаться на природе.

Стены руины, без окон, без дверей, выглядели совершенно «не отсюда» среди первобытной (почти) природы. Оно было усеяно глубокими дырами, словно от попадания военного града. Из них волнами сочились взрывающиеся насыщенностью краски, отображаясь на ночном небе. Казалось, эти фонари способны были дострелить до луны, окрасив её

в свой цвет.

Я разобрал музыку, доносившуюся до моих ушей ещё при выходе из машины. Конечно же, хип-хоп. По другому и быть не могло. Быстрый неразборчивый рэп, который читал парень с невнятным албанским акцентом, старательно выговаривая согласные и глотая гласные.

– Какой же это кайф: потанцевать, закурить косячок чтоб потом выйти и отшпилить такую же «в хлам» малышку, как и ты сам.

Макс рассуждал об удовольствии секса на открытом воздухе.

– Опереться об сосну, поднимать взгляд на полную луну...

– Ловить на себе десятки взглядов ошарашенных голым бухим баскетболистом оленей бэмби – добавил Андрей – Слушать возмущение кричащих голубеньких птиц Бело-снежки, сидящих на ветки пошатывавшейся сосны. Вдыхать вонь пердящего скунса, и думать что это запах её волос... Романтика – он сам рассмеялся над своей шуткой, подмигнув стоявшему у одной из больших дыр в кирпичной стене парню в спортивном костюме.

– Эй! Андрей, бро, как дела? – крикнул он, протянув руку усеянную блестящими перстнями к моему брату – Макс, и ты тут, давно тебя не было видно – я осмотрел изношенный тёмный костюм и новые белые Вансы, чью белизну подпортила упавшая на них капля грязи.

После того, как парни обменялись с местным вариантом «секьюрити», пофигистично охранявшим дыру по ошибке называемымся «главным входом», рукопожатиями, незнакомец осмотрел меня и задал вопрос:

– Новый в вашей тусовке?

– Мой брат – обрезал Андрей – Ну и как проходит непростоя и неказистая жизнь скваттера? Не устал спать на полу населённом жирными крысами, укрываясь обоссанной простыней?

Вопросы моего брата периодически вводили в ступор, заставляя где-то пол минуты растерянно хлопать глазами, думая, обоссали ли тебя сейчас или же это была дружеская шутка?

– У нас всё как всегда прекрасно – сдержанно ответил он – Оглянись, музыка, лес и девчонки. Что тут может быть не так?

Андрей бросил последний ироничный взгляд на «секьюрити», самодовольно войдя в насквозь светившую дыру.

Мы ринулись за ним.

Сразу, как только мы зашли туда, я почувствовал себя будто в другом измерении.

Запах.

Он отличался от приятного хвойного аромата, исходящего от леса. Тут стояла крепкая стена дыма от дешёвых сигарет.

«Вдыхание дыма от сигарет – пассивное курение – сродни

одной выкуренной сигареты»

Я скривился, представив что сейчас, я, должно быть, взял в рот одновременно десять сигарет изо всех сил вдыхая аромат.

Люди.

В лесу вообще не было людей. Как только я зашёл в заброшенное здание, нас окружила оживлённая толпа. Весёлые, молодые, и... Явно старше меня. Некоторым было больше двадцати. О ГОСПОДИ – я заметил мужика явно старше тридцатника.

Куда я попал?

Пейзаж.

Длинный коридор, в конце которого виднелся мигающий разными цветами свет. На ум сразу же приходят неприятные ассоциации.

Расталкивая локтями толпу, непрерывнодвигающую всеми частями тела, я думал что этот коридор бесконечен.

Шатающаяся как кукла неваляшка девчонка перелила на кед Макса колу смешанную с виски.

– Пр-р-ости кр-р-расавчик– прогундосила она, положив кисть, ногти на которой заканчивались потрескавшимся, как краска на картинах эпохи ренессанса, маникюром. Макс отстранился, толкнув стоящего сзади бородатого парня. Из-за его бороды понять сколько ему лет чисто физически невозможно. Густые чёрные волосы покрывали всё: от подбородка и почти до ушей.

Коридор закончился. Андрей поднёс вверх руку, будто подавая нам какой-то сигнал. «Держитесь рядом»? «Не отставайте»? «Не общайтесь ни с кем»?

Подняв голову, я увидел огромный зал, по бокам стен которого расположились узкие балкончики. С них, прямо как с ложи Бенуар в театре, свешивались пьяные подростки, готовые упасть вниз в любой момент.

Над моей головой по часовой стрелке крутился дискобол, окрашивая в блестящую точку танцующую толпу.

Сотни людей ютились в одном зале.

«Ютились? Серьёзно?»

Они толкались, поочерёдно наступая друг другу на ноги. Из их уст вылетали, смешанные с противным ароматом не счищаемого месяцами налёта на зубах, жуткие стоны. Наверное, они пытались подпевать.

Но выглядели как толпа шумных зомби.

Я не мог осмотреть что меня ждёт впереди. Лишь головы. Море из чужих голов. Бушующий океан, и я был в самом центре шторма.

Незнакомцы дышали мне в спину. Я чувствовал как маленькие микробы, передаваемые одним лишь дыханием, медленно заполняют моё тело.

Кто может быть уверенным, что один из этих весёлых молодых людей не болен туберкулёзом?

Туберкулёз, о нет. Я много читал за него.

Я начал стремительно потеть. Мой лоб покрылся мелкими

каплями. **ОДИН ИЗ СИМПТОМОВ.**

В горле пересохло. Что-то ойкнуло в груди. Захотелось кашлянуть. **Я УЖЕ ЗАРАЗИЛСЯ.**

Мне становится плохо. Кожей я чувствую потные тела, трущиеся об меня. Мои руки ощущают их капли. Мой нос вдыхает их запах. Запах десятков чужих тел, тел без остановок танцующих рядом.

Каждый аромат по отдельности, и один устойчивый аромат толпы, подносящийся вверх к диско-шару.

Толпа не заканчивалась как и этот чёртов зал.

Я закинул голову, пытаюсь сделать глубокий вдох. Нужно успокоиться.

Глаза поймали нарисованные на потолке зелёные сиськи. Может быть, у автора шедевра не было нужного баллончика. Может быть, он просто изображал грудь Фионы.

Рядом был нарисован огромный, такой же зелёный фаллос. Шрек подоспел тут как тут.

Взгляд продолжал ходить по потолку, рассматривая десятков кривых рисунков.

Я чувствовал себя гладиатором посреди Колизея. С балкона высывались десятки рук, находясь в постоянном движении.

Глаза на секунды словили холодное лицо, безжизненные глаза и слегка дрожащие губы. На верхнем пустом балконе, перекинувшись через перекладину, стоял блондин, не сводя с меня застывшие ледяные глаза.

Фиолетовый свет стробоскопа ослепил меня. Закрыв глаза, я увидел площадь, над которой нависла белоснежная церковь. Сцену, на которую были устремлены взгляды взволнованной толпы. Деревянный крест, по которому вниз стекала кровь.

Я вздрогнул, ударив локтем танцующую рядом девушку. Она даже ничего и не заметила, продолжая двигать бёдрами в коротких джинсовых шортах в разные стороны.

И вновь, толпа полностью окружила меня. Она сдавливала меня, не давая набрать полный воздух лёгких.

Дыхание замедлялось. Голова начинала кружиться. Все эти люди душили меня. Они сдавливали меня своими потными телами.

Улыбаясь и смеясь, они устремили взгляды на потеющего неуверенного паренька в центре зала.

- Шикарная ночка, Влад!
- Шикарная ночка, Влад!
- Шикарная ночка, Влад!
- Шикарная ночка, Влад!

Голоса зазвучали в унисон. Они говорили хором, обращаясь лишь ко мне.

Они улыбались, продолжая сдавливать меня и шептать, отбирая воздух.

Лестница, ведущая наверх была близко.

Я осмотрелся по сторонам, видя вокруг себя танцующих людей. Каждый из них был занят лишь собой, никаких ше-

потков и кривых усмешек.

Может быть я схожу с ума?

Бетонная лестница, уходящая в разные стороны была под моими ногами. Казалось, вот-вот и она развалится, осыпавшись на мелкие камни от старости.

Мы поднимались наверх. Бетон хрустел под моими кедами.

– Эй, парень, не хочешь дунуть? – на дорогу моему брату вышел парень с неаккуратной хипстерской бородкой, схватив его за рукав рубашки, впиваясь грязными ногтями в кожу.

– Убери руки! – Андрей откинул руку незнакомца, искоса смотря на меня.

Парень, предлагающий «дунуть», остался позади нас, подкарауливая других прохожих.

– Тут таких назойливых пиявок уйма – перекрикивая музыку сказал Андрей. Я посмотрел назад, осмотрев нормально выглядящего парня, торгующего наркотиками.

Картинки смешивались в единую цветастую размазню. Вид на пульсирующий зал сверху. Толкающиеся люди. Десятки ярких фонарей, бьющих в глаза.

В этом здании пейзажи блекли, давая времени остановиться. Окрашиваясь в цветной окрас, воспоминания о той ночи поглощает тьма.

Мы вышли на крышу. Цветастая размазня, крутившаяся

в моей голове как фреш в блендере не даёт вспомнить как мы туда попали.

Меня обдул холодный вечерний воздух, взлохматив волосы. Устойчивого дыма сигарет будто бы и не было. Тот самый приятный аромат хвои: ненавязчивый и мимолётный.

Я задрал голову, пытаюсь рассмотреть десятки звёзд горящих над заброшенным заводом. Чистейшее небо, на котором блестели десятки точек. До них не доходил свет большого города. Хотелось поставить момент на паузу. Отказаться следовать за братом, присесть тут и рассматривать далёкие космические тела. Я бы мог часами рассматривать созвездия. Часами фантазировать о других галактиках скрытых от наших глаз. Ещё одно неизвестное никому моё увлечение: каждый раз, когда я вижу чистое небо, пытаюсь рассмотреть все горящие огоньки, могу потратить несколько часов глазом не моргнув. Я безумец?

Я бы обводил глазами верхушки колючих деревьев, похожих на небритых тощих высоких ботаников (ну и фантазия), наслаждаясь лёгкими порывами ветра играющими в моих волосах. В идеале, я бы хотел чтоб её рука нежно прикасалась к моей. Я бы хотел вдыхать её аромат в этот момент. Я бы хотел быть наедине с ней.

– Эй, ты с нами? – Макс потянул меня за рукав.

Моя шея затекла, точно быстро окаменев. Я долго не мог отпустить подбородок, осмотрев парней, которым принадлежали гундосые басы доносившиеся до моих ушей.

С крыши казалось что я нахожусь посреди девственного леса Аляски. С этой точки из знакомых мест был виден лишь магазин и освещаемая мрачным фонарём узкая дорога. Ни одной машины так и не проехало.

Игрушечная фабрика, как остров веселья и разврата, находилась в самом лучшем месте для подобной тусовки: ни одного дома, пожилые жители которого постучав в дверь проворчат «А можно потише?», ни одной патрулирующей полицейской машины, которая подъехав ближе к зданию повяжет толпу подростков под кайфом. Лишь деревья. Лишь лес, в котором очень даже легко было заблудиться.

Идеальное место для... Хм, сейчас не лучшее время думать за это.

На краю крыши стояли три силуэта, скрывая свои лица за всепоглощающей тенью. Широкоплечие, слегка сутулые, они смотрели вниз. Парни не двигали головами, они будто находились в трансе, боясь сделать малейшее движение.

Парень слева, не медля, просто взял и спрыгнул вниз.

Я вздохнул. Может быть это был чересчур громкий вздох. Может, он был не слишком брутальный, знаете, такой типа: «О-х-х!», словно я шестидесятилетний любитель Санта-Барбары. Такие вздохи никогда не позволят тебе быть «своим» в новой компании.

А я разве собирался?

В ярком фиолетовом свете прожектора, доносившемся с дискотеки, я разглядел высокие белые носки с листьями ма-

рихуаны, и мягкие тёмные кеды «FILA». Единственное воспоминание о том парне, оставшиеся у меня.

Подбежав к самому краю крыши, я взглянул вниз видя летящий силуэт. На голове безумца был тёмный капюшон. Спрыгнув с крыши, он приземлился на небольшой балкон, готовящийся прямо сейчас разломаться под его весом, после чего прыгнул на крышу тёмного джипа.

«Интересно, где бродит хозяин?» – хмыкнул про себя я.

Я видел головы людей, окруживших авто. После звучного громкого звука приземления, а также звука прогибающейся под кедами крыши дорогого авто (я скривился), послышались восторженные крики и аплодисменты. В основном девичьи.

«Почти-но-не-совсем» паркурный прыжок был лишь понтов ради. Всё для того, чтобы услышать противные визги стоявших внизу пьяненьких девчонок, поднимающих над головами стеклянные бутылки с пивом.

Увидя мою удивлённую реакцию, парень, стоявший справа развернулся, опустив на меня снисходительный взгляд. Смотри вниз, я чувствовал как его глаза застыли на мне. Он молчал, продолжая вплотную прожигать меня. Это бесило.

– Дороу, Андрей – «дороу»?! О Боже, верните мой 2016!

Парень, сверливший меня взглядом омерзительным голосом (казалось, будто у него насморк, сопли от которого текли вниз попадая в горло не давая выговорить ни одно слово нормально) поздоровался с моим братом, небрежно протя-

нуж ему руку.

Я внимательно осмотрел его, надев маску скептика.

Плохо выкрашенные белые пряди свисали над бестолковым лицом. Одна из них прикрыла стеклянный голубой глаз. Пухлый рот всегда оставался приоткрыт, придавая лицу парня ещё более глупый вид.

Может быть, я сразу же невзлюбил этого парня?

Как только я рассмотрел его лицо, моё тело передёрнуло. У меня такое бывает нечасто.

– Давненько тебя не было, парень – омерзительный запах гниющих органов долетел до моего носа. Хотелось отвернуться от незнакомца, пальцами зажав нос и больше никогда его не видеть – У вас новенький? – кинул он, ткнув грязным пальцем в мою сторону.

«Я вырву тебе твой палец, после чего засажу глубоко в задницу, мурло» – хотелось сказать мне, но вместо этого я выдавил лишь кривую улыбку.

– Мой брат – Андрей скрестил руки на руках, пытаясь защититься от ветра.

– Я Влад – представился я, не имея ни малейшего желания протягивать руку...

– Я Майкл – протягивать руку Майклу.

– В смысле Миша? – переспросил я.

Стеклянные глаза приобрели очертания раздражённости. Слегка оскалившись (звучит странно, но Майкл правда показал передние зубы), он ответил:

– В смысле Майкл.

– Э-э-э-э... – прозвучал продолжительный режущий уши ультразвук. Доносился он из плохо пахнувшей пасти стоящего справа от Майкла парня – Э-э-э... – звук продолжался где-то пол минуты. Незнакомец рассуждал над словами, готовящимися вырваться из его рта – Ты тут самый умный? – дерзко кинул тугодум, шагнув ко мне рукой подправив сальные тёмные волосы.

Вот этот накал.

– Тише-тише – Майкл поднял руку у груди парня, останавливая своего друга – Спокойнее.

Над его кистью висело пять тёмных браслетов, плотно облегающих руку. Даже в темноте, на ладони виднелись красные следы от тесных украшений. На Майкле был надет костюм на размеров десять-пятнадцать больше чем нужно. Возможно, он купил его в магазине для страдающих ожирением. Возможно, это была такая мода. Свисающие почти до пола штанины стыдливо пытались прикрыть изношенные белые кеды. Белыми их можно было назвать, разве что, сквозь слёзы. Слезающая с них подошва, шмякающая с каждым шагом, прямо умоляла: «ДАЙ НАМ СПОКОЙНО УМЕРЕТЬ!». Печальное зрелище.

На дерзком парне с длинной тёмной грязной чёлкой, напоминающей причёску уставшей журналистки в возрасте, была надета тёплая толстовка с горящими посередине буквами. «THRASHER» – бросалась в глаза надпись.

Чёрные волосы парня свисали почти до плеч. Такая причёска шла бы Кире Найтли, Селене Гомес или Миле Кунис, но никак не парню в мрачной толстовке, моющему голову раз в год.

– Дэн, моя правая рука – представил его Майкл. Ну понятно, этот при нормальной жизни был Дениской.

Откуда у них нашлось столько креативности на пафосные имена?

– Он же находится слева от тебя – хихикнул Макс. Подумав, какая сторона как называется, Майкл бросил взгляд на качка, называющейся: «Всегда тебя терпеть не мог».

– Майкл хозяин сквота – гордо сказал Андрей, ожидая что я заплодирую, начав восхищаться.

– Круче звучит – основатель – исправил довольный блондин – Основатель единственного в этом захолустье по-настоящему тусовочного места.

Единственного притона – подумал я.

– Помимо непрекращающихся вечеринок, это дом для сорока людей.

– Сорока? – переспросил я, смотря прямо в безжизненные глаза.

– Именно. Тут живут, попрошу заметить – именно ЖИВУТ сорок счастливых, имея постоянную крышу и понимающих собратьев.

– Сюда приходят когда некуда идти – продолжил Дэн – Или когда просто наконец осознаёшь, насколько бессмыс-

ленно твоё жалкое существование. Люди тут находят себя. Они обретают покой и умиротворение.

Жутко прозвучало. Будто он описывает кладбище.

– Чёрт, да я воссоздал грёбаный ГОА или Христианию посреди этой гнетущей дыры – вскрикнув закончил Майкл – Сюда приезжают люди чтобы н-а-с-л-а-ж-д-а-т-ь-с-я– протянул он, растягивая каждую букву.

– Или скрываться? – хмыкнул я.

Схлопотав сотый по счёту косой взгляд, говорящий «чере-счур-много-болтаешь-и-умничаешь-зануда», я так и не получил достойного ответа.

С этой «закрытой тусовкой» всё стало ясно. Настоящий притон, не более чем.

Белые волосы Майкла развивались от ветра, дующего на него.

– У нас будет офигенная ночка, парни – хихикнул он.

«Офигенная ночка»

«Офигенная ночка»

«Офигенная ночка»

Его противный-ужасно-омерзительный смех эхом прозвучал в моих ушах. **ОМЕРЗИТЕЛЬНЫЙ** смех, схожий на ржачь тысячи гиен посреди африканской саванны. Но только эта гиена стояла передо мной, и продолжала дышать своим гниющим наркомановским нутром мне в нос.

– Начинаем – крикнул Майкл. Его силуэт присмотрелся лучше, как только он повернулся к полной луне. Он был точ-

но лет на пять старше меня, Макса и Андрея. Какой кайф он получает от общения с малолетками? Ответ на этот вопрос был очевиден – деньги моих друзей приманивают подобный мусор как магнит.

Майкл пошатнулся на месте, спиной обернувшись к пропасти. Взглянув на меня и переведя взгляд на Андрея, он быстро подмигнул, в мгновение ока слетев вниз.

Выкрашенные волосы открыли лоб в тот момент, когда парень приземлялся на балкон. Махнув ладонью ликующей толпе, он спрыгнул на внедорожник.

Раздался громкий звук приземления. Я скривился во второй раз.

«Thrasher» поступил также, не используя понтовитые приёмчики оказавшись внизу за считанные секунды. Авиацией он заработал явно меньше чем друг.

Казалось, будто внизу за длинным столом сидит консервативное жюри, показывая белые таблички с баллами.

– Ты следующий – Макс ударил моего брата по плечу.

Андрей подошёл к краю, опустив глаза вниз:

– Зачем? – спросил я, обратив на себя его внимание.

Стрельнув глазами, он обрезал:

– Просто так – слетев с края и полетев вниз. Любящий себя больше всего на свете Андрей не пожалел ног, суставы которых после подобного прыжка могли рассыпаться на части за секунды. Это не было на него похоже.

Я не прыгну.

Не прыгну и всё тут.

Кряхтеть в старости и разваливаться на части, пытаюсь до лежащего от тебя в двух метрах пульта от телевизора – не по мне.

Я останусь на крыше, наблюдая за нереальной красоты звёздами.

За далёкими холодными космическими телами, переливающимися в свете луны.

– Ты следующий – хмыкнул Макс, подойдя ко мне.

Я встал на самый край крыши, смотря вниз на шумную толпу. Их взгляды были устремлены на меня. Они ждали, ждали того, как я совершу глупый безрассудный поступок. Им нравилось наблюдать за безумствами. Типичное стадо.

– Нет, я не буду этого делать – отходя от края строго обрезаю – Когда вся жизнь впереди, не хочется портить всё одним глупым поступком.

– На то и тебе шестнадцать – начал он, подбадривающе взглянув на меня – Нужно пробовать всё. Искать себя, пытаюсь не задумываться о последствиях. Ты молод – и это самое время когда следует жить на полную катушку – он ударил меня по плечу. Не то чтобы удар был слишком сильным, но эта его привычка ужасно бесила – Парень, проведи своё шестнадцатилетие на полную катушку. Ведь оно у тебя будет лишь раз в жизни.

Может быть, Макс сейчас наслаждался своей философской речью.

Может быть, он смеялся над моим испуганным выражением лица, проговаривая клишированный монолог из любой девичьей бульварной книжки. Но мне было глубоко пофиг на его рассуждения которые я слышал сотни раз в молодежных драмах класса «Б», смотря вниз и понимая, насколько там высоко.

Сердце колотилось. Послышались аплодисменты. Они были для меня. Все ждали как «этот парень» резко сорвётся с высокой крыши на чужую машину.

Сверху надо мной были звёзды, снизу обрыв и десятки взглядов. Я был посреди двух крайностей.

Может быть, не бояться смело заявить о себе в компании, это не так уж и глупо, как я считал раньше? Просто нужно один раз сделать так, чтобы все поняли что ты не тряпка. Как в песне у Гвен Стефани. «I-ain't-no-hollaback-boy». Всего-то следует сгруппироваться, вдохнуть и прыгнуть на тот клятый балкон. Лишь сгруппироваться, и тогда, возможно, но это не точно, ты ничего себе не слопаешь.

Я сделал шаг к обрыву.

Может закрыть глаза? Нет, это бред, как я буду видеть куда лечу?

О Господи, это же безумие. Тут этажа три, не меньше, если не больше.

Я взглянул на звёзды. Надо ли мне это? На самом ли деле молодость – стоящая отговорка для поступков, за которые тебе впоследствии будет стыдно?

Все же прыгнули. Все целы.

«А если бы они прыгнули с двенадцатого...». Да-да, я всё понял.

Порывы холодного ветра подули мне прямо в лицо. Всего один шаг. Один чёртов шаг.

Я возвышался над тёмной пропастью, из всех сил стараясь не смотреть вниз. Держа голову чётко прямо, я остановил взгляд на шатающейся от ветра тонкой сосне.

Непередаваемое ощущение, когда под твоими носками пропасть. Ноги подкашиваются. Хочется просто развернуться и уйти прочь.

Вдох-выдох. Зачем я это делаю?

Вдох-выдох. Впервую очередь, чтоб доказать себе что я на что-то способен.

Вдох-выдох. Что я себе докажу безмозглым прыжком в неизвестность?

Вдох-выдох. Шаг. Тот самый роковой шаг, который я помню, будто стрелки на часах закрутились медленнее.

Поток воздуха обдувает моё тело. Я чувствую его каждым сантиметром кожи. Приток адреналина. Безграничный выброс, резкий хлопок продлившийся чуть больше секунды.

Я приземлился на балкон. Спина и колени ужасно заболели, на ту же мимолётную секунду. Я рассмотрел освещаемые неоновым светом лица: улыбчивые, радостные и явно пьяные. Большинство людей, стоящий снизу в руках держали красные стаканчики, поднимая их над головами.

Перед ними, скрестив руки на груди стоял Майкл, коса поглядывая на меня.

Боль забылась. Достаточно стало одного взгляда, читающегося как «Ты ни за что этого не сделаешь».

Ещё один шаг. На этот раз стрелки часов пошли в привычном ритме. Послышался грохот, я приземлился на джип. Под моими кедами будто образовались две вмятины.

Мерзкая боль в спине почувствовалась ещё раз, будто внутри меня сидит дрянной мелкий злобный липрикон, хихикая царапающий кости ножом.

То самое чувство.

Послышались аплодисменты, весьма липовые, вялые и неискренние. Стекланный косой взгляд продолжал прожигать меня, опустившись на подкосившиеся ноги.

Ничего страшного не случилось. Скорее всего. А если и случилось, то об этом я узнаю завтра встав с кровати.

Девчонки с бутылками пива длинными ногтями водили по стёклам джипа, провоцируя омерзительный звук.

Чувство адреналина, резко прикатившей энергии продолжало играть в моём теле. Ради него и совершаются глупые поступки. Стоя на крыше джипа в окружении пьяной молодёжи я это понял как нельзя лучше.

– Народ, это мой братишка! – закричал Андрей, отхлебнув из зеленоватой бутылки глоток тёплого пива. оперевшись об авто, он протянул его ко мне, с надеждой в голосе спросив – Будешь? – его всегда до чёртиков раздражала моя

непоколебимость касательно алкоголя. Он хотел сделать для себя брата-оторву, получая обратное.

– Спасибо – кинул я, спрыгнув с джипа.

Меня окружили незнакомые девчонки. Такие же потные, как и танцующие внутри. Почти все они были изрядно пьяны, одна девчонка с волосами, смахивающими больше на сопли, прислонилась к моему плечу:

– 3-3-значит В-влад – протянула она и сама не заметила, как вылила каплю пива на асфальт.

Я отвернулся от неё, устремив взгляд на спрыгивающего Макса. Он уверенно приземлился на балкон, еле сдерживая свой собственный смех. По нему было видно что все проблемы расставания за считанные часы оказались позади.

Совершив прыжок на машину, он вздрогнул и опустил глаза вниз: его сильные ноги оставили глубокие вмятины на крыше. Включились сигнализации, мигая оранжевым светом и освещая глубины тёмного леса.

– Походу, пора валить – хмыкнул Майкл, замахнувшись выкинув бутылку в гущу деревьев.

Упав на толстый пенёк она разлетелась на мелкие влажные осколки. Звук разбитого стекла эхом разлетелся по лесу.

В отрезанной от остальной части здания комнате толпились люди. Они окружили что-то, бурно обсуждая и не давая нам пройти.

Две общающиеся девчонки, держащие в руках крас-

ные стаканчики с пивом, покосились на вальяжно идущего Майкла.

– Свалите! – крикнул он, заставив их бурча отойдя в сторону – Обновка в моём сквоте! – гордо заявил он, пальцем указывая на освещённый двумя неоновыми лампами стенд.

Перед нами стоял с десяток банок заполненных больше чем на половину, эм-м-м... Навозом? Может быть грязью? Гниль непонятной консистенции заполняла большую половину десятков банок.

К каждой банке была прилеплена бумажка, у каждой было имя.

«Чингисхан» – прочитал я мутную почти прозрачную надпись чёрным маркёром на первой.

«Гитлер» – гласила приклеенная бумажка на второй.

Каждая стеклянная тара называлась в честь выдающейся особы. «Цезарь», «Роулинг», «Леннон», всё это недоразумение завершала Мадонна.

– Инсталляция одного из наших скваттеров – своеобразное размышление с понятным смыслом – слова, содержавшие в себе более чем три слога, вылетая из уст Майкла казались до безумия нелепыми и ненужными, будто фермера-провинциала заставили копировать этикет французского двора – Я готов выслушать ваши предположения – довольный своей экспозицией, хозяин криво ухмыльнулся оглядывая резвую толпу.

Держащие в руках банки с алкоголем парни захихикали,

поочерёдно переводя взгляд с одной банки на другую.

– О продажности вы-ы-ыдающихся личностей? – выдавил один из выпивших, схлопотав саркастичный взгляд местного Бога.

– Замудрено, но нет. Бен, я удивлён что ты знаешь такие слова – хмыкнул он.

Скрестив руки на груди я заглядывал в банку «Теслы», пытаюсь понять что за жидкость она содержит. Густая, тягучая, липкая. Скривившись, я отошёл рукой задев Майкла – Ладно. Слушайте: этим мы хотели донести, что несмотря на то, кто ты и что сделал в жизни, все мы на 70% состоим из комплексов, страхов и своей же гнили.

Бред для умственно отсталых. Неужели кто-то считает стоящие в ряд банки заполненные дерьмом чем-то глубоко-мысленным?

БРЕДЯТИНА. Скептический Влад неодобрительно фыркнул про себя.

Открыв рты, толпа велась. Они не отводили взглядов от отца-основателя сквота. Божество-кумир и по совместительству дилер. Дилер и кумир-божество.

– То есть там гной? – перебил я, с отвращением указав на треснувшие стенки «Теслы».

Очередной косой взгляд, спроста читаемый как «не-перебивай-меня-малолетний-говнюк», вновь полетел в мою сторону.

И тут до меня дошло. Местная «экспозиция» это наглый

плагиат старого экспоната музея Жоржа Помпиду в Париже. Я читал за него. В пятом классе у меня была книга о музеях Парижа.

Сжав руки ещё крепче и не зная что на меня снизошло, я резко выпалил:

– Ты украл это – «это» ставило много вопросов после моей реплики. Взгляды десятков весёлых подростков, затаив дыхание слушающих своего кумира-создателя, устремились на меня. Стоявший рядом Майкл повернул голову, молча ожидая продолжения. «Эти ребята после слова «Помпиду» нервно покрутят пальцем у виска, попросив перевести» – хмыкнул про себя я – Точно такие же банки стояли в музее современного искусства Помпиду. Только там они заполнены водой, имея не такой бредовый смысл. Это просто искажённый плагиат.

Глаза Майкла нервно заходили по залу, возвращаясь ко мне из раза в раз. Ладони крепко сжались в кулаки, а на коже, которую обнажали высокие подкаты показалась мелкая гусиная кожа. Он готов был наброситься на меня на глазах у всех, сбив с ног начав душить. Он ненавидел меня, это легко читалось по ранее равнодушным глазам, резко залившимся злобой.

Может быть, не стоило разоблачать его шедевр современного абстракционизма?

Майкл сделал шаг ко мне. На холодном лице показалась привычная для неги кривая ухмылка. Та самая ухмылка, при

которой вверх поднят лишь один уголок рта. В его случае, всегда поднимался правый.

– Не сквот, а гробница ПЛАГИАТА – завопил парень стоявший на самом входе.

Комната опять заполнилась громкими обсуждениями.

Следующие полтора часа этой ночи я усердно пытался расслабиться, и усердно пытался не выпить ни глотка алкоголя который окружал меня. Знаете, мне и так было весело. Я развлекал себя как мог. Сегодня, я докажу этим алкашам как может быть весело и без глотка алкоголя!

Если только меня прекратит тошнить от мерзопакостного запаха табака.

Мы пересели на второй этаж, вся компания сидела на старых подратых матрасах, укрытыми жёлтыми и коричневыми пятнами загадочного происхождения.

Имея ввиду «компания», я говорю о кучке незнакомых мне людей, имён которых я не знаю и знать не желаю. Все они восторженно собирались вокруг Майкла, подбирая колени к груди, а в руке держа дешёвые алкогольные энергетики, с открытыми ртами выслушивая его псевдо философский бред и уссыкаясь со смеху с каждой фразы, претендовавшей на шутку.

Идеальная свита Майкла выглядела так:

1. Он, он и он. Он главный аспект. Он шутит, он говорит и размышляет. Назовём его «Бог», просто «Бог». Если компа-

ния не общается на именно интересные ему темы, если она не выслушивает его «мысли вслух» – значит что-то идёт не так.

2. Два бледных незаметных дрыща на заднем плане, сидевших рядом с ним лишь для массовки. Назовём их «прыщавые тени». На второй час вечеринки я и вовсе забыл их имена, и для меня они стали «правый» и «левый». Или «Thrasher» и «левый». Их задача – послушно кивать и когда нужно смеяться, чтобы впоследствии халявно выкурить косяк. Всё просто как пять центов.

3. Два мажора, имеющих большую аудиторию в социальных сетях и популярность среди населения. Назовём их «челкастые мудачки». В компании они для того, чтобы хозяин сквота выглядел в глазах общества «парнем из высших каст». По логике сидевших тут алкоголиков, таким его делали лишь друзья с баблом.

4. Куча ржущих как рожающие кобылы девчонок, пустивших по кругу бутылку красного вина. Назовём их «феи-давалки». Выглядели они все как одна – устаревшие ошейники-чокеры, узкие шорты обнажающие неаккуратно вылезшие трусы и короткие футболки, открывающие пупок. Их задача – дать кому-то под конец ночи. НЕВАЖНО КОМУ, просто дать. Конечно, желательно чтоб это был Майкл, имеющий неисчерпаемые запасы наркоты.

5. И наконец, по центру всей этой содомии сидел я. «Наблюдатель-новичок» – парень, из всех сил старающийся не

поддаться на многочисленные приманки.

Девчонка с красными губами, зажимавшая в руках бутылку вальжно расселась на коленях Макса. Похоже, грусть после расставания длилась не долго.

Разносчица сифилиса высовывая язык играла на камеру, точнее на телефон Андрея. Она отчаянно хотела попасть в его стори. Похоже попала.

Оголённые пышные белые булки несовершеннолетней старательно протирали джинсы Макса.

Перед моими глазами всплыли мерзкие красные наросты, которые могут образоваться на юной коже после небрежного полового контакта.

Я слышал этот запах вонючего влагилица. Бурная брезгливая фантазия опять разыгралась не на шутку.

«ВИЧ, СПИД... Какие симптомы?»

«Лучше не думай об этом сейчас»

«Как называется та болезнь, при которой из члена вытекает белая дрянь? Я видел это на National Geographic»

«Твою мать, этот канал уже и про это фильм снял?»

«Да, целый документальный фильм про мерзкие белые штуки вылезающие из пизюна»

Меня передёрнуло. Стало мерзко. У девочки, хлеставшей вино на коленях у Макса будто бы выросли рога.

Голова закружилась. Перед глазами в очередной раз всё стало смазываться в цветастую пёструю кашу.

До ушей не доходили темы всеобщего разговора. Может

быть стоит начать включаться самому?

– Это Лил Памп? – спросил я у сидевшего со мной на одном матрасе парня в кроссах «Fila».

– Нет, это Лил Узи – равнодушно обрезал он. Мимо. Черт. И почему все реперы звучат так одинаково?

Прошло пять минут. Цветная размазня медлительно перетекала в моих глазах. Я будто бы сидел и спал с открытыми глазами.

Майкл достал косячок. О нет, КОСЯЧОК. Неужели при мне выкурят травку?

Неужели я радовался от этой мысли?

Эта ночь, скорее всего, станет для меня церемонией прощания с детством. Очень хитрожопой церемонией, заключавшейся в наблюдении за чужими порочными поступками.

Майкл испробовал запретный плод первым. Как же красиво я назвал плохо пахнущий табак.

Или это не табак?

Я вдохнул сладковатый аромат. Судя по всему, это марихуана.

Нет, не так. МАРИХУАНА. Настоящая МАРИХУАНА витает в воздухе.

Одна из «фей-давалок» засосалась вторая.

Продолжил Макс, не выпуская из объятий разносчицу сифилиса.

И наконец, мой брат. Тот Андрей, с которым я провёл половину детства. Тот Андрей, которого я привык видеть гор-

дым уверенным малышом. Сейчас он умер, жадно выкуривая травку.

Ну да ладно.

Подмигнув, он протянул косяк мне, спросив:

– Будешь?

НЕТ.

НЕТНЕТНЕТНЕТНЕТ.

Я не буду, а если ты начнёшь настаивать то скормлю эту дрянь насильно запихнув в твою пасть.

Криво улыбнувшись, я покачал головой, заставив Андрея отвернуться и сделать ещё одну затяжку.

Невероятно, но факт: меня на это всё даже и не тянуло. Просто не было желания. Никакая марихуана не входит в мой жизненный план. Закончить престижное высшее учебное заведение. Возможно, филологический факультет Стэнфорда. В мечтах бюджет Гарварда (в мечтах). Купить себе квартиру на тридцатом этаже где-то в Бруклине, каждое утро спеша на работу попивая крепкий кофе (жаль, что я не люблю кофе). Купить туда сервала, прямо в квартиру, вызывая умиление у проходящих ко мне красоток с объёмной грудью. Обнимая меня, они прошепчат что-то типа: «О-о-о! Какая милота!», плюхнувшись на кровать королевского размера и торопливо снимая платье. Может быть стать чайлдфри, говоря в кругу бомонда на модных вечерних выставках: «О да, я чайлдфри. Пытаюсь концентрировать энергию природы, не тратя её на других. Стараюсь не дать ауре ослабнуть». И все

сразу же такие «Вау! Какой ты глубокий человек», даже не вникая в смысл сказанных мною слов.

В жопу детей. Просто они меня бесят. Без объяснений – БЕСЯТ.

Работать шесть часов в сутки в одной из престижных газет, видя свои статьи на первой полосе. «Наросты на половых органах, текст Влада, редакция Влада, фотографии не Влада» – сквот заставляет меня думать о ужасном. Купить небольшую Теслу, на которой я бы каждую неделю ездил на Кейп-Код и писал свой роман. Тема пока ещё не выбрана. Но когда будет выбрана, то сразу будет понятно что он станет бестселлером номер один в «New York Times».

Где-то в своих планах я упомянул слово МАРИХУАНА? Нет.

Абстрагироваться, получая удовольствие от ярких фонариков – оптимальный вариант. Дать цветастой размазне залить свою голову – то что нужно.

Дальнейшие события я помню слабо, при этом не взяв в рот ни капли алкоголя.

Ближайший час просто вылетел из памяти, словно на его месте в моей жизни образовалась чёрная дыра. Воспоминания я решил восстанавливать по кусочкам, современным способом: по стори друзей. Как девчонка с похмельем, проснувшаяся в кровати незнакомца. Как парень, очутившийся на улице с СМС от жены: «Я подаю на развод». Стори, которые сейчас делает каждый стабильно раз в пять минут –

хороший способ освежить картину мутной ночи.

1. Андрей – включив вспышку, он записал на видео как «фея-давалка» рассыпает белый порошок на столе, перед этим выпив рюмку текилы. Надеюсь, белый порошок это соль. Ха-ха-ха * нервный смех * точно соль. Склонившись, фея начинает нюхать его через трубочку. Чёрт, не соль.

2. Андрей дубль два – стоя у окна и держа в руках куриные яйца, быстро выпалив «снимай», он сбрасывает их одно за другим на головы стоящих внизу парней. Под громкие крики и отборные маты Андрей с Максом громко ржут, обнимая фей.

3. Макс – селфи с разносчицей сифилиса. Высунув скользкий влажный язык, она облизывает ухо довольному брошенному.

4. Перейдя по ссылке, которую Макс заботливо оставил на своём селфи, я нашёл Инстаграм разносчицы сифилиса. Типичные фотки для разносчицы сифилиса. Она, кстати говоря, была весьма красива. Волнистые каштановые волосы, объёмные бёдра. Поведение смазывало все хорошее впечатление. Отчаянность – одно слово, которым я мог бы описать эту девчонку. В своих сторис она выкладывало бухло. За двумя сталкивающимися бутылками «Джека» видна моя довольная морда.

5. Перейдя на страницу очередной «феи», мне бросилось в глаза угрюмое тёмное селфи, на котором отчётливо просматривались глупые черты лица хозяина сквота. Белую чел-

ку, светящуюся в неоновом фиолетовом свете и вовсе было хорошо видно. @lil_maukl – бездарнейший ник. Бездарный ровный настолько, как и его фотки. Точнее, одно мрачное фото его спины. Не удивительно, что когда на лицо ты выдался не фонтан, единственным выходом остаётся разворачиваться к камере задом.

6. В истории у этого нарколога был лишь бумеранг, где он выдыхает пар. Белыми буквами в строгом шрифте сверху подписано: «Шикарная ночь»

Шикарная ночь, Влад.

Шикарная ночь, Влад.

Шикарная ночь, Влад.

Воспоминания восстанавливались. На секунды почувствовал себя главным героем «Мальчишника в Вегасе».

Ночь продолжалась. Смеясь с шутки Макса, вылетевшей у меня из головы со скоростью колибри (он шутил каждые две секунды этой ночью. КАЖДЫЕ ДОЛБАННЫЕ ДВЕ СЕКУНДЫ) я удобно развалился на мягком матрасе, наблюдая за быстро осушаемыми бутылками алкоголя.

Мой брат был в хлам. Он мне сам это сказал, наклонившись к уху и хихикнув прошептав:

– Я в хлам.

Макс был тоже в хлам. Все были в хлам кроме меня. Я прослыл для всех «малышом», ещё одно правило старений жизни сквота. Ты становишься «малышом», как из сказки про Карлсона, если отказываешься бухать. Для всех твоё

пробывание в заброшенном притоне автоматически становится непонятным.

Поставив стакан на грязный пыльный пол, Майкл встал со своего матраса, подходя к нам:

– Есть одно местечко в лесу – шёпотом начал он, будто боясь, что продуманные давалки всё услышат – Я хочу чтоб вы его узрели. Оно недалеко, десять минут пешком.

Макс закивал, не дождавшись окончания предложения. Мерзкое противно пахнущее создание под названием «Майкл» издало животный вопль. Он рыгнул, осушив стакан пива.

В сопровождении теней, которых никто никогда не замечал, мы вшестером вышли из здания.

Лес, чью ночную гармонию разрушали звучные биты пестрого уголка веселья, полностью залился мраком. Высокие стены хвои стали полностью тёмными.

Сделав шаг, я бы сразу грохнулся лицом в жёсткую траву. Я то себя знаю. Включив фонарь на телефоне, я сразу же нарвался на громкий возглас:

– Не стоит рушить гармонию леса! – раздражённо вскрикнул Майкл, бросив на меня очередной косой взгляд.

«Придурок, эта гармония была жестоко убита ещё несколько лет назад, как только ты решил превратить заброшенную фабрику в притон». Я послушно выключил фонарь.

Казалось что я иду в безвоздушном пространстве. Только звезды сверху и тусклые силуэты деревьев выдавали что я ещё тут, на Земле. Мы все шли и шли вдаль леса. Звуки музыки становились все тише и отдаленней от меня. Майкл всю дорогу рассказывал про эти места. Он рассказывал про то, как тут густо посажен лес и про то, что тут могут жить олени. Олени? Серьезно. После такого количества марихуаны и динозавра в лесу можно было увидеть. Далее его мерзкий гундосый голос начал рассуждать про то, насколько дольше люди жили раньше. Ну конечно. Раньше никто столько алкоголя за ночь не выпивал.

Все это время я шёл и смотрел вверх на звёзды. Полный космос. Тысячи огоньков. Опять этот мерзкий голос мешает мне наслаждаться моментом. Ведь момент и правда был идеальным. Я шёл среди густого леса, вдыхал свежий воздух, а надо мной бесконечность.

Я задумался о том, что Майкл создал для себя сам тут идеальную жизнь. Он был вожаком в своём царстве наркотиков и алкоголя. И было видно, как с каждым взглядом он все больше и больше расцветает. Все хотели слушать его бред. И ему это нравилось.

– Мы уже почти здесь. – крикнул пацан в Срэшере.

И тут я обомлел. Встал на месте, моргая глазами и взглядом обводя пейзаж, что раньше мне доводилось видеть лишь на фото обоях или шоу «Discovery». Перед собой я увидел хрустальное озеро, отбивавшее в себе, как зеркало, свет яр-

кой луны, окружённое непроглядным лесом, грозно нависающим над водной гладью. Вся вода светилась и переливалась яркими огнями, будто бы на глубине кто-то пускал фейерверки в честь четвёртого июля. Было темно. До чёртиков темно, но красота места настойчиво прорывалась сквозь мрак.

Холодный воздух медленно щекотал моё тело, вызывая неловкие мурашки. Редкие порывы дули в лицо, небрежно взъерошивая волосы.

Компания Майка стояла сзади громко смеясь нарушая гармонию озера. Я совсем не заметил, как Дэн отбросил в сторону тёмную толстовку, хохоча убегая в сторону. Она чёрным пятном упала на песок, выглядящий белоснежным в свете полной луны.

Медленно поддавшись к холодной воде, я наклонился, погрузив ладонь под воду. Холодная, но приятная. Вызывающая лёгкую расслабляющую дрожь.

Я сделал глубокий вдох, на секунды закрыв глаза, хотя закрывать их совершенно не хотелось.

В темноте доносился громкий смех весёлых парней, звук падающих на землю одёжек и громкие шаги. В мои ноздри неторопливо просачивался пахнувший сыростью воздух, который заставлял каждую частичку тела наслаждаться моментом.

Я выдохнул, открыв глаза и подняв взгляд на серебряную луну. Позабыв о том, что рядом со мной притаилась подвы-

пившая копания, которая словно свора волков выжидает момента, чтобы на кого-то накинуться и обсмеять, я протянул руки над головой пальцами пытаюсь ухватить свет.

Я сумасшедший.

Яркие лучи проскальзывали мимо моих пальцев, игриво слепя глаза. Приоткрыв рот, я дал ароматному воздуху залететь внутрь меня.

Каждая клетка тела была тут – вдали от всего: от окровавленных трупов и загадок без ответов, от задиристых хулиганов и мерзких ночных кошмаров. Я был далеко от всего этого, кожей ощущая свет луны.

Наклонившись, я взял в ладонь холодный твёрдый камень. Он был достаточно увесистый, чтоб создать целый фонтан брызгов, после того как я его закинул в воду.

Я вёл себя как инфантильный трёхлетний мальчик, чьи родители, купив “Kinder” привели его на озеро поиграть с уточками.

Секунды – и громадного камня нет. Тёмная пучина, вода цвета ночи полностью проглотила его.

«Бульк!» – и лишь тихие волны на идеально ровной, как зеркало, водной глади.

Надо мной был космос, подо мной – тоже космос. Тьма, которая всасывала полностью, стоило лишь засмотреться. Она приковывала взгляд и заставляла смотреть лишь на неё.

Тут было хорошо. Это место идеально.

Именно в идеальном месте я почувствовал, будто кусок

моего сердца не на месте. Ну вот, банальная фразочка. А так хотелось их не употреблять.

Я был одинок (так и то лучше), осознавая это с каждой новой секундой наслаждения пейзажем.

Тёмная водная пучина на секунды осветилась, показав знакомый силуэт внутри. Идеальное утончённое лицо как у фарфоровой куклы. Мрачный белый цвет кожи и горящий красным яркий румянец. Густые брови, острыми концами желающие дотянуться до ушей. Огромные хрустальные глаза, словно выдутые из муранского стекла. Широкая искренняя белоснежная улыбка и нежный лёгкий аромат её тела.

Ева. Девчонка, с которой я обменялся лишь парой реплик, создавая проект о Лаосе надолго застряла в моей голове не желая выходить. Она там уютно обустроилась, засев надолго и проявляясь тусклыми силуэтами во мраке ночи. Кажется, в круглом месяце я видел очертания её волос, медленно расплываясь в глупой улыбке.

Она наклонилась над толстым блокнотом, старательно выводя линии простым карандашом. Ну а я, как ненормальный, старался наклониться ближе к её густым волосам, пахнущим дурманящей лавандой. Или то были ягоды? Или всё же лаванда?

Может, я помешанный?

Всё, чего мне хотелось так это привести её сюда и сесть на холодный берег. Ну, не просто на грязный песок, а подстелив шёлковую белую подстилку. Как в лучших мелодра-

мах и классических фильмах про маленькие богатые городишки. Я в белом поло, она в изысканном коротком платьице. Между нами плетённая деревянная корзина, в которой воняет французский сыр с плесенью, передавая свой аромат коричневым хрустящим тостам с корочкой.

Я бы взял её руку, взглянув в большие глаза и ощутив те самые эмоции. Одного её взгляда хватало для полного спектра.

Сколькими словами я обменялся с девчонкой, о которой беспрерывно мечтаю с утра?

Тридцать.

Или сорок.

Точно, я помешанный.

Взяв в руку очередной холодный камень, на этот раз легче чем предыдущий, замахнувшись, я закинул его в воду наблюдая за брызгами. Детальный силуэт красотки мигом растворился, распавшись на мелкие осколки после громкого удара.

– Эй!

Я окунул ноги в холодную воду, чувствуя как усиливается щекотливая дрожь пробегающая по икрам.

– Эй-й-й! – протяжно крикнул Андрей второй раз – Его Величество Интроверт, не соизволите ли вы разогнать долбаные витающие вокруг вашей черепной коробки мысли и проводить сию ночь с нами! – он был подвыпивший. Повернув голову, я увидел, как он шатаясь скинул с себя светлую

рубашку – Величество Интроверт, ты будешь прыгать?

Слегка приподняв глаза, я увидел небольшой остроконечный холм, мрачной тенью нависший над хрустальной водой. Его стены резко обрывались в воду. По форме он напоминал отрезанный кусок яблочного пирога.

На вершукке уже стояла весёлая двойка, не комплектуется своими тощими дистрофически сложенными телами. Кажется, что очередной сильный порыв ветра подхватит их и навсегда унесёт на север.

Дэн подправил длинные чёрные волосы, наклоняясь и с интересом смотря вниз. Разбежавшись, он спрыгнул, выдавив из себя мерзкий приглушённый крик во время полёта.

Я стоял на вершукке холма, нехотя стягивая тёплые джинсы.

Вторая «тень» не медля спрыгнула за своим другом, растворившись в тёмной воде.

Секунда – и тело пропало из виду. С высоты мелкий холмик казался вершиной долбанного Гранд-Каньона.

Звук волнующейся воды эхом долетел до ушей.

Обернувшись, я с надеждой посмотрел на Макса и Андрея, скрестивших, как братья-близнецы, руки у себя на груди. Слегка вздрагивая от холода они поочередно дёргали грудными мышцами.

«Интересно, они специально повторяют приём Скалы Джонсона или у качков это происходит само собой?»

– Вы? – коротко спросил я, указывая на обрыв.

Макс рассмеялся:

– Ага, чтоб ты убежал прочь пока мы будем внизу? Я тебя знаю и лично прослежу чтоб твоё напуганное дрожащее тельце с головой окунулось в воду.

Он угрожающе сделал большой шаг ко мне, протянув руку собираясь меня столкнуть.

– Не смей! – громко обрезал я, наблюдая за тем как его ладонь шатаясь повисла в воздухе. Он был пьян как и его друг.

Кого-то не хватает...

Я медленно подошёл к самому обрыву, медленно вдыхая свежий воздух.

Внутри тьма. Бесконечная бездна. Я буду прыгать в неизвестность, не зная что меня ожидает внизу. Просто разгуюсь и закрою глаза.

По телу В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ пробежала дрожь, сейчас, скорее всего, не из-за страха.

Не смотри вниз

Я не мог отвести своего взгляда от мрачной бездны. Тяжело откинув все предрассудки спрыгнуть неизвестно куда.

– Может быть нам сесть? – иронично хмыкнув спросил Андрей.

Я шагал навстречу неизвестности, через секунду ощущая ледяную воду всем телом. Волосами, руками покрывшимися мерзопакостной гусиной кожей и сузившимися губами.

Лишь свободное падение и мгновение перед погружением в неизвестность. Всё так просто.

Под водой я открыл глаза, слегка вздрогнув. Тьма. Беспросветный мрак, будто бы я закрыл глаза готовясь ко сну. Моё тело, продолжающее погружаться, охватывали маленькие пузырьки кислорода. Удручающая тьма будто бы засасывала меня к себе, злобно притягивая за пальцы ног.

Сердце будто остановилось.

Я ощутил безысходность, как космонавт которого выкинули в космос с ракеты «NASA». Кожа чувствовала давление а мозги навязчивые мысли.

Моё тело выключилось, будто кто-то просто нажал на красную кнопку «OFF». Руки не желали двигаться, впрочем, как и ноги.

Я не понимал себя.

Я никогда не понимаю себя.

Лишь спустя секунды ноги лениво задвигались, поднимая меня наверх.

Я сделал глубокий вдох, открыв глаза и продолжая видеть тьму. Космос продолжался. Мрак и яркая луна. Либо меня подводили глаза, привыкшие находиться под водой, либо в лесу резко убавили яркость света.

Тело дрожало от каменного холода. На песчаном берегу вода не казалась такой холодной.

Я не видел берега, на минуту теряясь в пространстве. Я был один посреди просторной водной глади, пытаюсь выкри-

кивать не членораздельные фразы:

«Эй! Где вы?»

Вдруг посреди удручающей темноты послышался душе-раздирающий крик. Крик ужаса, который одним лишь своим звучанием поверг меня в панику.

Глава 8 #КоролевствоПолнойЛуны #часть 1

Из **его** живота торчал остронаточенный нож, блестящее лезвие которого сквозь алые капли отображали яркий свет полной луны. **Он** хотел кричать, но не мог. Каждый раз, как только **он** раскрывал рот, из уст на толстовку падала свежая кровь. Вцепившись в тёплую кофту, незнакомец оттаскивал **его** дальше в лес. Всё что **он** мог разглядеть, так это факел, который освещал силуэт в чёрном. Чем ближе силуэт продвигался к нему, тем чётче было видно его старое, худое, костлявое и измученное лицо, узкие высушенные губы и длинный нос, посередине которого красовалась неаккуратная горбинка.

Я продолжал недвижимо барахтаться на поверхности воды, двигая ступнями и ощущая каменный холод.

Крик продолжался. Истошный вопль эхом отбился от высоких зелёных сосен, после чего резко прекратился. Будто бы ничего и не было. Будто бы густой ночной лес продолжал находиться в состоянии сна.

Моя дрожащая рука потянулась к мокрым волосам, быстро проведя по густой пряди. Мне нужно срочно выбираться. Оглядываясь по сторонам я словно немел и на секунды становился парализованным, как тяжёлый камень посреди озера.

Силы приходили ко мне постепенно. Нырнув в тёмную пучину, я погрёб к песчаному берегу, ногами прорывая ледяную воду. Сейчас она казалась перевезённой прямо из глубин Ледовитого океана, всё этот крик.

Может быть мне показалось? Надеюсь. Как бы я не хотел чтобы этот крик звучал по-настоящему.

Перед глазами встал вид распятого трупа: алые ручки, стекавшие по влажной коже, безжизненное выражение лица... Я из всех сил старался не впускать размышления о кровавом убийце в свою голову, делая вид что всё это не со мной, это происходит вовсе в другом месте с другими людьми. Так делал весь город, не понимая что мрак начинает поглощать в себя их жизни.

Сейчас он поглотил меня. Тёмная вода. Ночной лес и абсолютная тишина. Крик казался сном, нелепым миражом пришедшим ко мне во время погружения.

В холодном свете луны чётко просматривался мелкий песок, на котором держав колени у груди сидел шокированный парень. Его ступни почти полностью ушли под песок, а руки нервно вцепились в кожу на ногах, будто желая разорвать их в клочья.

Его грязные зубы скрытые древним слоем белого налёта, не видевшего зубной щётки, хаотично стучали друг об друга. Его напуганный холодный взгляд устремился в одну точку впереди.

Молчаливый наркоман-тень Майкла был обескуражен. Что-то смогло его чертовски напугать.

Я вышел из воды, обхватив себя руками и под пальцами почувствовав лёгкую дрожь.

Сердце заколотилось быстрее.

Под моей босой ногой показалась красная жидкость. Точнее, в темноте она выглядела словно кто-то перевернул стакан колы. Цвет удалось разглядеть позже, и когда я его разглядел, до меня наконец дошло:

– Это что, кровь!?!? – обескуражено выкрикнул я. Эхо моего нелепого дрожащего голоса разлетелось по лесу.

Взгляд парня продолжал недвижимо стоять на лысом дереве вдалеке, выделявшегося среди себе подобных голыми острыми ветвями.

Я поднял ступню, разглядывая алые капли на бледной коже и ощущая как медленно тошнота подходит к горлу.

Деревянный крест, холодное лицо и быстрые ручки, неутомимо стекающие вниз...

Окидывая лужу быстро бегающим взглядом, я подошёл к парню, чьё имя так и не узнал, и присел на корточки:

– Что случилось? – он не реагировал, упорно меня не замечая.

– СКАЖИ МНЕ – громко завопил я, вцепившись в его холодное костлявое плечо – Чья это кровь?

– Его... – таинственно обрезал он, продолжая рассматривать высушенную кору далёкого дерева.

– Говори! – крикнул я, ощущая тяжёлый ком в горле. Он поднимался всё выше и выше с каждым словом.

– ДЭНА – резко выпалил он, подскочив с места и ладонью вытерев холодные слёзы, подступившие к глазам – Это кровь Дэна – он стал нервно осматриваться по сторонам, буд-то ожидая что из тёмных кустов выбежит агрессивно настроенный убийца.

– Где он? Что случилось? – продолжал я заваливать его вопросами.

Молчание. Абсолютная тишина.

Взгляд «тени» вновь растворился в тёмной пучине. Он забыл про меня, медлительно сев на холодный песок и потянувшись к красной жидкости.

Неловко стряхнув с себя ледяные капли, я быстрым шагом пошёл прочь от берега. Я был голый посреди мрачного леса. При мне не было ни телефона, ни тёплой одежды. Лишь предательски открывающее моё тело дующим сквознякам намокшие короткие трусы.

Босые ноги ступили на колючие опилки. Песок сменила собой влажная земля.

Узкая тропинка ловко окружила небольшое озеро, скрывая лысую дорогу за высокими терновниками и кустарника-

ми.

Впереди меня была тьма, ступить в которую было настоящим испытанием характера.

Что могло произойти?

Несчастный случай? Да, пожалуйста, пусть это будет несчастный случай. Безмозглый пьяный наркоман распанахал себе ступню об острый камень. Звучит? Звучит.

Обернувшись, я в последний раз окинул взглядом сутулившегося голого парня, рассматривающего пальцы, замызганные алыми каплями. Подползая ближе к луже он продолжал намазывать руки чужой кровью.

Обмакнув мизинец, он засунул его в рот и аппетитно причмокнул.

Безумец.

Я бежал по узенькой тропе, периодически ощущая как мелкие сосновые иголки впиваются мне в пятки. Пару раз я наступил на мелкие противные шишки.

Закрыв глаза, я старался быстрее добежать до места откуда спрыгнул. Я был один посреди леса.

Сердце готово было вырваться из груди. Каждый новый шаг давался с трудом, с новой дикой мыслью и страшной детальной картинкой.

Дэна уже расчленили на кресте, как и сделали это с несчастным Давидом

Нет-нет-нет. Ты несёшь бред, Влад.

Недалеко от меня послышались тихие шорохи. Из кустов вылезли массивные силуэты.

Прикрикнув, я подпрыгнул на месте от неожиданности рассмотрев знакомые лица.

Андрей и Макс: растерянные, напуганные и дрожащие от холода.

Андрей накидывал рубашку, пытаясь засунуть руки в узкие рукава. Макс уже одел своё поло, просовывая ноги в узкие джинсы.

– Чё орёшь? – спросил Андрей, начав застёгивать пуговицы.

– Что... что... – я отдышался – Что-то странное происходит. На берегу, чёрт – я опять замялся, переводя дыхание – Чья-то кровь.

– Мы слышали крики – напуганно рассказал Макс – Схватив вещи мы побежали на крик.

Он снисходительно окинул взглядом моё голое дрожащее тело, причмокнув и протянув руку, в которой небрежно держал мою одежду как полковую тряпку.

– Спасибо – бросил я, выхватив джинсы сразу же пытаюсь натянуть их на мокрые ноги.

– Звоните в полицию – командовал Андрей – Вы помните что случилось с жиробасом Давидом?

Похлопав по карману, я победно достал телефон и включил экран, осветивший зелёные деревья рядом с нами.

– Блин, тут нет сети – разочаровано выдохнул я.

– Чтоб она была нужно забраться на возвышение, типа дерева – предложил Макс.

– А разве это не долбаный миф из дешёвых киношек про маньяков? – фыркнул Андрей.

«Тяжело признавать, но похоже прямо в такой киношке с мрачным лесом, мирным озером и жутким маньяком находимся мы» – произнёс про себя я, сразу же откинув безумную мысль. Просто несчастный случай. Точка.

Спустя пару минут я нашёл достаточно высокую сосну. Долго искать не пришлось, тут у каждой высота была явно «достаточная». Своими острыми верхушками они тянулись к небу, разрывая серые улетающие прочь облака.

Я облокотился об дерево, под пальцами ощущая жуткую кору и с замиранием сердца смотрел вверх.

«Ну и как ты туда залезешь?»

«Я всё детство лазил по деревьям, скептик Влад, неужто ты думаешь что я разучился?»

«Ставлю сотку»

Сняв с штанов массивный пояс с металлической бляхой, на которой был изображён разъярённым орёл и крупными буквами написано «Харли Дэвидсон», я обмотал его вокруг узкого ствола подошвой прижимаясь к дереву.

Навыки остались.

Внезапно.

«Отсоси, скептик Влад»

Шаг за шагом я продвигался вверх, навстречу многообещающей связи, способной вывести нас из жуткого места.

Ветка за веткой, и я почти на вершине. Спасибо поясу «Харли», за то что оказался достаточно крепок (это не реклама).

Я бережно ставил дрожащие ноги на тонкие ветви, оказывающиеся достаточно прочными.

Может быть я всё таки везучий?

«Как тебе такое, скептик-Влад?»

Одна из ветвей сломалась под ногой, с треском полетев вниз.

«Ха-ха, с тебя сотка, гадёныш»

Сердце забилося ещё чаще. Я повис на дереве как выстиранное белье подвешенное за ниточку в Неапольском дворике.

Сердце колотилось. До вершины было как раком до Лос-Анджелеса.

Я аккуратно сел на ближайшей достаточно толстой ветви и свесил ноги, наконец достав телефон из кармана.

«НЕТ СЕТИ» – чёрт-бы-побрал-эту-клятую-долбанную-ненавистную-заставляющую-залезать-на-сосны-размером-с-грёбанный-Эверест-сеть – сети просто не было.

Сделав глубокий вдох, я осмотрелся, опустив взгляд вниз, после чего быстро обвёл мрачное озеро и яркую луну.

Я чувствовал себя придурком, идиотом и...

«3G» – над дисплеем горели две святые буквы.

У полиции есть Вайбер?

Отвечаю сразу, у полиции нет Вайбера (проверено).

У полиции есть WhatsApp?

У них его нет (проверено).

Я сидел на ветви сосны, продолжающей впиваться в мою задницу, в раздумьях над новыми быстро переходившими безумными идеями.

Я открыл Инстаграм (у полиции нет Инстаграма) открыв Стори и не думая нажав на кнопку “Play”. На тёмном изображении не было видно моего лица, лишь мерзкий напуганный дрожащий голос:

– Прошу, кто-нибудь кто это смотрит, вызовите полицию к старому магазину бытовой техники, мы в лесу у озера и возле него и тут твориться что-то ужасное.

Десять секунд отведённые под Стори закончилось. Не довольствуясь своим жалким тембром я выставил видео.

Ну а что? Даже самый безумный план имеет место быть.

Я не стал долго думать, мигом сдвинув ленту и включив прямой эфир.

На часах полночь. Я надеялся что хоть один несчастный зритель позовёт на помощь.

Безумец.

На фоне тёмного экрана крупные цифры не спеша отчитывали: «3-2-1».

Моё лицо почти не просматривалось. Темень и ветви сос-

ны, сквозь которые проникал лунный свет.

«Пожалуйстапожалуйстапожалуйста» – шептал я. На ветвь надо мной перелетела крупная ворона, мелким чёрным глазиком покосившись на экран.

Она топала ближе, в то время как на трансляции не было ни одного зрителя.

«Кар!» – крикнула она, после чего начала грозно хлопать пышными широкими крыльями.

– Пошла вон! – вскрикнул я отогнав птицу.

alex_smith0101, кто это вообще? Мой первый зритель, первая ласточка и надежда на помощь.

На аватарке биг-бен и лысое лицо на фоне.

Я из всех сил включил свой британский английский, пытаясь уговорить незнакомца вызвать полицию.

«ХЭЛО АЛЕКС» – в Британии ведь, здороваясь, в конце протягивают букву «О»?

Я назвал адрес магазина и сказал что у озера рядом кто-то тонет. Он вышел. Гавнюк.

Каким нужно быть уродом, чтоб выйти с трансляции когда у тебя просит о помощи шестнадцатилетка на ломаном британском английском?

Моя новая одноклассница Ariana_2304. Вроде-бы, если я не начал сходить с ума у ночного озера. Она сидит за столиком инстаграмщиц, бросая многозначительные взгляды на наш столик.

– Это... – протянул Андрей, увидев мой увлечённый

взгляд, скользнувший по её длинным светлым волосам – Как её там...

– Я помню что в инсте она «Ариана» – добавил Макс.

– Угу, правда ещё меньше чем Гранде. Сколько там в ней?

Метр сорок два?

Я начал просить у неё.

Ariana_2304

Йоу) Мне надо тебе кое-что сказать.

– Вызови полицию к озеру у старого игрушечного завода!!! – как не в себе орал я.

Ariana_2304

Моя подруга считает что ты классный. Это по секрету.

Она сказала что ты похож на Колтона Хайнса, только если бы он был натуралом.

Ariana_2304

Хейнса*

Ariana_2304

Или Хайнса, срать

– Ты оглохла?!?! Вызови полицию!!! Тут кровь и чьи-то крики!!! – мой голос эхом раздался по всему лесу. Я напуганно оглянулся, будто боясь что меня кто-то услышит.

Ariana_2304

Сорян за безграмотность, на трансax всегда быстро набирать стараюсь)00))

Ariana_2304

Да не горячись, я уже вызываю.

Спасение. Кто-бы мог подумать, что им окажется безграмотная девочка назвавшая меня Колтоном Хейнсом.

На трансляцию заходило всё больше и больше людей.

«alice_within_madness»

“kate_dancer”

“sandraworld”

Я просил помощи у каждого, неправильно читая странные ники старательно выговаривая согласные и ошибочно ставя ударения.

Должно помочь.

Глаза опустились вниз, на истоптанные свисающие с ветви кеды.

Тьма под сосной медленно развеялась, в ней показались десятки огоньков.

Вначале внимание привлёк тусклый оранжевый свет, осветивший собой колючие иголки соседней ели. Спустя секунды рядом с ним появился ещё один, ещё один и ещё...

Их было множество. Десятки огоньков медленно скапливались внизу, зажигаясь один за другим.

Спустя минуту тёмная сырая земля под основанием дерева полностью освещалась, слегка слепив мне глаза. *Огонь!

* – внутренний голос отчаянно кричал – *ОГОНЬ!*

Это был самый настоящий огонь.

Как посреди ночного безлюдного леса мог появиться огонь?

Эфир продолжался, напоминая о себе мигающими сер-

дечками сыпящимися из низу. Сейчас моё лицо осветило тёплым светом: напуганное, жалкое и слегка глупое. Лицо человека который ни черта не понимает о том, что с ним происходит.

sandraworld

Ты забавный) почему у тебя такое плохое освещение?

Тупица, я один шокированный вздох назад рассказывал о загадочной крови на песке.

Надо слезать, огонь разгоревшийся подо мной напрягал. Я чувствовал приятную теплоту оголённой щиколоткой, которую открыл задравшийся подкат.

Я развернулся услышав тихий хруст.

Спокойно, нужно аккуратно перекинуть ногу.

Ххххрусть!

О нет, всё будет о'кей, я обмотал пояс вокруг ствола и...

ХРУСТЬ!

В одно мгновение ветка подо мной сломалась.

– Бред, тупорылый Дэн просто разбил свой горбатый нос, после чего пошёл ссать в лес – кинул Андрей пнув мелкий камушек, лежавший на пыльной тропе.

– Скорее всего он уже поссал, выйдя на берег забыв застегнуть ширинку и своим гундосым голосом роняя типа: «Эй! Где все?» – хихикнул Макс, следуя за Андреем. Его взгляд застыл на сияющей водной глади озера. На ровном идеальном отклике луны, который словно тропа в рай сте-

лился прямо к нимпод ноги.

– Я вот о чём подумал, где грёбанный Майкл, чёрт бы его побрал? – Андрею была чужда невероятная красота сияющей воды, в каждой капле которой будто содержался чистый камень «Сваровски».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.